

КАБИНЕТ
Уголовного Права
3 Гос. Университета.

Приложение къ „Праву.“

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

Дѣло б. московскаго градоначальника Рейнбота и его помощника Короткаго.

Определеніями 1 Департамента Правительствующаго Сената отъ 6 марта 1909 г. было назначено предварительное слѣдствіе надъ бывшимъ Московскимъ градоначальникомъ, генералъ-майоромъ въ отставкѣ, А. А. Рейнботомъ по признакамъ преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст.ст. 338, 339, 341, 348, 354, 356, 362, 372, 373, 377, 378, 404 и 411 Улож: Наказ., и надъ бывшимъ помощникомъ Московскаго Градоначальника, отставнымъ Гвардіи полковникомъ, В. А. Короткимъ по ст. ст. 338, 341 и 377 того же Уложения, причемъ для приведенія въ исполненіе опредѣленія въ отношеніи отставнаго генералъ-майора Рейнбота было постановлено, на основаніи прим. 6 къ ст. 1088 Уст. Уг. Суд., испросить ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе, каковое по всеподданнѣйшему докладу о семъ Министра Юстиціи послѣдовало въ 21 день апрѣля 1909 г. Произведеннымъ засимъ по настоящему дѣлу предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено нижеслѣдующее:

1) На основаніи 33 ст. ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ 22 мая 1862 г. смѣтныхъ правилъ, остатки, образующіеся отъ смѣтныхъ ассигнованій, составляютъ принадлежность Государственнаго Казначейства, за исключеніемъ лишь остатковъ отъ ассигнованій на содержаніе личнаго состава управленій и на канцелярскіе припасы; на счетъ этихъ послѣднихъ остатковъ могутъ быть выдаваемы награды и пособія чиновникамъ, причемъ, однако, воспрещается остатки отъ личнаго состава одного мѣста обращать въ награды и пособія чиновникамъ другихъ мѣстъ. Ближайшія обязательныя для распорядителей кредитовъ указанія о порядкѣ примѣненія этого общаго правила заключаются въ установленныхъ по каждому вѣдомству частныхъ правилахъ о назначеніи денежныхъ выдачъ, ибо, по ст. 91 кассовыхъ правилъ, „при отнесеніи расходовъ къ тому или другому смѣтному подраздѣленію, распорядители руководствуются номенклатурой самыхъ смѣтъ и указаніями, заключающимися по сему предмету въ частныхъ правилахъ о назначеніи денежныхъ выдачъ“. Въ правилахъ же о назначеніи денежныхъ выдачъ по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ относительно расходванія остатковъ указано слѣдующее: по ст. 72 и 85 сихъ правилъ, остатки отъ суммъ, ассигнованныхъ на личный составъ канцеляріи Градоначальника и на хозяйственные расходы (смѣта Департамента Общихъ Дѣлъ § 17 ст. 3 и 4), могутъ быть выдаваемы въ награды и пособія чиновникамъ и другимъ лицамъ, служащимъ въ этихъ канцеляріяхъ; по ст. 200 правилъ, изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнуемыхъ на содержаніе личнаго состава Городскихъ Полицейскихъ управленій (смѣта того же Департамента § 23 ст. 1), награды и пособія можно выдавать только полицейскимъ чиновникамъ и другимъ лицамъ, служащимъ въ этихъ Управленіяхъ; наконецъ, по ст. 213 правилъ, изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнуемыхъ на хозяйственные расходы Полицейскихъ Управленій (§ 23 ст. 2 той же смѣты), могутъ быть производимы награды и пособія полицейскимъ чиновникамъ и другимъ лицамъ, служащимъ въ Полицейскихъ Управленіяхъ, за исключеніемъ остатковъ отъ содержанія городскихъ и другихъ нижнихъ чиновъ. Между тѣмъ, по осмотру подлежащихъ

документовъ и записей въ бухгалтерскихъ книгахъ, оказалось, что, въ нарушение указанныхъ правилъ, по ассигновкамъ, подписаннымъ генераломъ Рейнботомъ, изъ суммъ по § 17 смѣты, назначенныхъ на содержаніе Канцеляріи Градоначальника, производились выдачи наградъ и пособій чинамъ сысской полиціи, конно-полицейской стражи, Врачебно-полицейскаго Управленія и проч. Равнымъ образомъ, изъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Городскихъ Полицейскихъ Управленій, а также на жалованье городovýmъ по § 23 ст. 1 и 2 смѣты Департамента Общихъ Дѣлъ, были сдѣланы ассигнованія на награды и пособія нѣкоторымъ изъ чинов Управленія и Канцеляріи Градоначальника, какъ, напр., помощникамъ Градоначальника, чиновникамъ особыхъ порученій и штабъ-офицерамъ при Градоначальникѣ, секретарю, бухгалтеру, дѣлопроизводителямъ и ихъ помощникамъ и т. п. Изъ этого же кредита выдавались пособія чинамъ охраннаго отдѣленія, сысской полиціи, центрального приемнаго покоя, Особаго по Городскимъ дѣламъ Присутствія и т. п. По подсчету, сдѣланному экспертомъ, статскимъ сов. Кутлеромъ, всѣхъ выдачъ, сдѣланныхъ въ нарушение вышеприведенныхъ правилъ, экспертъ пришелъ къ убѣжденію, что общее количество неправильно выданныхъ Генераломъ Рейнботомъ въ награды и пособія суммъ, по § 17 смѣты, должно быть признано за 1906 г. въ размѣрѣ 2825 руб. и, по § 23 смѣты, въ 1906 г. въ количествѣ 44119 руб. 70 коп., а въ 1907 г.—1413 руб. 30 коп. Кроме сего, тотъ же экспертъ призналъ по счету суммъ на жалованье городovýmъ и десятникамъ неправильно выписанными въ награды и пособія въ 1906 и 1907 г.г. всего 294733 руб. 90 коп. По удостовѣренію помощника Градоначальника Петрова, генералъ Рейнботъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе счетнымъ отдѣленіемъ и управленіе казначействомъ, распоряжаясь непосредственно по дѣламъ, касающимся денежной части, причемъ Петрову было предоставлено лишь утверженіе подписью имѣющихъ формальное значеніе ордеровъ и нѣкоторыхъ ассигновокъ на незначительныя суммы, а также производство, въ составѣ особой комиссіи, ежемѣсячныхъ ревизій денежныхъ суммъ Управленія; какого-либо болѣе дѣятельнаго вмѣшательства въ денежные дѣла послѣдняго генералъ Рейнботъ не допускалъ и со стороны бывшаго Управляющаго Канцеляріей его Быкова, который объ этомъ лично сообщалъ какъ Петрову, такъ и старшему чиновнику Сенаторской ревизіи Николаю Дмитріеву. Согласно ст. 1, 2, 4, 5, 57 и 65 кассовыхъ правилъ, всѣ вообще доходы государственныя, спеціальныя средства государственныхъ учреждений и поступающія въ ихъ вѣдѣніе суммы партикулярныя и депозиты сосредоточиваются въ казначействахъ, коими и уплачиваются кредитерамъ казны по ассигновкамъ учреждений; сіи же послѣдніе не получаютъ на руки никакихъ суммъ, кромѣ денегъ, отпускаемыхъ имъ на особые основанія по авансовымъ ассигновкамъ. Затѣмъ, по ст. 84 и послѣд. тѣхъ же правилъ, денежные выдачи производятся казначействами непосредственно прямымъ кредитерамъ казны по составленнымъ на ихъ имя частнымъ ассигновкамъ или же уполномоченному отъ учрежденія чиновнику въ томъ лишь случаѣ, когда дается сборная ассигновка по удовлетворенію служа-

маш. 27 9966h9

86169

щих, командъ или рабочихъ, причѣмъ лицо, получившее для сего деньги изъ казначейства, обязывается выдать ихъ по назначенію подъ росписки получателей въ требовательной вѣдомости, по которой составлена ассигновка. Полученныя, такимъ образомъ, по сборной ассигновкѣ и почему-либо не выданныя по назначенію суммы, согласно 119 ст. правилъ, должны быть возвращены въ Казначейство не позже 14 числа слѣдующаго мѣсяца. Въ частности, по ст. 20 правилъ о назначеніи денежныхъ выдачъ по Министерству Внутр. Дѣлъ, награды и пособия изъ остаточныхъ суммъ выдаются прямому кредитору непосредственно или же въ случаѣ назначенія таковыхъ нѣсколькимъ лицамъ одновременно, по сборной ассигновкѣ, подъ росписку кредиторовъ на требовательной вѣдомости. Изъ установленныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ данныхъ видно, что въ казначейской части Московскаго Градоначальника былъ допущенъ цѣлый рядъ нарушенийъ вышеозначенныхъ кассовыхъ правилъ. По объясненію бывшаго казначея градоначальства Сергія Покровскаго, въ завѣдываемомъ имъ казначействѣ хранилась въ общей массѣ вся наличность поступающихъ туда денегъ, въ которую входили суммы, выписанныя для выдачи въ награду и жалованье служащимъ и чинамъ полиціи, и деньги, получаемыя ежемѣсячно изъ Московской Городской Управы на жалованье пожарнымъ и на выдачу добавочнаго содержанія городовымъ. Въ ту же общую кассу поступали и переходящія суммы, какъ-то: доставляемыя Приставами деньги, вырученныя отъ концертовъ и вечеровъ съ благотворительною цѣлью, деньги, найденныя различными лицами и отобранныя отъ разныхъ лицъ, а также присылающіяся въ градоначальство для выдачи по принадлежности и пр. Наконецъ, въ ту же наличность входили деньги, представленныя въ видѣ залога поставщиками, а равно и вносимыя владельцами помѣщеній, нанятыхъ для конно-полицейской стражи въ уплату выданнаго имъ аванса. При такомъ порядкѣ въ нѣкоторые періоды года на рукахъ у казначея скоплялась доходившая иногда до 60000 руб. наличность, которая, вопреки правиламъ, не вносила въ Губернское Казначейство, а служила для производства изъ нея, по распоряженію Градоначальника, разныхъ расходовъ. При выдачѣ жалованья, ассигновки составлялись на имя казначея, который, по полученіи отъ бухгалтера требовательныхъ вѣдомостей, а изъ Губернскаго Казначейства денегъ, раздавалъ таковыя приставамъ, а послѣдніе—чинамъ полиціи. Такой же порядокъ соблюдался при выдачѣ наградныхъ денегъ по общимъ спискамъ; наградныя же и пособия отдѣльнымъ лицамъ выдавались обыкновенно изъ свободной наличности казначейства градоначальства, а затѣмъ уже дѣлопроизводителемъ счетнаго отдѣленія составлялась ассигновка на имя казначея для полученія денегъ въ возвратъ выданныхъ. Скоплявшаяся въ казначействѣ наличность уменьшалась иногда вслѣдствіе выдачи изъ нея денегъ въ долгъ по заведенной въ канцеляріи, такъ называемой, „долговой книгѣ“, въ которую записывались ссуды денегъ, выдававшихся съ разрѣшенія Градоначальника заимообразно чинамъ разнужной полиціи и канцеляріи. По удостовѣренію помощника Градоначальника Петрова, практиковавшаяся въ казначействѣ выдача денегъ по долговой книгѣ вызывала иногда затрудненія при необходимости произвести срочный обязательный платежъ. Такъ, лѣтомъ 1907 г., при командировкѣ въ г. Нижній-Новгородъ городовыхъ, въ кассѣ у казначея не оказалось свободныхъ суммъ для выдачи на этотъ предметъ денегъ вслѣдствіе чрезвычайной задолженности казначейству разныхъ должностныхъ лицъ и учреждений, о чемъ, какъ убѣдился свидѣтель изъ разговора съ генераломъ Рейнботомъ, послѣдній былъ осведомленъ. Кромѣ сего, выписывавшіяся изъ Губернскаго Казначейства суммы, предназначенныя для выдачи наградъ и не выдававшіяся по назначенію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда, вопреки прямому запрещенію закона, переводились въ частный банкъ. Такъ, въ 1906 г. выписанныя по ассигновкамъ отъ 19 октября за № 4703 и № 4705 деньги на награды, въ количествѣ 115000 руб., по приказанію генерала Рейнбота, отданному бухгалтеру Филаретову, были внесены 20 же октября на текущій счетъ Градоначальника въ Московскій Купеческій Банкъ, гдѣ оставались до истребованія ихъ обратно 18 декабря того же года. Осенью 1907 г. во время

производства очередной ревизіи Казначейства градоначальства, казначей Покровскій заявилъ дѣйств. статск. сов. Петрову, что у него, казначея, находится на рукахъ незаписанная нигдѣ въ документахъ по ревизіи сумма около 32.000 руб., выписанная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по ассигновкамъ, подписаннымъ Градоначальникомъ для выдачи въ награду служащимъ въ концѣ года. Объ этомъ свидѣтель Петровъ въ тотъ же день доложилъ генералу Рейнботу, который черезъ бухгалтера Филаретова, отдалъ распоряженіе внести эту сумму на текущій счетъ въ тотъ же Купеческій Банкъ. Изъ дѣла видно, что на текущій счетъ Градоначальника въ означенномъ Банкѣ было принято 3 Ноября 1907 года 32470 руб. Послѣ воспослѣдованіи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 26 апр. 1906 г. мнѣнія Госуд. Совѣта объ учрежденіи въ составѣ Московской полиціи конно-полицейской стражи, предназначенной для оплаты расходовъ по формированію и содержанію этой стражи суммы, которая, по кассовымъ правиламъ, подлежала выдачѣ либо прямымъ кредитерамъ по ассигновкамъ, составленнымъ на ихъ имя, либо по авансовымъ ассигновкамъ, но только на имя тѣхъ лицъ, которымъ предоставлялось расходование аванса, въ нарушеніе означенныхъ правилъ, были выписаны на имя казначея Покровскаго по ассигновкамъ, подписаннымъ генераломъ Рейнботомъ отъ 25 августа 1906 года за № 3748 на 8000 руб., 20 сентября того же года за № 3871 на 7511 руб. 85 коп., 30 сентября за № 4334 на 2250 руб. и 28 ноября за № 5364 на 3358 руб. 10 коп. Изъ означенныхъ денегъ 8000 руб. были переданы для покупки верховыхъ лошадей бригад-маіору Гартге, который, истративъ изъ нихъ 2571 руб. 14 коп., остатокъ возвратилъ обратно, а 13119 руб. 95 коп. начальнику резерва Московской полиціи Комендантову. Независимо отъ изложенныхъ выше нарушеній обязательныхъ къ исполненію правилъ по завѣдыванію и распоряженію казенными денежными суммами, предварительнымъ слѣдствіемъ установлены еще ниже слѣдующія противозаконныя дѣйствія, допущенныя генераломъ Рейнботомъ при расходованіи отпускавшихся на нужды Московскаго градоначальства кредитовъ: согласно 3 и 91 ст. кассовыхъ правилъ, для производства денежныхъ выдачъ необходимо существованіе испрошеннаго въ установленномъ порядкѣ кредита; при отнесеніи же расходовъ къ тому или иному кредиту, распорядители обязаны руководствоваться номенклатурой смѣты и указаніями, заключающимися по сему предмету въ частныхъ правилахъ о назначеніи денежныхъ выдачъ. Въ нарушеніе этого порядка, генералъ Рейнботъ по собственному усмотрѣнію расходовалъ казенныя средства на разные предметы, вовсе не предусмотрѣнные дѣйствующей смѣтой, причѣмъ для предупрежденія возможности начета со стороны контрольныхъ учреждений, потребныя для этихъ расходовъ деньги выписывались изъ казначейства подъ видомъ пособій и наградъ, назначенныхъ разнымъ лицамъ, служащимъ въ градоначальствѣ, изъ остатковъ отъ смѣтныхъ ассигнованій. Такъ, въ концѣ 1906 г., вслѣдствіе предпринятыхъ, по распоряженію генерала Рейнбота, работъ по приспособленію зданія для помѣщенія открытаго имъ особаго отдѣленія типографіи Градоначальника, представилась надобность произвести уплату производившему эти работы подрядчику Михайлову, причѣмъ для окончательныхъ расчетовъ съ послѣднимъ не доставало около 2000 руб. Объ этомъ завѣдывавшій въ градоначальствѣ технической частью чиновникъ Эшингеръ доложилъ генералу Рейнботу, который сначала отвѣтилъ, что денегъ у него нѣтъ, а потомъ сказалъ, что подумаетъ и можетъ быть дать требуемую сумму изъ собственныхъ средствъ. Вскорѣ послѣ этого разговора деньги подрядчику Михайлову были уплачены путемъ выписки изъ суммъ, ассигнованныхъ по смѣтѣ на соряджаніе личнаго состава полицейскихъ Управленій (§ 23 ст. 1), 2200 руб. ассигновкою отъ 18 ноября 1906 г. за № 5232, причѣмъ въ оправдательномъ къ этой ассигновкѣ спискѣ было указано, что деньги назначены въ пособіе чиновнику особыхъ порученій Эшингеру и технику Поликарпову. Спрошенныя при слѣдствіи названныя лица удостовѣрили, что, по предъявленному имъ канцелярѣй требованію, они росписались на спискѣ въ полученіи назначенныхъ имъ наградъ—Эшингеръ въ размѣрѣ 1200 руб. и Поликарповъ—1000 руб., но въ дѣйствительности таковыхъ де-

нег не получали. Таким же способом, по распоряжению генерала Рейбота, ассигновкою отъ 2 декабря 1906 г. за № 5500 изъ тѣхъ же параграфа и статьи смѣты были выписаны 555 руб. 55 коп. въ возвратъ выданныхъ имъ помощнику дѣлопроизводителя Зубатову денегъ на расходы по типографіи, съ указаніемъ въ этой ассигновкѣ, что деньги назначены въ пособіе чиновнику особыхъ порученій Шереметеву. Далѣе показаніями полиціймейстера 1 Отдѣленія г. Москвы барона Вудберга и бывш. пристава Симоновскаго уч. Кожина установлено, что въ мартѣ 1907 г., по случаю отсутствія названнаго пристава, подвергнутого, по распоряженію Градоначальника, аресту на гаушвахтѣ, деньги, подлежавшія раздать участковымъ чинамъ полиціи въ жалованье, въ количествѣ свыше 1600 руб., были получены изъ Казначейства градоначальства помощникомъ пристава Федоровымъ, который затѣмъ проигралъ эти деньги въ карты въ Нѣмецкомъ Клубѣ, о чемъ и заявилъ приставу Кожину. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія Градоначальника полиціймейстеромъ Будбергомъ, дожившимъ также, что администрація Нѣмецкаго Клуба изъяснила желаніе пополнить совершенную Федоровымъ растрату казенныхъ денегъ изъ средствъ клуба, генералъ Рейботъ, найдя такой способъ пополненія растраты недопустимымъ, вызвалъ дѣлопроизводителя Арефьева и, узнавъ отъ послѣдняго, что свободныхъ денегъ на непредвидѣнные расходы въ градоначальствѣ не имѣется, приказалъ, несмотря на возраженія Арефьева, изъ особаго кредита, опущеннаго, на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. 13 февр. 1906 г. мнѣнія Госуд. Совѣта, на выдачу въ исключительныхъ случаяхъ пособій чинамъ городской и уѣздной полиціи, выписать въ пособіе бар. Вудбергу и Кожину: первому—1000 руб., а послѣднему—610 руб., и деньги эти обратитъ на возмѣщеніе проигранныхъ Федоровымъ суммъ, что и было исполнено истребованіемъ этихъ денегъ изъ казначейства по ассигновкѣ отъ 29 марта 1907 г. за № 1968, съ помѣщеніемъ въ представленномъ въ Контрольную Палату при этой ассигновкѣ спискѣ свѣдѣній, что деньги эти назначены вышепоименованнымъ лицамъ въ пособіе на леченіе, и съ росписками этихъ лицъ въ полученіи денегъ. Засимъ, предварительнымъ слѣдствіемъ устанавливается, что отношеніемъ отъ 11 Окт. 1906 г. за № 27867, поступившимъ, какъ это видно изъ помѣты на немъ, въ счетное отдѣленіе канцелярій Градоначальника 16 октября, Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутр. Дѣлъ, по поводу переписки, возникшей по вопросу о содержаніи вновь учрежденной въ составѣ Московской полиціи конно-полицейской стражи, обратился къ Московскому Градоначальнику съ просьбою сдѣлать распоряженіе о производствѣ расходовъ на содержаніе помянутой стражи за счетъ остатковъ отъ кредитовъ, ассигнованныхъ на содержаніе Московской полиціи вообще, и затѣмъ сообщить Департаменту о размѣрѣ недостающаго кредита на содержаніе стражи для сношенія съ Министерствомъ Финансовъ объ отпускѣ на указанную надобность кредита. Въ отвѣтъ на это требованіе генералъ Рейботъ, отношеніемъ отъ 26 того же октября за № 4805, увѣдомилъ Департаментъ для доклада Министру Внутр. Дѣлъ, что, по рассмотрѣніи состоянія суммъ, ассигнованныхъ въ его вѣдѣніе на содержаніе полиціи, оказалось, что въ настоящее время въ распоряженіи его, Градоначальника, какихъ-либо остатковъ отъ означенныхъ кредитовъ не имѣется, причемъ, изложивъ подробно свои соображенія о тягостяхъ, испытанныхъ въ послѣднее время чинами ввѣренной ему полиціи при несеніи службы, побуждавшихъ щедро вознаграждать тѣхъ изъ нихъ, которые несли особо трудную службу, генералъ Рейботъ въ заключеніе упоминаетъ, что, по изложеннымъ имъ соображеніямъ и къ тому же не располагая въ настоящее время никакими наличными остатками, онъ совершенно не находитъ возможнымъ обратитъ предстоящіе до конца года остатки на указанный Департаментомъ Общихъ Дѣлъ предметъ. Между тѣмъ, какъ это видно изъ осмотра подлежащихъ документовъ, ассигновками отъ 19 окт. 1906 г. за № 4703 и 4705, подписанными Градоначальникомъ Рейботомъ, Управляющимъ канцелярій Быковымъ, дѣлопроизводителемъ и бухгалтеромъ, изъ Губернскаго Казначейства были выписаны въ счетъ остатковъ по § 23 ст. 1 и 2 смѣты на пособія чинамъ

полиціи въ общей сложности 115000 р.,—причемъ на другой день, 2 октября, эти деньги были внесены на текущій счетъ Градоначальника въ Московскій Купеческій Банкъ. Допрошенный по этому поводу при слѣдствіи бухгалтеръ Филаретовъ объяснилъ, что въ началѣ октября 1906 г., послѣ выдачи награды чинамъ канцелярій Градоначальника, адреснаго стола и полицейскаго архива, а также чинамъ наружной полиціи, несшимъ особо трудную службу, генералъ Рейботъ приказалъ свѣдѣтелю подготовить общіе списки награды полиціи, предлагаая приурочить выдачу этихъ наградъ ко дню Восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Составленіе этихъ списковъ было окончено свѣдѣтелемъ около 10 октября, а спустя 3 или 4 дня послѣ этого онъ доложилъ генералу Рейботу о свободныхъ отъ ежемѣсячныхъ ассигнованій остаткахъ на 1 октября, которыхъ оказалось достаточно для выдачи предложенныхъ наградъ. Тогда генералъ Рейботъ сдѣлалъ распоряженіе заготовить ассигновки, которыя и были представлены ему для подписи 18 или 19 октября. Когда деньги были уже получены изъ казначейства, генералъ Рейботъ измѣнилъ первоначальное рѣшеніе, сказавъ свѣдѣтелю, что въ виду требованія Министерства отнестись расходы по формированію и содержанію конно-полицейской стражи на остатки суммъ наружной полиціи, онъ рѣшилъ задержать выдачу наградъ и приказалъ сдать деньги на текущій счетъ въ Московскій Купеческій Банкъ, добавивъ, что онъ поѣдетъ въ С.-Петербургъ для личныхъ переговоровъ по этому предмету съ Вице-Директоромъ Департамента Общихъ Дѣлъ. Послѣ этого означенныя деньги были выданы въ награду чинамъ полиціи лишь въ концѣ декабря 1906 г. Однако, по удостовѣренію состоявшаго старшимъ чиновникомъ Сенаторской ревизіи дѣйств. статск. сов. Дмитріева, какъ бухгалтеръ Филаретовъ, такъ равно и Управляющій канцелярій Градоначальника Быковъ, оставшіяся недопрошеннымъ при слѣдствіи по причинѣ постигшей его тяжелой болѣзни, при объясненіи съ нимъ, утверждали, что упомянутыя выше деньги 115000 руб. были внесены въ Купеческій Банкъ уже послѣ того, какъ изъ Министерства Внутр. Дѣлъ поступилъ запросъ о размѣрѣ имѣющагося въ наличности остатка, причемъ Быковъ съ возмущеніемъ рассказывалъ свѣдѣтелю, что Филаретовъ заявилъ ему о необходимости подписать ассигновку на выписку этихъ денегъ числомъ, предшествовавшимъ времени полученія запроса, ссылаясь на то, что это дѣлается по распоряженію генерала Рейбота. Быковъ объяснилъ также свѣдѣтелю, что онъ отказался подписать ассигновку заднимъ числомъ и доложилъ о предложеніи Филаретова генералу Рейботу, который на его слова не обратилъ вниманія. Деньги, положенныя въ Купеческій Банкъ, по заявленію Филаретова, ясно поматрому свѣдѣтелю, были взяты изъ Московскаго Казначейства съ исключительною цѣлью увѣдомить Министерство объ отсутствіи свободнаго остатка и лишить его возможности употребитъ этотъ остатокъ на оборудованіе конно-полицейской стражи. По объясненію на слѣдствіи дѣлопроизводителя счетнаго отдѣленія Арефьева, поступившее 16 окт. 1906 г. отношеніемъ Департ. Общихъ Дѣлъ за № 27867, при обычномъ порядкѣ, подлежало докладу Градоначальнику на слѣдующій или же на второй день послѣ его поступленія, т. е. 17 или 18 октября.

П) 7 декабря 1905 г. Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, на основаніи Именнаго ВЫСОЧАЙШАГО Указа, даннаго Правительствующему Сенату 29 ноября того-же года, гор. Москва и Московская губернія были объявлены въ положеніи чрезвычайной охраны (Собр. Узак. 1905 г. ст. 1979), причемъ, въслѣдствіи дѣйствіе означеннаго положенія было продолжено по ВЫСОЧАЙШЕМУ Указу, послѣдовавшему 8 іюня 1906 г., съ предоставленіемъ правъ Главноначальствующаго по г. Москвѣ Московскому Генералъ-Губернатору, въ случаѣ отсутствія его, Московскому Градоначальнику (Собр. Узак. 1906 г. ст. 862). При вступленіи Генералъ-Маіора Рейбота въ исполненіе обязанностей Московскаго Градоначальника 13 января 1906 г., въ должностіи Генералъ-Губернатора состоялъ Генералъ-Адъютантъ Дубасовъ, который, заболѣвъ въ концѣ апрѣля, отправился съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія 23 мая въ отпускъ и изъ такового не возвратился за оставленіемъ должности, причемъ послѣдняя оставалась незамѣщенной до назначенія Генералъ-Лейтенанта Гершельмана, вступившаго въ

исполнение обязанностей Генераль-Губернатора 7 июля 1906 г. Таким образом, Генераль-Маиоръ Рейнботъ пользовался правами Главнокомандующаго въ промежутки времени съ 23 мая по 7 июля 1906 г. и въ течение продолжавшихся нѣсколько дней въ разное время отлучекъ изъ Москвы Генераль-Губернаторовъ Дубасова и Гершельмана въ 1906 и 1907 г.г. На точномъ основаніи правилъ о положеніи чрезвычайной охраны (прил. 1 къ ст. 1 (прим. 2) Уст. о пред. и прес. прест., Св. Зак. т. XIV), Главноначальствующему въ предѣлахъ объявленной въ означенномъ положеніи мѣстности принадлежить, между прочимъ, право воспрещенія отдѣльнымъ личностямъ пребыванія въ этой мѣстности, съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что высылка въ опредѣленную мѣстность съ обязательствомъ безотлучнаго тамъ пребыванія допускается не иначе, какъ по предварительному сношенію съ Министеромъ Внутр. Дѣлъ, а равно и предположенія о воспрещеніи пребыванія въ подвѣдомственныхъ Генераль-Губернаторамъ и Градоначальникамъ мѣстностяхъ отдѣльнымъ лицамъ, признаваемымъ вредными для общественаго спокойствія вслѣдствіе порочаго поведенія, могутъ быть приводимы въ исполненіе не иначе, какъ по предварительномъ каждомъ разѣ рассмотрѣніи и утвержденіи предположенной мѣры особымъ совѣщаніемъ, образуемымъ при Министерствѣ Внутр. Дѣлъ, на основаніи 34 ст. того же прилож. (тамъ же ст. 26, 16 и прим. 1 и 2 къ послѣдней статьѣ). Кромѣ сего, Главноначальствующимъ предоставлено право распорядиться о закрытіи торговыхъ и промышленныхъ заведеній, подвергать въ административномъ порядкѣ опредѣленнымъ въ положеніи взысканіямъ лицъ, виновныхъ какъ въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, такъ и въ поступкахъ, объ изыятіи коиъ изъ общей подсудности было заранѣе объявлено, а равно налагать арестъ на движимое имущество и доходы съ оного въ тѣхъ случаяхъ, когда путемъ распоряженія этимъ имуществомъ или его доходами достигаются преступныя дѣла, или когда упущенія по управленію таковыми влекутъ за собою опасныя для общественаго порядка послѣдствія (ст. 26 п. 3, 4, 5 и ст. 16 п. 1). Всѣ перечисленныя полномочія осуществляются Главноначальствующими непосредственно, причемъ, на разрѣшеніе дѣлъ о нарушеніяхъ обязательныхъ постановленій они могутъ уполномочивать также подчиненныхъ имъ Начальниковъ губерній, Градоначальниковъ и Оберъ-Полицеймейстеровъ (ст. 16 п. 1, ст. 23 и 5 п. ст. 26). Изданныя въ разное время для г. Москвы, на основаніи положенія о государственной охранѣ, обязательныя постановленія по разнымъ предметамъ, касающимся обезпеченія общественаго порядка и спокойствія, по содержанію своему, представляются весьма разнообразными, и право наложенія взысканія за нарушенія ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставлено Московскому Градоначальнику, по ряду съ симъ, имѣются и такія дѣла, на разрѣшеніе коиъ полномочія Градоначальника не простираются. Къ послѣднему разряду относятся, между прочимъ, всѣ дѣла о нарушеніяхъ постановленій по санитарной части, которыя, согласно ВЫСОЧАЙШЕ утвержд. 30 янв. 1898 г. Полож. Комит. Министровъ (Собр. Узак. ст. 359), въ изыятіе изъ общаго порядка производства, были предоставлены исключительному вѣдѣнію Московскаго Генераль-Губернатора первоначально на 5-тилѣтній срокъ, который вслѣдствіи былъ продолженъ еще на такой же періодъ времени (Собр. Узак. 1903 г. ст. 81). Изъ осмотра дѣлъ канцеляріи Московскаго Градоначальника видно, что, по воспослѣдованіи упомянутаго ВЫСОЧАЙШАГО повелѣнія, такое Генераль-Губернаторомъ было сообщено Оберъ-Полицеймейстеру съ указаніемъ, что въ виду совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ означенное законоположеніе, мѣры административнаго взысканія по оному будутъ примѣняться только лично имъ, Генераль-Губернаторомъ. Въ 1907 году бывший Градоначальникъ Рейнботъ, хотя и возбуждалъ ходатайство о предоставленіи ему права наложенія административныхъ взысканій за нарушенія по санитарной части, но такое было признано Генераль-Губернаторомъ неподлежащимъ удовлетворенію. Изъ показаній допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, въ качествѣ свидѣтелей, бывшего дѣлопроизводителя канцеляріи Владимира Кандаурова и подполковника Комендантова выяснилось, что производство по

всѣмъ дѣламъ о наложеніи административныхъ взысканій за нарушенія обязательныхъ постановленій было распределено между разными отдѣленіями канцеляріи Градоначальника, причемъ, по всѣмъ почти дѣламъ взысканія налагались или самимъ Градоначальникомъ, или къмъ либо изъ его помощниковъ; часть же дѣлъ по нарушеніямъ постановленій объ извозномъ промыслѣ находилась въ вѣдѣніи начальника полицейскаго резерва, который, по полученіи отъ участковыхъ приставовъ свѣдѣній о провинившихся извозчикахъ, составлялъ сводныя вѣдомости, помѣщая въ нихъ и свои предположенія о размѣрахъ взысканій. Эти вѣдомости лишь иногда докладывались имъ лично Градоначальнику, въ большинствѣ же случаевъ таковыя поступали въ канцелярію, которая распорядилась о напечатаніи приказа, представлявшагося уже послѣ напечатанія на утвержденіе Градоначальника; письменныя постановленія, по установившемуся порядку, составлялись лишь начиная съ половины 1906 г. и только по тѣмъ дѣламъ, по которымъ въ видѣ взысканія опредѣлялся арестъ или денежный штрафъ съ замѣною арестомъ. Путемъ осмотра на предварительномъ слѣдствіи дѣлъ канцеляріи Московскаго Градоначальника, а также допросомъ подлежащихъ свидѣтелей установлено нижеслѣдующее:—При примѣненіи постановленій объ административной высылкѣ, изложенныхъ въ п. 4 ст. 16 и 2 прим. къ этой ст. положенія о госуд. охранѣ, бывшій Градоначальникъ Рейнботъ, не испрашивая разрѣшенія Генераль-Губернатора и не возбуждая въ подлежащихъ случаяхъ ходатайства предъ Министеромъ Внутр. Дѣлъ, собственною властью сдѣлалъ распоряженія о высылкѣ изъ города Москвы разныхъ лицъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ данныхъ: а) 18 сентября 1906 г. въ канцеляріи Градоначальника былъ полученъ докладъ пристава 1 уч. Яузской части, изъ котораго видно, что крест. Максимъ Филимоновъ, въ нетрезвомъ видѣ, зашелъ въ пивную лавку, прося милостыню, а когда получилъ отказъ, то, выйдя на улицу, бросилъ камень въ окно лавки и разбилъ стекло. На докладѣ о семъ рукою генерала Рейнбота написана резолюція: „выслать“, сообщенная начальнику сыскаго полиціи для исполненія 22 сентября того же года; б) 16 октября 1906 г. околочнымъ надзирателемъ Московской полиціи Горяиновымъ былъ составленъ протоколъ по поводу поступка крестьянина Федора Широкова, который, зайдя въ пивную лавку, просилъ у одного изъ поষ্ঠителей ея денегъ на вооруженное возстаніе, а затѣмъ произнесъ угрозу въ отношеніи приказчика Васильева. На этомъ протоколѣ же ген. Рейнботомъ положена резолюція: „выслать на родину“, что и было исполнено высылкою Широкова изъ Москвы 3 ноября; в) 3 ноября того же года полиціей былъ задержанъ немилостию опредѣленныхъ занятій крестьянинъ Михаилъ Промаховъ, у котораго при обыскѣ въ участкѣ найдено долото. На рапортѣ о семъ участковаго пристава отъ 7 ноября рукою ген. Рейнбота написана резолюція: „выслать“, о чемъ для исполненія было сообщено 11 ноября начальнику сыскаго полиціи; г) 18 и 19 ноября 1906 г. полиціей были задержаны крестьянскіе мальчики Георгій Кравцовъ 14 лѣтъ и Сергій Пылаевъ 15 лѣтъ за продажу запрещенныхъ журналовъ, причемъ на докладахъ объ этомъ имѣются резолюціи ген. Рейнбота о высылкѣ Кравцова и Пылаева, объ исполненіи какового распоряженія канцеляріей Градоначальника было сообщено по принадлежности 14 декабря 1906 г., и д) 29 іюня 1907 г., по постановленію Московскаго Градоначальника, крест. Харитонъ Балонскій за продажу нецензурныхъ изданій былъ подвергнутъ аресту на три мѣсяца. На прошеніи, поданномъ вслѣдъ затѣмъ Балонскимъ, въ которомъ послѣдній ходатайствовалъ о сокращеніи срока ареста, указывая, что если бы онъ находился дома, то могъ бы заняться уборкою хлѣба, рукою ген. Рейнбота написана резолюція: „выслать 5 августа на родину“, послѣ чего, какъ видно изъ переписки, Балонскій былъ высланъ для водворенія на родину. 19 іюня 1907 г. полиціей былъ задержанъ мѣд. Александръ Чернятинъ, у котораго при задержаніи оказался финскій ножъ. На докладѣ объ этомъ рукою ген. Рейнбота написана резолюція: „выслать вонъ“, объ исполненіи коей канцеляріей Градоначальника было сообщено участковому приставу 27 іюня 1907 г.; 28 октября 1906 г. бывшимъ

Градоначальником Рейнботомъ была представлена Московскому Генераль-Губернатору переписка о задержанныхъ полиціе мѣщ. Василии Савовѣ, Василии Лизуновѣ и крест. Сергѣи Шепелевѣ и Иванѣ Ильинѣ, съ ходатайствомъ о воспрещеніи названнымъ лицамъ жительства въ г. Москвѣ. Изъ означенной переписки усматривается, что Савовъ, Лизуновъ, Шепелевъ и Ильинъ, ида 25 сентября того же года по Камеръ-Коллежскому вѣду съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень, подошли къ дому нѣкоего Савельева и произвели буйство, разбивъ стекла въ окнахъ и уличный фонарь. По разсмотрѣніи этой переписки, Генераль-Лейтенантъ Гершельманъ не нашелъ достаточныхъ основаній для примѣненія къ поименованнымъ лицамъ указанной Градоначальникомъ мѣры, о чемъ, согласно резолюціи Генераль-Губернатора, канцелярія послѣдняго сообщила Градоначальнику 2 ноября 1906 г., съ увѣдомленіемъ, что Генераль-Губернаторомъ можетъ быть возбуждено предъ Министромъ Вн. Дѣлъ ходатайство о воспрещеніи этимъ лицамъ жительства въ Москвѣ лишь въ томъ случаѣ, если бы ему были сообщены имъ, Градоначальникомъ, свѣдѣнія, указывающія вообще на порочное поведеніе сихъ лицъ. Означенное сообщеніе было получено Градоначальникомъ 5 ноября 1906 г., причѣмъ на немъ ген. Рейнботомъ написана резолюція: „выслать по моему постановленію“. Эта резолюція помѣчена состоявшейся 10 ноября, когда Генераль-Губернаторъ, какъ видно изъ дѣла, находился въ отлучкѣ изъ Москвы, продолжавшейся съ 7 по 11 ноября 1906 г., и, такимъ образомъ, вопреки положенной ген. Гершельманомъ резолюціи, всѣ поименованные лица были высланы Градоначальникомъ Рейнботомъ, съ воспрещеніемъ имъ пребыванія въ Москвѣ на все время дѣйствія въ ней положенія объ охрѣнѣ, и о высмыкѣ его было поручено подлежащему участковому приставу 11 того же ноября. Изъ показаній на слѣдствіи начальника Московской сысской полиціи Дмитрія Мойсенко и крест. Григорія Савельева видно, что Савельевъ, служа кузнецомъ въ имѣніи землевладѣлицы Ланской, согласился съ дочерью послѣдней уѣхать въ Москву и тамъ обвѣчаться тайно отъ родителей ея. По просьбѣ одного изъ родственниковъ Ланской, обратившагося къ ген. Рейнботу, послѣдній сдѣлалъ распоряженіе объ учрежденіи наблюденія за прибытіемъ Савельева въ Москву и объ арестованіи его. Вслѣдствіе сего, агентами сысской полиціи, Савельевъ былъ задержанъ на желѣзнодорожномъ вокзалѣ и заключенъ подъ стражу въ порядкѣ охраны, а затѣмъ, когда, несмотря на убѣжденія родственниковъ Ланской, онъ не согласился отказаться отъ брака съ послѣдней, ген. Рейнботъ распорядился о высмыкѣ Савельева, каковое распоряженіе и было приведено въ исполненіе. Осмотромъ подлиннаго отношенія на имя Московскаго Губернатора отъ 4 декабря 1906 г. за № 467, подписаннаго Градоначальникомъ Рейнботомъ, также установлено, что означеннымъ отношеніемъ, послѣдовавшимъ въ отвѣтъ на запросъ Губернатора объ обстоятельствахъ, послужившихъ основаніемъ къ высмыкѣ Савельева, ген. Рейнботъ сообщилъ, что Савельеву воспрещено жительство въ Москвѣ, какъ лицу, политически неблагонадежному, хотя по даннымъ дѣла о таковой неблагонадежности Савельева никакихъ свѣдѣній въ виду у него въ дѣйствительности не было.

При разрѣшеніи дѣла о нарушеніяхъ, изданныхъ въ разное время Московскимъ Генераль-Губернаторомъ обязательныхъ постановленій по санитарной части, по каковому дѣламъ право примѣненія мѣръ административнаго взысканія принадлежало непосредственно Генераль-Губернатору, бывшій Градоначальникъ Рейнботъ собственною властью налагалъ на виновныхъ лицъ взысканія въ видѣ денежныхъ штрафовъ и ареста. Сюда относятся слѣд. случаи:—Представленіями отъ 19 февраля 1906 г. ген. Рейнботъ обратился къ Московскому

Генераль-Губернатору съ ходатайствомъ о наложеніи предложенныхъ имъ денежныхъ взысканій на содержателей ремесленныхъ заведеній: Василия Старкова, Константина Гусева, Ивана Воронина, Ивана Круглова, Федора Дроздова, Марію Зуеву, Ивана Павлова, Михаила Гурова, Анастасію Сарафанову, Михаила Сергѣева, Василия Киселева, Алексѣя Сомова, Дмитрія Долгушина, Михаила Карева, Симона Баженова, Семена Жебедева, Наталью Филатову, Марфу Козлову и Семена Андреева за допущенныя этими лицами нарушенія обязательнаго постановленія отъ 1 октября 1905 г. по санитарной части, содержащаго въ себѣ, между прочимъ, правила о помѣщеніяхъ для ночлега рабочихъ. Не найдя, съ своей стороны, возможнымъ удовлетворить означенное ходатайство Градоначальника, Генераль-Губернаторъ призналъ необходимымъ направить дѣло о вышепоименованныхъ лицахъ для разрѣшенія въ общемъ судебномъ порядкѣ, и о такомъ распоряженіи канцелярія Генераль-Губернатора, отношеніемъ отъ 26 февраля 1906 г., увѣдомила Градоначальника. Несмотря на полученіе этого извѣщенія ген. Рейнбота, приказомъ по полиціи отъ 4 марта 1906 г. за № 63, наложилъ на всѣхъ указанныхъ лицъ предложенныя имъ первоначально денежные взысканія въ размѣрѣ отъ 25 до 100 руб., причѣмъ, эти штрафы были взысканы со всѣхъ означенныхъ лицъ, за исключеніемъ Андреева, который отъ уплаты штрафа вслѣдствіи былъ освобожденъ. Помимо сего, ген. Рейнботъ вслѣдствіе акта, составленнаго полиціей 20 октября 1906 г. о задержаніи извозчика Федора Сапожникова, у котораго, равно какъ и у ѣхавшихъ съ нимъ сѣдоковъ Винокурова и Трубицына, оказались револьверы, на носеніе коихъ они разрѣшенія не имѣли, ген. Рейнботъ собственною властью, несмотря на присутствіе въ означенное время въ Москвѣ Генераль-Губернатора, 29 октября 1906 г. постановилъ о наложеніи ареста на лошадь, сани и сѣбрую, принадлежавшія Сапожникову, каковое постановленіе его было исполнено, причѣмъ лошадь, экипажъ и сѣбрую, отданные на храненіе смотрителю дома Градоначальника, были возвращены Сапожникову 7 декабря 1906 г.

При разрѣшеніи дѣла по нарушеніямъ обязательныхъ постановленій Московскаго Генераль-Губернатора отъ 9 іюля 1885 г., 12 іюня 1891 г. и 13 іюля 1897 г., изданныхъ относительно лицъ, занимающихся извознымъ промысломъ, и кучеровъ, несмотря на выраженныя въ этихъ постановленіяхъ правила, устанавливающія, что лишеніе права заниматься извознымъ промысломъ примѣняется лишь къ тѣмъ извозчикамъ, которые подвергались въ теченіе одного года 5 разъ взысканіямъ за нарушенія этихъ постановленій, Градоначальникъ Рейнботъ собственною властью дѣлалъ распоряженія о лишеніи права заниматься извозомъ такихъ извозчиковъ, относительно коихъ не было въ виду свѣдѣній о допущеніи ими равнѣ нарушеній обязательныхъ постановленій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряжался объ отобраніи отъ извозчиковъ выданныхъ имъ Городскою Управою значковъ съ номерами. Такъ имъ были сдѣланы распоряженія объ отобраніи значковъ на право занятія извознымъ промысломъ отъ слѣдующихъ лицъ: а) Юдея Минаева за допущеніе работника выхѣсть на большой лошади; б) Юпотова за такой же проступокъ; в) извозпромышленниковъ: Родіона Винокурова, Ивана Дугина, Михаила Павлова, Емельяна Власова, Михаила Карпущина и Ивана Макарова за неисполненіе ихъ рабочими требованія полиціи не устраивать биржи въ неуказанномъ мѣстѣ; г) Соловьева за то, что въ пьяномъ видѣ онъ бранилъ ночного сторожа и городского; д) Сергѣя Валашова за то, что его работникъ оказался спящимъ на улицѣ въ своей пролеткѣ и, будучи разбуженъ городовымъ, обругалъ послѣдняго; е) извозпромышленника Ратушинскаго за то, что ея работникъ занесли побой городовому, когда послѣдній сталъ записывать номера ихъ значковъ, и ж) Ильи Леонтьева за оказанное имъ ослушаніе полиціи. По поводу допущенія содержателями ассенизаціонныхъ обозовъ и ихъ работниками нарушеній постановленій относительно вывозки изъ города нечистоты и содержанія обозовъ, генералъ Рейнботъ собственною властью дѣлалъ распоряженія о лишеніи упомянутыхъ лицъ права заниматься означеннымъ промысломъ, объ опечатаніи принадлежащихъ имъ бочекъ и объ отобраніи отъ нихъ значковъ, выданныхъ Городскою Управою въ удостовѣреніе годности бочекъ для вывозки въ нихъ нечистоты и дозволенія эти бочки выпускать для производства про-

мысла. Такъ, имъ были отданы распоряженія: а) о лишеніи права содержать ассенизаціонные обозы слѣдующихъ лицъ: 1) въ октябрѣ 1906 г. Василія Горохова за разлитіе изъ бочекъ нечистотъ на принадлежащемъ ему дворѣ; 2) 3 ноября 1906 г. Алексѣя Шадрина за разлитіе нечистотъ; 3) въ октябрѣ 1907 г. Осипа Моткова за выливаніе рабочими, по его приказанію, нечистотъ въ водосточную трубу на набережной; 6) объ опечатаніи ассенизаціонныхъ бочекъ и отобраніи значковъ: въ январѣ 1907 года у Александры Королевой за разлитіе ея работниками изъ бочекъ нечистотъ на мостовую; в) объ опечатаніи бочекъ: 1) у Петра Попова и 2) у Евстафія Лункова за разлитіе работниками ихъ нечистотъ. Постановленіемъ отъ 31 августа 1907 года бывшій Градоначальникъ Рейнботъ сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи крестьянина Ивана Ермолаева на три мѣсяца какъ бы за нарушеніе послѣднимъ обязательнаго постановленія о пропискѣ паспортовъ, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью заставить Ермолаева отказаться отъ предъявленнаго имъ въ Судѣ иска къ казнѣ и согласится на измѣненіе заключеннаго имъ съ казною договора, во исполненіе какового постановленія Ермолаевъ былъ лишенъ свободы съ 7 по 12 сентября 1907 г., а затѣмъ, когда указанная выше цѣль была достигнута, назначенная ему мѣра взысканія была замѣнена денежнымъ штрафомъ. Обстоятельства этого дѣла представляются въ слѣд. видѣ: По нотариальному договору 2 августа 1906 г., крестьянинъ Иванъ Ермолаевъ, дѣйствуя по довѣренности матери своей Евдокии Ермолаевой, нынѣ умершей, сдалъ состоявшее у послѣдней въ пожизненномъ владѣніи въ г. Москвѣ недвижимое имущество въ арендное пользованіе Управленію Московскаго Градоначальника для помѣщенія тамъ отдѣленія конно-полицейской стражи. Означенный договоръ, по уполномочію Градоначальника, былъ заключенъ съ Ермолаевымъ начальникомъ отдѣленія упомянутой стражи, ротмистромъ Каменскимъ, причемъ, согласно условію, Ермолаевъ обязался въ назначенный срокъ возвести необходимыя для помѣщенія стражи постройки, произвести ремонтъ флигеля и пр.; въ договорѣ, кромѣ того, было обозначено, что въ случаѣ неполученія въ опредѣленный срокъ арендной платы, довѣрительница Ермолаева въ правѣ потребовать уничтоженія договора со взысканіемъ всей арендной платы, причитающейся до окончанія срока контракта. Изъ показаній допрошенныхъ на слѣдствіи, въ качествѣ свидѣтелей, бывшего помощника Градоначальника Евгенія Климовича и ротмистра Николая Каменскаго выяснилось, что Ермолаевъ приняты на себя обязательства по ремонту и содержанію владѣнія исполнял небрежно и, тяготясь постоянно дѣлаемыми ему напоминаніями, обнаружилъ желаніе добиться расторгненія заключеннаго имъ контракта. Съ этой цѣлью, не явившись въ срокъ въ канцелярію Градоначальника за полученіемъ арендной платы и ссылаясь на неплатежъ ему слѣдующихъ по условію денегъ, Ермолаевъ предъявилъ въ Окружномъ Судѣ искъ, приславъ къ Климовичу своего повѣреннаго, съ требованіемъ уплаты 30.000 руб. неустойки. О такомъ поступкѣ Ермолаева, было доведено до свѣдѣнія ген. Рейнбота, который, вызвавъ къ себѣ Ермолаева, пытался лично разъяснить ему неблаговидность его дѣйствій, но послѣдній не изъявилъ согласія отказаться отъ заявленнаго имъ въ Судѣ иска. Спустя нѣкоторое время полиціей, по поводу нарушенія Ермолаевымъ санитарныхъ правилъ, былъ составленъ протоколъ и, по полученіи такового, ген. Рейнботъ выразилъ намѣреніе наложить на Ермолаева высшую мѣру взысканія, но Климовичъ, во избѣжаніе неблагопріятныхъ для полиціи толковъ, которые могли произойти въ виду возникшихъ съ Ермолаевымъ отношеній по поводу арендаго договора, уговорилъ Рейнбота отказаться отъ такого намѣренія и посоветовалъ направить дѣло къ судебному разсмотрѣнію. Вслѣдъ за этимъ, по новому протоколу полиціи, Ермолаевъ былъ изболоченъ въ нарушеніи обязательнаго постановленія о пропискѣ паспортовъ, за что, по распоряженію Градоначальника Рейнбота, онъ и былъ подвергнутъ на этотъ разъ аресту на 3 мѣсяца. На другой день послѣ арестованія Ермолаева въ градоначальство явился мать послѣдняго съ ходатайствомъ о замѣнѣ назначеннаго ему взысканія денежнымъ штрафомъ, ссылаясь на болѣзнь его жены, которой извѣстіе объ арестѣ мужа могло причинить сильное потрясеніе. Къ изложенному Ермолаева добавила, что она не давала полномочія сыну предъявлять искъ

и таковой прекращаетъ, а управленіе своей недвижимостью поручаетъ другому сыну. Послѣ этого ротмистромъ Каменскимъ у Нотаріуса былъ заключенъ съ Ермолаевой дополнительный договоръ, по которому она приняла на себя обязательство произвести въ арендуемыхъ у нея помѣщеніяхъ нѣкоторыя поправки и перестройки, а также отказалась отъ прежняго условія, предоставлявшаго ей право, въ случаѣ несправнаго взноса платежа, требовать уплаты всей арендной суммы, причитающейся до окончанія срока контракта. Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля Иванъ Ермолаевъ показалъ, что послѣ сдачи имъ помѣщенія для конно-полицейской стражи у него возникли недоразумѣнія съ ротмистромъ Каменскимъ, на котораго онъ жаловался начальнику резерва Комендантову, но жалобы его не имѣли никакихъ результатовъ, и Комендантовъ объявилъ, что онъ не заплатитъ арендныхъ денегъ, пока свидѣтель не произведетъ требуемаго ремонта. Когда же, по совѣту присяжнаго повѣреннаго Зильберберга, онъ, Ермолаевъ, предъявилъ въ судѣ искъ, требуя расторженія договора, Градоначальникъ Рейнботъ, вызвавъ его къ себѣ, въ присутствіи помощника своего Климовича, спросилъ его, какъ онъ, Ермолаевъ, смѣетъ съ нимъ судиться, и предложилъ въ теченіе 3 дней взять искъ обратно, угрожая въ противномъ случаѣ его арестовать; когда же свидѣтель отказался исполнить означенное требованіе, ген. Рейнботъ приказалъ Климовичу изготovitъ приказъ объ арестованіи его на 3 мѣсяца, сказавъ, что, по истеченіи этого срока, онъ его посадитъ опять, такъ какъ поводъ для этого всегда найдется въ санитарныхъ нарушеніяхъ. Однако, несмотря на угрозу, онъ, свидѣтель, тогда не былъ подвергнутъ личному задержанію, а затѣмъ, когда въ его домѣ въ числѣ квартирентовъ оказался непрописаннымъ офицеръ Герасимовъ, полиціей былъ составленъ протоколъ, и онъ, Ермолаевъ, былъ арестованъ, пробывъ въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока его мать не выхлопотала замѣны этого взысканія денежнымъ штрафомъ, согласившись на предъявленное ей требованіе объ измѣненіи и дополненіи арендаго договора. Изъ акта осмотра дѣла канцеляріи Градоначальника видно, что на одномъ изъ протоколовъ, составленныхъ приставомъ 4 уч. Мѣщанской части 27 августа 1907 г., по поводу непрописки въ полиціи управляющими домомъ Ермолаева, сыномъ ея Иваномъ Ермолаевымъ, и Алексѣемъ Нефидовымъ, капитана Герасимова, его жены и прислуги Ковалевской, прибывшихъ изъ г. Вильно 12 августа, рукою ген. Рейнбота написана резолюція: „Ермолаева на 3 мѣсяца за непрописку привести въ исполненіе немедленно“. О такомъ распоряженіи было составлено 31 августа 1907 г. письменное постановленіе, на которомъ сдѣлана отмѣтка о задержаніи Ермолаева 7 и освобожденіи 12 сентября того же года; на прошеніи же Евдокии Ермолаевой, съ изложеніемъ ходатайства объ освобожденіи ея сына, ген. Рейнботомъ положена резолюція: „замѣнить штрафомъ“, послѣ чего въ приказѣ по полиціи за № 263 было объявлено, что наложенный на Ермолаева арестъ замѣненъ денежнымъ штрафомъ въ 200 руб. По объясненію служившаго у Ермолаевой дворникомъ крест. Андрея Талыкова, послѣднимъ объ отказѣ квартирента Герасимова предъявить свой паспортъ для прописки было заявлено околоточному надзирателю Апарину, который приказалъ свидѣтелю настаивать, требуя отъ означеннаго квартирента предъявленія паспорта, и добавилъ, что онъ уже докладывалъ объ этомъ приставу; когда же спустя нѣсколько дней свидѣтель представилъ написанныя Герасимовымъ свѣдѣнія о его личности, такковыя были найдены въ участкѣ неполными; на слѣдующій день онъ, Талыковъ, представилъ дополнителныя свѣдѣнія, но того же числа Ермолаеву были предъявлены составленные полиціей 3 протокола о непропискѣ Герасимова, его жены и прислуги. Спрошенный при слѣдствіи бывшій околоточный надзиратель Апаринъ объяснилъ, что, по обнаруженіи имъ въ незнамой рабѣ квартирѣ въ домѣ Ермолаевой новыхъ жильцовъ, онъ обратился за разъясненіемъ по этому поводу къ дворнику и, узнавъ отъ послѣдняго, что поселившійся въ этой квартирѣ съ семьей офицеръ отказался выдать свой паспортъ, приказалъ потребовать таковой вновь. На слѣдующій день онъ, свидѣтель, доложилъ объ этомъ приставу Вельку, который сказалъ: „прекрасно, теперь у насъ есть случай придираться къ Ермолаеву“, и велѣлъ составить протоколъ о нарушеніи Ермолаевымъ обязательнаго постановленія, въ силу коего

домовладельцы обязаны доставлять полиции в течение суток свидения о лицах, поселившихся в их домах. По объяснению свидетеля, от пристава Велька он слышал, что ген. Рейнбот приказал непременно найти какой-нибудь повод для составления протокола на Ермолаева, справляясь неоднократно, исполнено ли это распоряжение.

III) Осенью 1906 г. среди чинов Московского градоначальства и полиции возникла мысль об образовании особого благотворительного денежного фонда на устройство и содержание в Москвѣ „Приюта для престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиции и школы для ихъ дѣтей“. Съ этой дѣлю въ канцеляріи Градоначальника (по казначейскому отдѣленію) была заведена особая приходо-расходная книжка за № 17 для записи пожертвованныхъ суммъ и 3 книги „на выдачу квитанцій по книгѣ № 17“. Регистрація поступающихъ суммъ была возложена на казначея Покровскаго и его помощника Васильева, а для привлеченія пожертвованій начальникомъ Московскаго полицейскаго резерва Комендантовымъ были разосланы въ полицейскіе участки для объявленія жителямъ столицы извѣщенія объ открытіи подписки на сборъ пожертвованій въ упомянутый фондъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые пристава въ предѣлахъ своихъ участковъ произвели указанный сборъ и собранныя суммы представили въ градоначальство. Независимо отъ сего, мѣрами притѣсненія и угрозы отъ лица Градоначальника Рейнбота или его помощника Короткаго къ дѣлу пожертвованія было привлечено нѣсколько группъ обывателей, изъ коихъ главнѣйшими являются: 1) содержатели домовъ и квартиръ свиданій мужчинъ съ женщинами; 2) содержатели ассенизационныхъ обозовъ или ломового извоза; 3) содержатели заведеній трактирнаго промысла, и 4) представители администраціи столичныхъ Московскихъ клубовъ. Изъ объясненій на предварительномъ слѣдствіи содержателей домовъ свиданій Сергія Никитина, Ивана Егорова и Семена Барашкова, письмоводителя 2 уч. Срѣтенской части Малинина, бывшихъ приставовъ той же части Евренова и 3 уч. Тверской части Эрн, и. д. пристава Иванова и изъ осмотра дѣлъ, произведенныхъ объ этихъ домахъ свиданій въ канцеляріи Градоначальника, усматривается, что въ началѣ 1906 г. означенные дома были подвергнуты осмотру черезъ особую комиссію, которая высказала заключеніе, что препятствій къ дальнѣйшему существованію ихъ съ ея стороны не встрѣчается. На рапортахъ по этому поводу мѣстныхъ приставовъ ген. Рейнботомъ были положены резолюціи: „не соглашайся“, „отклонить“ и „объявить, что отклонено“. Послѣ этого поименованные содержатели означенныхъ домовъ подали Градоначальнику рядъ прошеній съ ходатайствомъ разрѣшить имъ дальнѣйшее содержаніе домовъ свиданій, причемъ Никитинъ подалъ такихъ прошеній два: 14 марта и 29 апрѣля, Егоровъ три: 6 и 16 февраля и 14 марта и Барашковъ до 19 марта 1906 г. три. Всѣ упомянутыя ходатайства, по резолюціямъ ген. Рейнбота, были отклонены, съ объявленіемъ о семъ черезъ полицейскіе участки. 1 мая 1906 г. канцелярія Московскаго Генераль-Губернатора препроводила въ градоначальство докладную записку Егорова, содержащую въ себѣ ходатайство объ отмѣнѣ распоряженія Градоначальника, и письмо Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ген.-майора Тренова съ прошеніями Никитина, Егорова и Барашкова по тому же поводу и просила сообщить свидѣнія по содержанию объясненій просителей и заключеніе о степени уважительности ихъ ходатайства. На этомъ отношеніи канцелярія Генераль-Губернатора рукою ген. Рейнбота написана резолюція: „закрыть 1 июля“; послѣ этого отношеніями отъ 7 авг., 19 сент. и 23 окт. та же канцелярія подтвердила просьбу о сообщеніи ей свидѣній о положеніи указаннаго дѣла по ходатайству Егорова и другихъ объ отмѣнѣ распоряженія о закрытіи ихъ заведеній. На первыя 2 подтвержденія отвѣта вовсе не послѣдовало; на 3 же подтвержденіе былъ заготовленъ проектъ представленія Генераль-Губернатору, въ которомъ излагалось, что просители, задавшись исключительно цѣлью наживы, совершенно не желаютъ считаться съ требованіями общественной нравственности и широко раскрыли двери своихъ домовъ для самаго низшаго разврата, вслѣдствіе чего онъ, Градоначальникъ, рѣшивъ уничтожить эти очаги разврата, сдѣлалъ распоряженіе пре-

дупредить содержателей ихъ о томъ, что ходатайства о выдачѣ свидѣтельствъ, установленныхъ срокомъ на 1 годъ, на дальнѣйшее существованіе подобныхъ домовъ имъ удовлетворены не будутъ. Отвѣтъ этотъ былъ перепечатанъ къ 1 ноября 1906 г., но остался неисполненнымъ, такъ какъ на немъ рукою управляющаго канцеляріей Градоначальника Быкова положена резолюція: „Къ дѣлу. Не отсылать“ и ниже въ углу страницы написана буква „Р“. Изъ переписки, происшедшей съ марта по октябрь 1906 г., видно, что участковые пристава получили приказанія обязать Никитина, Егорова и Барашкова закрыть ихъ дома свиданій къ 15 октября 1906 г., и что пристава возбуждали противъ упомянутыхъ лицъ уголовное преслѣдованіе за неисполненіе требованія о закрытіи этихъ домовъ. 19 окт., за подписью ген. Рейнбота, въ соответствующіе полицейскіе участки были разосланы телеграммы съ предписаніемъ „ежедневно по 2 раза, а также и ночью осматривать дома свиданій Никитина, Барашкова и Егорова, составлять списки лицамъ оказавшимся тамъ, а о неописанныхъ составлять протоколы и безотлагательно представлять таковыя“. Предписаніе это было исполнено приставами въ послѣдующіе дни и привело къ тому, что домъ Егорова пересталъ функционировать, а Барашковъ не подчинился и подалъ отзывъ, въ которомъ заявилъ, что предъявленное къ нему полиціей требованіе о пропискѣ лицъ, являющихся въ его домъ свиданій для кратковременнаго пребыванія, онъ считаетъ несправедливымъ, потому что правдами отъ 16 окт. 1901 г., на основаніи которыхъ существуетъ содержимое имъ заведеніе, прописка паспортовъ лицъ, посѣщающихъ таковое не для проживанія, не предусматрѣна. Съ 20 ноября домъ Барашкова подвергся обходамъ полиціи семь разъ, съ составленіемъ протоколовъ о лицахъ, оказавшихся въ номерахъ. Съ ноября 1906 г. отношеніе ген. Рейнбота къ перечисленнымъ домамъ свиданій рѣзко измѣнилось въ противоположную сторону. На прошеніяхъ Барашкова и Егорова на имя Градоначальника отъ 1-го и 4-го ноября, съ ходатайствомъ пересмотрѣть ихъ дѣла, ген. Рейнботомъ были положены резолюціи: на первомъ: „чит.“, а на второмъ: „отсроч.“; на послѣдовавшее же въ четвертый разъ подтвержденіе канцеляріи Генераль-Губернатора отъ 14 февраля 1907 г. о доставленіи затребованныхъ свидѣній о положеніи дѣла о названныхъ выше содержателяхъ домовъ свиданій былъ посланъ отвѣтъ 11 марта, что просители продолжаютъ содержать означенныя заведенія. Такой неожиданный поворотъ дѣла находить себѣ объясненіе въ показаніяхъ Никитина, Егорова и Барашкова, которые при допросахъ удостовѣрили, что, сознавая безвыходность своего положенія, послѣ того, какъ ночные обходы заугали посѣтителей, и заведенія ихъ перестали приносить доходъ, они обратились къ посредничеству нѣкоего Стволова, по ремеслу сапожника, имѣвшаго свободный доступъ къ ген. Рейнботу и полковнику Короткому. По совѣту этого Стволова, котораго по показанію Барашкова, участковая полиція въ шутку называла помощникомъ Градоначальника, они сначала посѣтили Короткаго, которому поднесли икону, а затѣмъ явились въ градоначальство и предложили внести 10000 руб. въ пользу благотворительнаго фонда при градоначальствѣ и обязались вносить еще ежегодно по 2000 руб. каждый. Принявъ названныхъ лицъ полковникъ Короткій, который, выслушавъ ихъ предложеніе, заявилъ, что безъ вѣдома ген. Рейнбота онъ ничего имъ отвѣтить не можетъ. Вслѣдъ затѣмъ Короткій отправился съ докладомъ въ кабинетъ ген. Рейнбота и, вернувшись оттуда, распорядился, чтобы казначей Покровскій принялъ отъ нихъ деньги. По совѣту полковника Короткаго они въ ноябрѣ и подали прошенія о пересмотрѣ ихъ дѣлъ. Отвѣта на эти прошенія не послѣдовало, но Стволовъ имъ сообщилъ, что хотя официально наго разрѣшенія ген. Рейнботъ имъ не дастъ, но, пока онъ будетъ Градоначальникомъ, ихъ никто не тронетъ. Съ этого времени всякія преслѣдованія ихъ домовъ свиданій прекратились. Лишь въ октябрѣ 1907 г., когда полковникъ Короткій на службѣ уже не состоялъ, названнымъ лицамъ было сдѣлано изъ канцеляріи Градоначальника подтвержденіе объ уплатѣ обшанныхъ ежегодныхъ взносовъ, причемъ Егоровъ, уѣхавшій въ это время въ деревню на похороны умершаго отца, въ виду

полученнаго тамъ извѣстія о вызовѣ въ Градоначальство для взноса денегъ, поспѣшилъ вернуться въ Москву, и, узнавъ отъ Барашкова, что послѣдній вслѣдъ за сдѣланнымъ напиманіемъ уже внесъ причитавшуюся съ него сумму денегъ, отправился въ канцелярію Градоначальника, гдѣ бухгалтеръ Филаретовъ принялъ отъ него 2000 рублей, выдавъ въ получении такихъ денегъ квитанцію. По удостовѣренію бывшаго пристава 3-го участка Тверской части Эрна, онъ, не зная еще о сдѣланномъ Егоровымъ взносе денегъ, получилъ отъ полковника Короткаго по телефону распоряженіе не чинить Егорову никакого препятствія. На запросъ же свидѣтеля, какъ быть съ дѣломъ Егорова, по которому на приговорѣ Мирового Судьи была принесена жалоба въ Мировой Сѣздъ, ему отъ имени Короткаго было приказано управляющимъ канцеляріей Градоначальника отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, что онъ и исполнилъ. Такое же приказаніе Градоначальника прекратить обходы было передано Короткимъ по телефону приставу Еврепнову, въ участкѣ коего находился домъ свиданія Никитина, причемъ названный приставъ былъ предупрежденъ объ этомъ и самимъ Никитинымъ, сказавшимъ ему въ разговорѣ, что скоро обходы его дома прекратятся, потому что „тамъ“ даны содержателями домовъ свиданія деньги. Спрошенный при слѣдствіи Осипъ Стволовъ удостовѣрилъ, что, принявъ участіе въ дѣлѣ поименованныхъ содержателей домовъ свиданія, онъ 2 раза обращался съ просьбами за нихъ къ ген. Рейнботу, который сначала отказалъ ему, а въ слѣдующій разъ, когда свидѣтель упомянулъ, что Егоровъ, Барашковъ и Никитинъ сдѣлаютъ пожертвованіе на приоборудованіе дома для пріюта городскихъ, спросилъ, сколько они дадутъ, и разрѣшилъ зайти за отвѣтомъ, а спустя нѣсколько дней сказалъ, чтобы названные лица зашли въ градоначальство. При осмотрѣ казначейской книги канцеляріи Московскаго Градоначальника № 17 о пожертвованіяхъ на пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ нижнихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей, оказалось, что первый взносъ, сдѣланный Никитинымъ, Егоровымъ и Барашковымъ, записанъ въ этой книгѣ, какъ поступленіе „отъ неизвѣстныхъ лицъ“, подъ датой 6 ноября 1906 г. По поводу благотворительныхъ взносовъ сдѣланныхъ въ Московское градоначальство въ разное время содержателями ассенизационныхъ обозовъ и ломового извоза, собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ данныя представляются въ слѣд. видѣ: 25 октября 1906 г. въ Управленіи 3 уч. Рогожской части былъ доставленъ работникъ содержателя ассенизационнаго обоза Павлютина за разлитіе нечистотъ. На докладѣ объ этомъ пристава написана рукою ген. Рейнбота резолюція о вызовѣ хозяина, а изъ справки на томъ же докладѣ видно, что Павлютинъ былъ вызванъ на 30 окт. 1906 г. Затѣмъ, въ прошеніи, полученномъ въ канцеляріи Градоначальника 2 ноября того же года, Павлютинъ объяснилъ, что, будучи оштрафованъ Градоначальникомъ на 100 руб. за разлитіе его работникомъ нечистотъ, онъ ходатайствуетъ о сложеніи или же объ уменьшеніи штрафа. Такого же содержанія прошеніе поступило въ тотъ же день и отъ другого содержателя ассенизационнаго обоза Смородинова, подвергнутаго взыскаю въ суммѣ 100 руб. На обоихъ прошеніяхъ ген. Рейнботомъ положена резолюція: „воспретить промысль“. Вслѣдъ затѣмъ Павлютинъ и Смородиновъ подали: первый 6, а послѣдній 4 ноября заявленія, къ которымъ приложили по 100 руб. каждый, прося принять эти деньги на благотворительныя учрежденія по усмотрѣнію Градоначальника. Деньги эти, какъ видно изъ справки подписанной казначеемъ градоначальства, записаны 6 и 4 ноября 1906 г. на приходъ по ст. 5 и 6 въ книгѣ № 13 для записи денегъ, поступающихъ въ распоряженіе Градоначальника на благотворительность по его усмотрѣнію, а на прошеніяхъ Павлютина и Смородинова, послѣ резолюціи ген. Рейнбота о воспретіи промысла названнымъ лицамъ, сдѣлана управляющимъ канцеляріей Градоначальника надпись: „приказано отмѣнить взыскаіе“. Изъ прошенія же, поданнаго Московскому Градоначальнику владѣльцемъ ассенизационнаго обоза Миханломъ Шадровымъ видно, что приказомъ Градоначальника отъ 31 октября 1906 г. за разлитіе нечистотъ

его работниками онъ былъ подвергнутъ штрафу въ размѣрѣ 100 руб., причемъ половину такового взыскаія уже внесъ на благотворительныя учрежденія и ходатайствовалъ о сложеніи остальной части штрафа. При этомъ прошеніи Шадровъ представилъ квитанцію братолюбиваго общества въ Москвѣ снабженія немощныхъ квартирами отъ 31 окт. того же года въ получении съ него пожертвованія въ суммѣ 50 руб. На прошеніи Шадрова написана резолюція: „къ дѣлу“. По объясненію Павлютина, Смородинова и Шадрова на предварительномъ слѣдствіи, всѣ трое явились въ одинъ и тотъ же день по вызову въ градоначальство, гдѣ ген. Рейнботъ, потребовавъ ихъ въ свой кабинетъ, объявилъ имъ, что онъ штрафуеъ ихъ по 100 р. каждый за умышенное сливаніе нечистотъ и что, въ случаѣ неуплаты этихъ денегъ, онъ закроетъ ихъ промысль. Спустя некоторое время послѣ этого, когда на поданныя имъ просьбы о сложеніи штрафа не послѣдовало никакого отвѣта, въ полицейскихъ участкахъ по мѣсту проживанія Павлютина и Смородинова были получены распоряженія объ опечатаніи у нихъ обозовъ и запрещеніи занятія промысломъ. Будучи крайне стѣснены такимъ распоряженіемъ, названныя лица, раздобывъ денегъ, причемъ Смородиновъ вынужденъ былъ продать пару лошадей, внесли требуемыя съ нихъ суммы въ градоначальство, гдѣ имъ было объявлено, что деньги пойдутъ на какую-то благотворительную дѣль. Послѣ внесенія денегъ распоряженіе о воспретіи имъ промысла было отмѣнено. Шадровъ же, не имѣвшій наличныхъ денегъ, чтобы внести штрафъ въ канцелярію Градоначальника, отправился въ Комитетъ Маринскаго пріюта братолюбиваго общества, гдѣ онъ долженъ былъ получить плату за работу, но тамъ денегъ ему не выдали, а взаменъ таковыхъ согласился на заработанную имъ сумму въ количествѣ 50 руб. выдать квитанцію въ принятіи отъ него этихъ денегъ въ видѣ пожертвованія. Эту квитанцію онъ затѣмъ представилъ въ градоначальство при прошеніи. Такимъ же порядкомъ въ мартѣ 1907 г. ген. Рейнботомъ былъ оштрафованъ содержатель ассенизационнаго обоза Василій Тихомировъ, изъ показанія коего на слѣдствіи видно, что по явкѣ въ градоначальство вслѣдствіе вызова ему было объявлено ген. Рейнботомъ о наложеніи на него штрафа въ 50 руб. за ѣзду на большой лошади. На вопросъ Тихомирова, когда имѣлъ мѣсто случай, вызвавшій наложеніе на него взыскаія, ген. Рейнботъ отвѣтилъ: „безъ разговоровъ, принеси деньги завтра къ 10 час., а то обозъ будетъ опечатанъ“. На другой день Тихомировъ снова явился въ градоначальство, гдѣ деньги были отъ него приняты помощникомъ Градоначальника Короткимъ. Изъ осмотра книги № 17 о пожертвованіяхъ на пріютъ для престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей видно, что подъ ст. 204 отъ 1 марта 1907 г. въ этой книгѣ записаны поступившія отъ Тихомирова деньги въ суммѣ 25 руб. 30 окт. 1906 г. рабочій владѣльца ассенизационнаго обоза Морозова былъ задержанъ за разлитіе нечистотъ на линіи Брестской жел. дороги. На докладѣ по этому поводу ген. Рейнботомъ написана резолюція: „вызвать хозяина, бочки опечатать“. Изъ помѣтки канцеляріи видно, что депеша объ опечатаніи бочекъ послышалась 7 ноября. 8 числа того же мѣсяца Морозовымъ было подано заявленіе, къ которому онъ приложилъ 100 руб., прося принять ихъ на благотворительныя учрежденія „по усмотрѣнію Его Превосходительства“. Деньги эти, какъ видно изъ справки казначая Покровскаго, записаны были того же числа на приходъ по ст. 8 книги № 13 для записи денегъ, поступающихъ въ распоряженіе Градоначальника на благотворительность по его усмотрѣнію. 13 ноября, за подписью экзекутора Матвѣева, участковому приставу было послано извѣщеніе, что, за прекращеніемъ дѣла о Морозовѣ, приказано печати съ его обоза снять. 16 ноября того же года означенныя 100 руб. оказались выписанными „по предложенію“ изъ книги № 13 и занесены въ книгу № 17 (подъ ст. 19) для пожертвованія на пріютъ и школу. По словамъ Морозова, личныя объясненія съ нимъ имѣлъ полковникъ Короткій, объявившій, что обозъ будетъ распечатанъ, а дѣло прекращено, если онъ внесетъ 100 руб. въ пользу благотворительнаго общества. Вскорѣ послѣ этого Морозовъ вновь

былъ вызванъ въ градоначальство и на этотъ разъ за неисправность въ его обозѣ оштрафованъ полковникомъ Короткимъ на 50 рублей, причѣмъ эта сумма, внесенная Морозовымъ, значится записанной въ книгѣ № 17 подъ статьей 21-ой 17 ноября того же года. 28 октября 1906 года въ 4 участка Мѣшанской части были задержаны за разлитіе нечистотъ двое рабочихъ ассенизатора Воробьева. На вѣдомости объ этомъ случаѣ рукою ген. Рейнбота написано: „вызвать хозяина“, и къ перепискѣ приложена квитанція № 14 отъ 15 ноября изъ книги № 17 о принятіи отъ Воробьева 25 руб. пожертвования на пріютъ и школу. Рядомъ съ резолюціей ген. Рейнбота полковнику Короткимъ положена другая: „прекратить и снять печати“. Личныя объясненія по поводу оштрафованія на 25 руб. имѣлъ съ Воробьевымъ полковн. Короткій, объявившій, что въ случаѣ неплаты этихъ денегъ въ 3-хъ-дневный срокъ, обозъ Воробьева будетъ опечатанъ. 29 окт. того же года по Дубровскому шоссе въ 3 уч. Роговской части были задержаны за разлитіе нечистотъ рабочіе ассенизатора Савина. На докладѣ объ этомъ ген. Рейнботомъ положена резолюція: „вызвать хозяина, знакъ отобрать“. Дешпа объ опечатаніи обоза, какъ видно изъ отѣтки канцеляріи, была послана 7 ноября, а 9 числа того же мѣсяца подъ ст. за № 3 въ книгѣ № 17 записано поступленіе отъ Савина пожертвования 50 руб. Рядомъ съ резолюціей ген. Рейнбота Короткимъ написано: „прекратить, печати снять“, и того же 9 ноября пристава было сообщено дешепю о прекращеніи дѣла, съ приказаніемъ немедленно снять печати съ обоза. Изъ показанія Савина видно, что означенныя деньги были внесены имъ на благотворительность, по требованію Короткаго, который объявилъ ему, по явкѣ въ градоначальство, объ оштрафованіи его въ пользу какого-то пріюта, добавивъ, что если деньги не будутъ внесены, обозъ его будетъ остановленъ. 7 ноября 1906 г. въ канцелярію Градоначальника поступилъ докладъ о задержаніи въ 3 уч. Мѣшанской части за разлитіе нечистотъ Филиппа Шибанова, служившаго рабочимъ у содержателя ассенизационнаго обоза. На докладѣ о семь ген. Рейнботъ положилъ резолюцію: „хозяина вызвать, бочки опечатать“. Дешпа объ опечатаніи бочекъ была послана 8 ноября, а на 10 число того же мѣсяца въ градоначальство былъ вызванъ хозяинъ Иванъ Губановъ. Изъ осмотра книги № 17 видно, что 10 ноября Губановъ внесъ на благотворительность 200 руб. Рядомъ съ резолюціей Рейнбота полковникомъ Короткимъ написано: „сложить възысканіе“, и 11 ноября пристава была послана телеграмма о прекращеніи дѣла съ приказаніемъ немедленно снять печати съ обоза. Изъ показаній на слѣдствіи Ивана Губанова оказалось, что оштрафованіе его сопровождалось недоразумѣніемъ; будучи вызванъ въ градоначальство, свидѣтель былъ принятъ полковникомъ Короткимъ, который объявилъ ему, что штрафуетъ его на 100 руб. за разлитіе нечистотъ у Виндавскаго вокзала. Губановъ безъ возраженій внесъ эти деньги и росписался въ какой-то книгѣ, но затѣмъ, спохватившись, что его рабочіе не могли попасть къ Виндавскому вокзалу, спросилъ у Короткаго объ имени провинившагося работника и, къ удивленію своему, узналъ, что это былъ Шибановъ, служившій не у него, а у ассенизатора Тяпкина. Когда Губановъ заявилъ объ этомъ Короткому, послѣдній, разсердившись, увеличилъ штрафъ до 200 руб. Губановъ упалъ на колѣни, но Короткій закрывалъ на него и приказалъ его вывести. На слѣдующій день Губановъ внесъ требуемый штрафъ, но, при содѣйствіи мѣстнаго пристава, переговорившаго по телефону съ канцеляріей Градоначальника, добился того, что ему приказано было явиться вновь вмѣстѣ съ Тяпкинымъ. На этотъ разъ ни ген. Рейнбота, ни полковника Короткаго онъ не встрѣтилъ въ градоначальствѣ, и принявшій его вмѣстѣ съ Тяпкинымъ экзекуторъ Матвѣевъ возвратилъ ему 200 руб., а съ Тяпкина взыскалъ ту же сумму. Изъ осмотра книги № 17 видно, что, дѣйствительно, 200 руб. были Губанову возвращены, а отъ Тяпкина приняты 15 ноября и записаны подъ статьей за № 12. 20 окт. 1906 г. во 2 уч. Якиманской части былъ задержанъ за разлитіе нечистотъ крест. Михайлъ Ивановъ Разсѣкинъ. На докладѣ о семь ген. Рейнботомъ написана резолюція: „хозяина вызвать, бочки опечатать“. Вызовъ

былъ произведенъ на 11 ноября, а 13 числа того же мѣсяца, какъ видно изъ книги № 17, отъ Ивана Акимова Разсѣкина принято пожертвование на благотворительность подъ квитанцію за № 7. На поданномъ Иваномъ Разсѣкинымъ прошеніи на имя Московскаго Градоначальника, въ коемъ изложено ходатайство просителя о снисхожденіи, имѣется отѣтка: „внесено 13 ноября“ и резолюція полковника Короткаго: „прекратить“. По объясненію Ивана Разсѣкина, послѣдній вмѣстѣ съ сыномъ Михайломъ Разсѣкинымъ былъ вызванъ въ канцелярію Градоначальника, гдѣ ихъ принялъ полковникъ Короткій. Рукою послѣдняго на докладѣ, рядомъ съ 4 ноября 1906 г. въ 1 уч. Яузской части за разлитіе нечистотъ былъ задержанъ рабочій ассенизатора Степана Юрлова. На докладѣ по сему дѣлу ген. Рейнботъ положилъ резолюцію: „хозяина вызвать, бочки опечатать“. Вызовъ былъ произведенъ на 9 ноября и того же числа, какъ видно изъ книги № 17, отъ Юрлова было принято пожертвование въ 50 руб. на благотворительность подъ квитанцію № 3. Юрловъ поклялся при допросѣ, что требованіе о взносѣ пожертвованийъ предъявилъ ему въ градоначальствѣ полковн. Короткій. Рукою послѣдняго на докладѣ, рядомъ съ резолюціей ген. Рейнбота, написано: „прекратить, печати снять“. 17 ноября 1906 г. приставъ Алексѣевскаго уч. донесъ рапортомъ Градоначальнику, что ассенизаторъ Леонъ Чурилинъ продолжаетъ, несмотря на запрещеніе, свозить къ себѣ во дворъ нечистоты. По резолюціи ген. Рейнбота: „опечатать бочки немедленно“, послѣднія были опечатаны 23 ноября. При допросѣ на слѣдствіи Чурилинъ показалъ, что послѣ остановки его обоза онъ явился въ градоначальство съ прошеніемъ о снятіи печатей. Прошеніе это принялъ отъ него полковникъ Короткій, приказавшій явиться на слѣдующій день. Придя въ назначенное время, Чурилинъ увидѣлъ только какого-то чиновника, который сообщилъ ему, что Градоначальникъ оштрафовалъ его на 25 руб. въ пользу какого-то пріюта. По внесеніи требуемыхъ денегъ, обозъ свидѣтеля распечатанъ. Въ книгѣ № 17 внесенные Чурилинымъ 25 руб. заприходованы 25 ноября, и того же числа по резолюціи, написанной, повидимому, рукою Короткаго: „прекрат.“, была послана дешпа о снятіи печатей. 23 ноября 1906 г. въ канцеляріи Градоначальника была получена докладная записка пристава перваго участка Хамовнической части о задержаніи за разлитіе нечистотъ трехъ рабочихъ ассенизатора Пахомова. На этой запискѣ ген. Рейнботомъ положена резолюція: „вызвать полк. Короткомъ“, а рукою послѣдняго написано: „взыска. времени“, „задержать до 5 декабря“ и „сложить“, причѣмъ первая резолюція Короткаго подчеркнута синимъ карандашомъ. При допросѣ на слѣдствіи, Пахомовъ удостоившись, что, извѣстившись о задержаніи рабочихъ и зная, что за этимъ должно было послѣдовать опечатаніе обоза, онъ самъ поторопился явиться въ градоначальство. Принялъ его помощникъ Градоначальника Короткій въ кабинетѣ, гдѣ кромѣ него находился еще какой-то военный, какъ-будто похожій на ген. Рейнбота, но, былъ ли это въ дѣйствительности Рейнботъ, свидѣтель утверждать не можетъ, такъ какъ ранѣе ему случалось видѣть генерала только мелькомъ при его проѣздахъ. Полковникъ Короткій объявилъ Пахомову, что по числу его лошадей онъ штрафуетъ его на 200 руб. въ пользу какого-то благотворительнаго общества. У свидѣтеля нашлось только 100 руб., а остальная сумма была отсрочена до 5 числа слѣдующаго мѣсяца когда онъ ее и внесъ. На просьбу Пахомова выдать ему квитанцію, такъ какъ иначе онъ боялся, что его обозъ будетъ опечатанъ, Короткій отвѣтилъ, что ареста его бочекъ онъ не допуститъ, послѣ чего свидѣтель ушелъ, не получивъ никакой квитанціи. При осмотрѣ книги № 17, а также и другихъ денежныхъ книгъ канцеляріи Градоначальника за № 6, 10, 11, 12 и 13, поступленіе денегъ отъ Пахомова въ этихъ книгахъ записаннымъ нигдѣ не оказалось. 17 ноября 1906 г. приставъ 1 уч. Прѣсенской части донесъ Градоначальнику о задержаніи за попытку слить нечистоты у Прѣсенской заставы рабочаго ассенизатора Шалугина. На этомъ рапортѣ ген. Рейнботомъ положена резолюція: „вызвать хозяина“, а рядомъ немедленно къмъ проставлено: „10 р.“ и „10 р.“. Къ перепискѣ приложена подлинная квитанція изъ книги № 17 отъ 1 де-

кабря 1906 г. о взносѣ Шалутинымъ 10 руб. По словамъ послѣдняго, полк. Короткій объявилъ ему, что градоначальникъ штрафуетъ его на 50 руб.: по просьбѣ свидѣтеля, Короткій уменьшилъ этотъ штрафъ до 10 руб., и Шалутинъ внесъ эти деньги на слѣдующій день непосредственно въ канцелярію. 30-го ноября 1906 г. въ 1 уч. Рогожской части рабочими ассенизатора Кухтина были розлиты нечистоты. На докладѣ о семъ ген. Рейнботомъ положена резолюція: „по Корот. вызвать хозяина. Если втор. раз. то налож. тройн. прот. прежн. выск.“, а полк. Короткимъ: „прекратить“. Вызовъ былъ произведенъ на 8 дек., а 9 дек. подъ квитанцію № 94 изъ книги № 17 отъ Кухтина было принято 25 руб. 8 янв. 1907 г. въ 3 уч. Рогожской части за быстрому ѣзду по улицѣ и за ослабленіе полиціи были задержаны рабочіе ассенизатора Василия Яшина. На докладѣ о семъ ген. Рейнботомъ написано: „немеден. бочки опечат. билеты отобрать, город. 2 р.“. Опечатаніе бочекъ послѣдовало 11 января. Въ тотъ же день Яшинъ подалъ прошеніе о снятіи запрещенія. На этомъ прошеніи ген. Рейнботъ положилъ резолюцію: „Полк. Короткому на распоряжен.“. Изъ справки канцеляріи видно, что 19 января подъ квитанцію № 176 изъ книги № 17 отъ Яшина было принято на благотворительность 30 руб. Рядомъ съ резолюціей Рейнбота на томъ же прошеніи Яшина рукою полк. Короткаго написано: „30 р.“, „судное“, „къ дѣлу“ и „прекратить“. По объясненію Яшина, его рабочіе были осуждены Мировымъ Судьею Симоновскаго уч., а его обозъ держали опечатаннымъ 8 сутокъ. Два раза онъ обращался къ полк. Короткому, прося на колѣняхъ прощенія, но Короткій топалъ ногами, кричалъ, что ему загадили Москву, и выгонялъ его вонъ. На третій разъ Короткій приказалъ ему дожидаться внизу, гдѣ какой-то капитанъ передалъ ему, что онъ долженъ заплатить на благотворительность штрафъ въ 30 руб. По вносѣ этихъ денегъ, обозъ былъ распечатанъ. При этомъ Яшинъ добавилъ, что хотя въ выданной ему квитанціи было сказано, что онъ пожертвовалъ 30 руб., но что это была жертва „слишкомъ и черезъ слезы“. 1-го февраля того же года въ канцелярію Градоначальника былъ полученъ докладъ о задержаніи во 2-мъ участкѣ Мѣдвнскои части рабочаго ассенизатора Пыхова за ѣзду на изурнанныхъ и подбитыхъ лошадяхъ. На докладѣ по этому дѣлу имѣются слѣдующія резолюціи: 1) Ген. Рейнбота: „Пыхова вызвать къ полк. Короткому“, 2) неизвѣстно кѣмъ написанная: „80 р.“ и 3) полк. Короткаго: „опечатать если не представить указанный штрафъ“ и „снять печати“. 15 февраля подъ квитанцію за № 197 деньги въ суммѣ 80 руб. были приняты отъ Пыхова по книгѣ № 17, и того же числа была послана депеша о снятіи печатей. Показаніями на предварительномъ слѣдствіи содержательницы ассенизационнаго обоза Евдокіи Заколюдиной и крест. Василия Сухова установлено, что въ октябрѣ 1906 г. у первой изъ нихъ за разлитіе нечистотъ ея рабочими на Горбатовъ мосту былъ опечатанъ обозъ, а затѣмъ ей было объявлено распоряженіе о лишеніи ея права заниматься промысломъ. Находясь въ безвыходномъ вслѣдствіи сего положеніи и теряя большіе убытки, Заколюдина вынуждена была продать свое предпріятіе и, найдя покупателя въ лицѣ Сухова, поѣхала въ градоначальство ходатайствовать о снятіи печатей съ ея обоза. Встрѣтивъ тамъ полк. Короткаго, она изложила ему свою просьбу, но послѣдній сначала накричалъ на нее, а потомъ объявилъ, что распечатаетъ обозъ, если она пожертвуетъ на благотворительное общество 100 руб. Занявъ требуемую сумму у Сухова, Заколюдина внесла эти деньги въ канцелярію градоначальства, послѣ чего обозъ ея былъ освобожденъ отъ опечатанія. Изъ осмотра книги канцеляріи № 17 видно, что отъ Заколюдиной поступило пожертвованіе 100 рублей 15 ноября 1906 г. подъ квитанцію № 13. Въ концѣ 1906 г. чинами полиціи Маринскаго уч. г. Москвы было составлено нѣсколько протоколовъ по поводу разлитія нечистотъ рабочими владѣльца ассенизационнаго обоза Андрея Степанова, нынѣ умершаго. По удостовѣренію пристава Языкова, въ Январѣ 1907 г. всѣ означенные протоколы, по приказанію полицеймейстера Юрьева, были имъ представлены послѣднему, а Юрьевъ представилъ ихъ непосредственно помощнику Градоначальника Короткому. Изъ показанія вдовы Степанова, Анны Степановой, видно, что вскорѣ за-

тѣмъ былъ опечатанъ обозъ Степанова, а послѣдній былъ вызванъ въ градоначальство, гдѣ его принялъ полк. Короткій, объявившій ему объ општрафованіи его на 500 руб. Не имѣя денегъ для уплаты такого штрафа, Степановъ внесъ только 150 руб., обязавшись подпискою уплатить остальную сумму въ разсрочку. По осмотру книги № 17 оказалось, что взносъ Степановымъ 150 руб. записанъ въ этой книгѣ 12 февр. 1907 г. подъ квитанцію № 196, причемъ въ квитанціонной книгѣ находится приложенная къ ней росписка Степанова отъ 12 февр. слѣдующаго содержания: „обязуюсь уплатить остальные 350 руб. въ 2 срока до 10 марта и 10 апрѣля“. Росписка эта подписана Степановымъ, а текстъ ея написанъ помощн. казначея Васильевымъ, удостовѣрившимъ, что онъ сдѣлалъ это по приказанію полк. Короткаго, рукою котораго, какъ полагаетъ свидѣтель, сдѣланы карандашемъ помѣтки на этой роспискѣ надъ словомъ „марта“—„200“ и надъ словомъ „апрѣля“—„150“, означающія суммы, которыя Степановъ долженъ былъ внести въ указанные сроки. Деньги эти, однако, не были высканы съ Степанова, такъ какъ пом. Градоначальника Петровъ, освѣдомившись изъ доклада канцеляріи объ обстоятельствахъ этого дѣла и будучи возмущенъ такимъ способомъ сбора пожертвованій въ благотворительный фондъ, доложилъ ген. Рейнботу, который, хотя и остался недоволенъ дѣйствіями Короткаго и велѣлъ прекратить дѣло, но о возвращеніи по принадлежности неправильно высканныхъ съ Степанова денегъ распоряженій не сдѣлалъ. 29 октября 1906 г. въ канцелярію Градоначальника былъ полученъ рапортъ пристава 1 уч. Судовской части о разлитіи нечистотъ рабочникомъ ассенизатора Грана. На этомъ рапортѣ ген. Рейнботомъ положена резолюція: „хоз. выз., гор. 2 р.“, и имѣется помѣтка, что Гранъ вызванъ на 6 ноября. По объясненію Грана, его принялъ въ градоначальствѣ полк. Короткій и объявилъ, что штрафуетъ его на 25 руб. Зная, что въ подобныхъ случаяхъ, при возраженіи со стороны штрафуемаго, Короткій повышалъ сумму высканія, а вступившаго съ нимъ въ объясненія приказывалъ вывести, свидѣтель въ отвѣтъ на объявленное ему распоряженіе, поблагодарилъ Короткаго и былъ опущенъ. За неимѣніемъ наличныхъ денегъ, Гранъ своевременно не внесъ въ градоначальство наложеннаго штрафа, и вслѣдствіи таковой съ него взыскиваемъ не былъ. 29 окт. 1906 г. за ѣзду безъ установленнаго знака былъ задержанъ въ 1 уч. Прѣсенской части рабочій содержателя дровяного склада Баркова. Вслѣдствіе резолюціи ген. Рейнбота: „Баркова вызвать ко мнѣ“, послѣдній былъ вызванъ на 9 ноября. Подъ этимъ числомъ въ книгѣ № 17 въ ст. 4 записаны на приходъ поступившіе отъ Баркова 10 руб. Рядомъ съ резолюціей Рейнбота полковн. Короткій положилъ резолюцію: „прекратить“. По объясненію Баркова, его принялъ въ градоначальствѣ и объявилъ объ општрафованіи полк. Короткій. 20 ноября 1906 г. въ томъ же участкѣ Прѣсенской части за ѣзду со старымъ знакомъ былъ задержанъ рабочій ломового извозчика Михаила Артамонова. По резолюціи ген. Рейнбота, Артамоновъ былъ вызванъ въ градоначальство на 8 декабря. 12 числа того же мѣсяца онъ внесъ подъ квитанцію за № 101 изъ книги № 17 три руб. Спрошенный на слѣдствіи Артамоновъ показалъ, что въ градоначальствѣ его принялъ какой-то полный господинъ въ военной формѣ, кажется полк. Короткій, который спросилъ, сколько у него лошадей, а затѣмъ объявилъ, что штрафуетъ его на три руб. Того же 20 ноября приставъ 1 уч. Прѣсенской части донесъ о задержаніи за ѣзду на большой лошади рабочаго ломового извозчика Золотова. Согласно резолюціи ген. Рейнбота: „Золотова вызвать къ полк. Короткому“, Золотовъ былъ вызванъ на 30 ноября, когда, по его объясненію, онъ и былъ општрафованъ полк. Короткимъ. Штрафъ этотъ былъ внесенъ на слѣдующій день женою Золотова, отъ которой деньги были приняты въ канцеляріи Градоначальника. Поступленіе отъ Золотова 5 руб. записано 1 декабря 1906 г. въ книгѣ № 17 подъ квитанцію за № 83. 30 ноября 1906 г. приставъ 1 уч. Прѣсенской части донесъ Градоначальнику о задержаніи за ѣзду на большой лошади работника ломового извозчика Воронина. По резолюціи ген. Рейнбота, Воронинъ былъ вызванъ въ градоначальство на 8 декабря.

9 дек. по книгѣ № 17 подѣ статью № 95 значатся принятыми отъ Воронина 10 руб. По объясненію послѣдняго, его оштрафовалъ на эту сумму въ градоначальствѣ очень полный человекѣ въ военной формѣ. Въ тотъ же день изъ того же участка было донесено Градоначальнику о задержаніи за ѣзду на большой лошади рабочего содержателя ломового извоза Фролова, причѣмъ ген. Рейнботомъ была положена резолюція: „извозч. вызва. къ полк. Короткому“. Изъ показанія Фролова видно, что въ градоначальствѣ полк. Короткій оштрафовалъ его сначала на 100 руб., а затѣмъ сбавилъ этотъ штрафъ до 25 руб. На указаніе Фролова, что онъ уже оштрафованъ по тому же дѣлу мировымъ Судею, Короткій отвѣтилъ: „это власть моя“. Изъ осмотра книгъ № 17 оказывается, что 25 руб., поступившіе отъ Фролова, записаны 11 декабря 1906 г. подѣ квитанцію № 97. 16 янв. 1907 г. во 2 уч. Арбатской части были задержаны за провозъ неприкрытыхъ мясныхъ тушъ 6 рабочихъ ломового извозчика Ечкина. На докладѣ по этому поводу рукою ген. Рейнбота написано: „Ечкина вызв. къ полк. Коротк.“, а рукою послѣдняго: „вызв. на 1 февр. къ 1 час. и „прекратить“. На томъ же докладѣ имѣется справка: „20 руб. записаны 3 февраля 1907 г. № 190“. Подѣ указаннымъ числомъ погашеніе въ 20 руб. значится въ книгѣ № 17. При допросѣ въ качествѣ свидѣтеля Ечкинъ первоначально утверждалъ, что его принялъ въ градоначальствѣ и оштрафовалъ ген. Рейнботъ, а вносилъ онъ деньги въ Канцелярію Градоначальника. По предъявленіи же свидѣтелю полк. Короткаго, онъ заявилъ, что со страха не вглядывался въ лицо оштрафовавшаго его начальника и, не былъ ли это полк. Короткій, сказать не можетъ.—Относительно поборовъ, взимаемыхъ въ пользу благотворительнаго фонда градоначальства съ содержателей заведеній трактирнаго промысла и отдѣльных обывателей, изъ дѣла видно слѣдующее: Въ началѣ 1907 г. нѣмъ умершей Московской цеховой Николай Рубцовъ, снявъ въ аренду находившійся въ Сокольникахъ ресторанъ, подѣ названіемъ „Золотой Якорь“, получилъ разрѣшеніе содержать этотъ ресторанъ, съ предоставленіемъ ему правъ торговли по 2 разряду. При осмотрѣ дѣла канцеляріи Градоначальника о названномъ заведеніи оказалось, что въ іюнѣ 1907 г. Управляющій Акцизн. Сборами Московской губ., вслѣдствіе ходатайства Рубцова о переводѣ его ресторана въ 1 разрядъ, сообщилъ Градоначальнику, что въ случаѣ признанія послѣднимъ желательнымъ удовлетворить означенную просьбу Рубцова, со стороны Акцизнаго Управленія никакихъ препятствій къ предоставленію ему просимыхъ правъ не встрѣчается. На этомъ отношеніи рукою ген. Рейнбота написано: „ничего желательнаго не вижу“, а затѣмъ отношеніемъ отъ 21 іюля 1907 г. Градоначальникомъ было сообщено Управляющему Акцизнымъ Сборами объ отклоненіи ходатайства Рубцова. Изъ дѣла усматривается, что, начиная съ Марта 1907 г., Рубцовымъ въ разное время было подано Градоначальнику 9 прошеній съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему устроить въ ресторанѣ увеселительную часть и концертныя отдѣленія при участіи оркестра и хоромъ, а равно и о предоставленіи его заведенію правъ 1 разряда. На прошеніи Рубцова отъ 9 марта помощникомъ Градоначальника Петровымъ сдѣлана надпись: „Градоначальникомъ отклонено“, а на другихъ 4 прошеніяхъ рукою ген. Рейнбота положены резолюціи: „отклонить“, причѣмъ заведенію Рубцова было дозволено завести только мужской хоръ и оркестръ. Осенью 1907 г. Рейнботъ измѣнилъ свое отношеніе къ ходатайствамъ Рубцова, и, когда послѣдній 19 сент. подаль новое прошеніе, въ которомъ изложилъ всѣ прежнія просьбы о переводѣ принадлежащаго ему ресторана въ 1 разрядъ и о разрѣшеніи женскаго хора и пѣнія солистокъ какъ на открытой сценѣ, такъ и въ отдѣльных кабинетахъ, то на этомъ прошеніи Рейнботомъ была написана резолюція: „разрѣшаю“, и о такомъ разрѣшеніи повѣренному Рубцову Тарбѣву канцеляріей Градоначальника было выдано 25 сентября 1907 г. соответствующее удостовѣреніе. Изъ показаній на предварительномъ слѣдствіи бывшаго Управляющаго дѣлами Рубцова, Сергія Михѣева, куца Сергія Натрускина, а также изъ протокола опроса Рубцова старшимъ чиновникомъ Сенаторской ревизіи Хлѣбни-

ковымъ видно, что, затративъ на устройство и ремонтъ помѣщенія арендуемаго ресторана около 60000 руб., Рубцовъ дошелъ до полного разоренія, такъ какъ торговля въ его ресторанѣ, послѣ запрещенія Градоначальникомъ бывшихъ тамъ ранѣ увеселеній, приносила одни лишь убытки. Всѣ хлопоты въ градоначальствѣ, предпринятые какъ лично Рубцовымъ, такъ и чрезъ Тарбѣева и Судакова, съ цѣлью добиться просимаго разрѣшенія, оставались безъ всякихъ результатовъ дѣтъхъ поръ, пока въ его дѣлѣ не принялъ участіе владѣлецъ ресторановъ „Стрѣльна“ и „Мавританія“, Натрускинъ, лично извѣстный ген. Рейнботу, который посѣщалъ иногда его заведенія. Когда въ одно изъ такихъ посѣщеній Натрускинъ заговорилъ о Рубцовѣ съ ген. Рейнботомъ, послѣдній велѣлъ ему пріѣхать въ градоначальство. На слѣдующій же день Натрускинъ поѣхалъ къ Рейнботу, спросивъ предварительно Рубцова, можетъ ли послѣдній дать что-нибудь на пріютъ для чиновъ полиціи, на что Рубцовъ отвѣтилъ, что онъ надѣется достать 2000 руб. и готовъ пожертвовать. Принятый Рейнботомъ, Натрускинъ сказалъ, что ресторанъ Рубцова отдѣланъ хорошо, а самъ Рубцовъ человекѣ добрый и, хотя теперь обдѣнѣлъ, но готовъ пожертвовать 2000 руб. на пріютъ. Тогда ген. Рейнботъ приказалъ подать прошеніе. Чтобы достать требуемую сумму денегъ, Рубцову пришлось поѣхать въ С.-Петербургъ, гдѣ ему удалось занять такую, послѣ чего Натрускинъ отвезъ эти деньги въ градоначальство и передалъ ихъ ген. Рейнботу вмѣстѣ съ прошеніемъ Рубцова, на которомъ Рейнботъ сдѣлалъ надпись: „разрѣшаю“. Внесенная Рубцовымъ сумма оказалась записанной въ приходо-расходной книгѣ благотворительнаго общества при Московскомъ градоначальствѣ и столичной полиціи подѣ статью 89-ой 2 ноября 1907 г. Участіе названнаго выше Натрускина въ дѣлахъ, сопряженныхъ съ интересами трактирщиковъ, имѣло мѣсто еще разъ при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ: Послѣ того какъ владѣльцами заведеній трактирнаго промысла 2-го разряда было получено, при посредствѣ Стволова, разрѣшеніе Градоначальника имѣть въ своихъ трактирахъ отдѣльные кабинеты съ навѣшенными дверями, содержатели трактировъ 3-го разряда возбудили ходатайство о предоставленіи имъ такихъ же правъ навѣсить двери въ кабинетахъ, и съ этою цѣлью ими была отправлена къ ген. Рейнботу особая депутація, которая изложила ему означенное ходатайство и представила письменное прошеніе. На это Рейнботъ отвѣтилъ, что трактирщики просятъ слишкомъ много, но, тѣмъ не менѣе, приказалъ оставить прошеніе. Спустя нѣкоторое время просителямъ было послано увѣдомленіе объ отказѣ въ ихъ ходатайствѣ. Вскорѣ затѣмъ, по удостовѣренію Натрускина, ген. Рейнботъ завелъ съ нимъ разговоръ по поводу упомянутого ходатайства трактирщиковъ и, узнавъ отъ него, что двери въ ресторанахъ 3 разряда необходимы для того, чтобы посѣщающіе ихъ торговцы могли свободно вести переговоры о своихъ дѣлахъ, сказалъ, что онъ разрѣшитъ навѣсить двери въ кабинетахъ, если владѣльцы трактировъ соберутъ на пріютъ 25000 руб., причѣмъ просилъ Натрускина, могутъ ли они собрать указанную сумму. Отвѣтивъ утвердительно, Натрускинъ о такомъ разговорѣ съ ген. Рейнботомъ передалъ секретарю Московскаго общества взаимопомощи владѣльцевъ заведеній трактирнаго промысла Амосову, который при допросѣ на слѣдствіи объяснилъ, что хотя онъ не помнитъ, говорилъ ли ему объ изложенномъ Натрускинъ, но при немъ въ правленіи общества предсѣдатель Судаковъ передавалъ, что онъ лично слышалъ отъ Натрускина о такомъ предложеніи ген. Рейнбота. По словамъ того же Амосова, юриконсультъ общества Тарбѣевъ также заявлялъ, что надо внести въ градоначальство 20000 или 25000 руб. на дѣла благотворительности и при этомъ условіи можно получить разрѣшеніе навѣсить двери въ кабинетахъ ресторановъ 3 разряда. Однако, предложеніе это не встрѣтило сочувствія въ средѣ членовъ правленія общества и сборъ денегъ для пожертвованія не состоялся. Въ февралѣ 1907 г. владѣльцу ресторана 2 разряда на Чистыхъ Прудахъ Ивану Кучерову Московскимъ Градоначальникомъ вслѣдствіе его ходатайства, было разрѣшено устроить въ саду при его ресторанѣ „музыкально-вокальный дивертисментъ“. Изъ акта осмотра доклада дѣла канцеляріи Градоначальника о ре-

сторонах Кучерова видно, что 14 авг. 1907 г. на имя Градоначальника была получена за подписью „Петровъ“, телеграмма слѣдующаго содержания: „Три-ть Кучерова полнѣйшая ваканалія, въ часъ ночи охраняють 4 городовыхъ, 7 сторожей, а отъ воровъ нельзя спокойно спать“. На этой телеграммѣ рукою ген. Рейнбота написано: „Уже было много жалобъ, въ томъ числѣ отъ пом. Директ. Необходимо прикрыть этотъ вертепъ“. Послѣ этого, какъ усматривается изъ надписи помощ. Градоначальника Петрова, послѣднимъ было поручено начальнику сыскной полициі произвести разслѣдованіе. На полученномъ 17 авг. въ канцеляріи докладѣ, въ коемъ изложено, что между посетителями ресторана Кучерова бывають малолѣтніе, и что этотъ ресторанъ оказываетъ развращающее вліяніе на молодежь, тѣмъ же помощ. Градоначальника положена резолюція о сообщеніи Управляющему Акцизными сборами относительно сокращенія часовъ торговли въ означенномъ ресторанѣ. 21 авг. Кучеровымъ было подано Градоначальнику прошеніе, въ которомъ, указывая, что сокращеніе часовъ торговли окончательно раззорить его, просилъ ходатайствовать о замѣнѣ этого взысканія лишеніемъ его права имѣть въ саду дивертисментъ, съ оставленіемъ одного лишь оркестра музыки. На этомъ прошеніи рукою ген. Рейнбота написана слѣд. резолюція: „согласенъ при условіи закрытія сада и всѣхъ увеселеній, оставивъ одинъ оркестръ, котораго лпу въ случаѣ безобразія“. Спрошенный на слѣдствіи Иванъ Кучеровъ показалъ, что, получивъ свѣдѣнія о намѣреніи Градоначальника ограничить ему право производства торговли до 11 час. вечера и побывавъ безуспѣшно въ градоначальствѣ и въ Акцизномъ Управленіи, онъ обратился къ помощ. присяжнаго повѣреннаго Тарбѣеву, состоявшему юрисконсультомъ общества трактировладельцевъ. Выслушавъ его объясненія, Тарбѣевъ прямо сказалъ, что придется что-нибудь заплатить, и обѣщавъ узнать, можно ли это устроить, а на другой день извѣстивъ, что это возможно, но что придется, отказавшись отъ дивертисмента, подать просьбу объ оставленіи права поздней торговли и заплатить 1000 руб. 23 авг. Кучеровъ, явившись вмѣстѣ съ Тарбѣевымъ въ градоначальство, былъ принятъ ген. Рейнботомъ въ кабинетѣ и, подавъ прошеніе, изложилъ на словахъ свою просьбу, при чемъ заявилъ, что онъ отказывается отъ разрѣшеннаго ему ранѣ увеселенія и жертвуетъ на благотворительность 1000 руб. Взявъ деньги, ген. Рейнботъ сказалъ, что онъ оставитъ ему право поздней торговли. Послѣ этого, какъ удостовѣрилъ свидѣтель, означенное право, действительно, ему было оставлено. Изъ осмотра приходорасходныхъ книгъ канцеляріи Градоначальника № 13 и № 17 оказалось, что полученныя ген. Рейнботомъ отъ Кучерова деньги въ этихъ книгахъ нигдѣ записанными на приходъ не значатся. Въ ночь на 6 ноября 1906 г. въ управленіе 3 уч. Тверской части явился поручикъ Сушильниковъ и представилъ личнаго почетнаго гражд. Масленникова, заявивъ, что послѣдній позволялъ себѣ, находясь въ ресторанѣ трехгорнаго товарищества на Петровкѣ, нанести ему оскорбленіе на словахъ. На докладѣ объ этомъ участковаго пристава рукою ген. Рейнбота написана резолюція: „торговлю сократ. до 10 час.“. Протоколъ, составленный полиціею о поступкѣ Масленникова, былъ переданъ 14 ноября того же года Мировому Судѣ Лубянскаго уч., а вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію ген. Рейнбота, секретаремъ Градоначальника Яковлевымъ было сообщено приставу 2 уч. Арбатской части Иванову о взысканіи съ Масленникова 500 руб. на благотворительность, съ объявленіемъ ему, что въ случаѣ невнесенія этихъ денегъ въ трехдневный срокъ онъ будетъ Градоначальникомъ высланъ изъ Москвы. Хотя дѣйствовавшими въ означенное время обязательными постановленіями Московскаго Генералъ-Губернатора не предусматривались случаи наложенія административныхъ взысканій за оскорбленія военныхъ чиновъ, но тѣмъ не менѣе, Масленниковъ, получивъ объявленіе полиціи и испугавшись угрозы высылки изъ Москвы, поспѣшилъ достать требуемую сумму денегъ, занявъ таковую по частямъ у своихъ знакомыхъ, и по указанію пристава Иванова, внесъ ее въ Губернское Казначейство въ депозитъ Градоначальника подъ квитанцію отъ 9 ноября 1906 г. Оставшись недоволенъ такимъ

направленіемъ взысканныхъ съ Масленникова денегъ, ген. Рейнботъ сдѣлалъ выговоръ приставу Иванову, указавъ ему, при личномъ объясненіи, что эти деньги подлежали обращенію не въ доходъ казны, а въ счетное отдѣленіе канцеляріи Градоначальника на благотворительное общество при градоначальствѣ. Изъ осмотра дѣла канцеляріи Градоначальника видно, что вслѣдъ затѣмъ отношеніемъ отъ 10 ноября, подписаннымъ ген. Рейнботомъ, Казначейству было сообщено, что внесенныя Масленниковымъ деньги не считаются штрафомъ, а представляютъ собою взносъ на благотвореніе, почему и будутъ выписаны въ расходъ по ассигновкѣ его, Градоначальника. Одновременно съ симъ означенныя деньги были истребованы изъ казначейства по ассигновкѣ на имя казначея Градоначальства Покровскаго, на рапортѣ коего, съ представленіемъ денегъ, ген. Рейнботомъ сдѣлана надпись: „къ дѣлу о капиталѣ графа Шувалова“. По осмотру книги № 13 на записъ денегъ, поступающихъ въ личное распоряженіе Градоначальника, оказалось, что поступившіе отъ Масленникова 500 руб. заприходованы въ этой книгѣ подъ ст. 11 отъ 14 ноября 1906 г., какъ внесенныя имъ Градоначальнику на дѣла благотворенія. Изъ дѣла также усматривается, что по указанной выше резолюціи ген. Рейнбота о сокращеніи торговли въ ресторанѣ, гдѣ имѣлъ мѣсто случай оскорбленія Масленниковымъ поручика Сушильникова, было сообщено управляющему Акцизными Сборами, постановленіемъ коего, сообщеннымъ Градоначальнику 25 ноября 1906 г., означенный ресторанъ былъ лишенъ права выѣсрочной торговли. 27 ноября въ книгѣ канцеляріи Градоначальника № 17 подъ ст. 53 записанъ на приходъ поступившій отъ администраціи трехгорнаго пивовареннаго товарищества взносъ въ пользу благотворительнаго фонда при градоначальствѣ въ суммѣ 1000 руб., а вскорѣ затѣмъ отношеніемъ отъ 11 декабря 1906 года ген. Рейнботомъ было сообщено управляющему Акцизными Сборами, что, въ виду поступившаго къ нему ходатайства правленія трехгорнаго товарищества, а также заявленія его о томъ, что будутъ приняты всѣ мѣры къ недопущенію безпорядковъ, онъ, Градоначальникъ, признаетъ возможнымъ нынѣ разрѣшить упомянутому ресторану выѣсрочную торговлю до 2-хъ часовъ ночи. Дѣятельное участіе въ поборкахъ съ содержателями ресторановъ, квартиръ свиданій, меблированныхъ комнатъ и другихъ торговыхъ заведеній принималъ пом. Градоначальника Короткій, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ: По удостовѣренію директоромъ правленія товарищества „Эрмитажъ-Сливъ“ Константина Поликарпова и Георгія Мочалова, въ ноябрѣ 1906 г., правленіемъ товарищества, которому принадлежитъ домъ свиданій и ресторанъ въ 3-мъ уч. Тверской части, было получено печатное приглашеніе принять участіе въ пожертвованіяхъ на устройство пріюта для престарѣлыхъ и увѣчныхъ нижнихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей. Сначала правленіе не обратило вниманія на это приглашеніе и никакихъ взносов не сдѣлало, но вскорѣ до него дошли слухи, что владѣльцы другихъ заведеній подобнаго же рода уже внесли пожертвованія на указанную цѣль, и что послѣ этого ихъ заведенія, подвергнувшись ранѣ закрытію и разнымъ стѣсненіямъ со стороны полицейскаго начальства, перестали терпѣть преслѣдованія. Спустя нѣкоторое время явившійся въ домъ товарищества участковаго пристава Эрнъ составилъ протоколъ о безпорядкахъ въ заведеніи, а затѣмъ въ частномъ разговорѣ съ свидѣтелями сказалъ, что протоколъ составленъ имъ по распоряженію пом. Градоначальника Короткаго и ничего серьезнаго въ себѣ не заключаетъ, а что составленіе этого протокола надо понять, какъ напоминаніе о приглашеніи къ пожертвованію на благотворительное общество при градоначальствѣ. По совѣту Эрна, Поликарповъ поѣхалъ въ градоначальство, гдѣ былъ принятъ полк. Короткимъ, сказавшимъ ему, что протоколу не будетъ дано хода, но что товарищество забыло полицію и не хочетъ пожертвовать на благотворительное общество, какъ это дѣлають другіе. Когда, въ отвѣтъ на такое заявленіе, Поликарповъ предложилъ пожертвовать 3000 руб., Короткій сказалъ, что это мало, и что можно пожертвовать больше. Чтобы убѣдить Короткаго въ томъ, что товарищество не располагаетъ большими доходами, По-

ликарповъ спустя нѣкоторое время прїѣхалъ вновь къ Короткому и, предъявивъ ему отчетный балансъ товарищества, внесъ 5000 руб., которые Короткій, ознакомившись съ балансомъ, отъ него принялъ. Допрошенный на слѣдствїи бывш. приставъ Эрнъ показавъ, что однажды Короткій по телефону спросилъ, бываетъ ли онъ въ Эрмитажѣ; и совѣтовалъ посѣтить это заведеніе; когда же свидѣтель явился къ нему за разъясненіемъ полученнаго распоряженія, Короткій уклонился отъ объясненій, сказавъ: „а я все-таки совѣту вамъ посѣтить Эрмитажъ“. Недоумѣвая по поводу смысла этихъ словъ, Эрнъ сообщилъ объ этомъ чиновникамъ канцеляріи Кедрову и Фивейскому, при чемъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „вы знаете, при градоначальствѣ есть благотворительное общество; вѣроятно, нуженъ протоколычикъ“. Послѣ этого свидѣтель не безъ натяжки составилъ протоколъ о какой-то неисправности въ заведеніи „Эрмитажъ“ и представилъ таковой полк. Короткому, а спустя еще нѣкоторое время послѣдній, вызвавъ къ себѣ Эрна, сказалъ ему: „представьте себѣ, эти мерзавцы „Эрмитажъ“ даютъ только 3000 руб.; генералъ страшно недоволенъ; вы имъ скажите, а то я покажу имъ...“. О содержаніи такого разговора свидѣтель передалъ директорамъ „Эрмитажа“, которые порѣшили тогда сдѣлать взносъ въ большемъ противъ предполагаемаго размѣрѣ. По осмотру книги канцеляріи градоначальства № 17 оказалось, что внесенные Поликарповымъ полк. Короткому 5000 руб. записаны въ этой книгѣ 18 ноября 1906 г. подъ ст. 26. Изъ акта осмотра дѣла той же канцеляріи о находящемся во 2 уч. Рогожской части ресторанѣ Антона Иванова видно, что 31 декабря 1906 г. этой канцеляріи было получено подписанное 3 обывателями заявленіе о безпорядкахъ въ ресторанѣ Ивановъ и о допускаемой тамъ игрѣ въ карты и на биліардѣ „биксъ“. На этомъ заявленіи рукою полк. Короткаго написаны слѣдующія резолюціи: „къ дѣлу“, „вызвать завтра“, „торговлю сократить до 10 час. вечера“ и перечеркнуты цифры „200“. Въ дѣлѣ также находится подписка Иванова отъ 2 января 1907 г. въ томъ, что биліардъ „биксъ“ въ его ресторанѣ не будетъ поставленъ. На этой подпискѣ рукою полк. Короткаго сдѣлана надпись: „штраф. на 200 руб.“, при чемъ послѣднія цифры перечеркнуты карандашомъ. При допросѣ на слѣдствїи Ивановъ показалъ, что еще осенью 1906 г. онъ былъ вызванъ въ градоначальство полк. Короткимъ, который сначала пригрозилъ ему сократить время торговли въ ресторанѣ за допускаемую тамъ игру въ „биксъ“ на деньги, а затѣмъ предложилъ пожертвовать 100 руб. на прїютъ для чиновъ полиціи. На это предложеніе свидѣтель вынужденъ былъ согласиться и внести требуемую сумму, а спустя нѣкоторое время его вызвалъ начальникъ сыскной полиціи Моисеенко по поводу какихъ-то новыхъ безпорядковъ въ его заведеніи, и объявилъ, что торговля въ его ресторанѣ сокращена до 10 часовъ вечера. Тогда онъ, Ивановъ, снова отправился къ полк. Короткому, который предложилъ ему вмѣсто того, чтобы подвергнуться сокращенію торговли, уплатить штрафъ въ 200 руб. Означенную сумму свидѣтель внесъ на слѣдующій день Короткому, а изъ осмотра казначейской книги канцеляріи Градоначальника № 17 видно, что первый взносъ, сдѣланный Ивановымъ въ суммѣ 100 руб., записанъ въ этой книгѣ подъ квитанцію № 88 отъ 5 декабря 1906 г., а послѣдующій—200 руб.—подъ квитанцію № 163 отъ 5 января 1907 г. При подобныхъ же обстоятельствахъ въ ноябрѣ 1906 г. было внесено въ благотворительный фондъ при градоначальствѣ пожертвование владѣльцемъ въ Москвѣ 2 ресторановъ Алексѣемъ Гладышевымъ. По объясненію Гладышева и завѣдывающаго его заведеніемъ Ивана Соловьева, первый изъ названныхъ лицъ, получивъ свѣдѣнія о вызовѣ его въ градоначальство, послалъ туда Соловьева, который былъ принятъ полк. Короткимъ. Объявивъ Соловьеву, что, по полученнымъ въ градоначальствѣ свѣдѣніямъ, въ ресторанѣ его хозяина допущены безпорядки, и узнавъ со словъ Соловьева, что въ этомъ ресторанѣ есть биліардъ „биксъ“, Короткій приказалъ свидѣтелю вынести послѣдній и за допущенный безпорядокъ пожертвовать въ пользу благотворительнаго общества при градоначальствѣ 100 руб. Вслѣдствіе такого требованія Соловьевъ внесъ данные ему на этотъ предметъ

Гладышевымъ 100 руб., каковыя деньги оказались записанными на приходѣ въ книгѣ канцеляріи Градоначальника № 17 отъ 20 ноября 1906 г. подъ квитанцію № 27. Изъ акта осмотра дѣла той же канцеляріи о ресторанѣ въ Петровскомъ паркѣ подъ названіемъ „Эльдорадо“, принадлежащемъ Ильѣ Скалкину, усматривается, что прошеніемъ, полученнымъ въ канцеляріи 25 авг. 1906 г., Скалкинъ обратился къ Московскому Градоначальнику съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему производить торговлю до 5 час. утра, но эта просьба не была удовлетворена, и на прошеніи Скалкина помощн. Градоначальника Петровымъ написана резолюція: „не вижу основаній; отказать 14 октября“. 18-го марта 1907 г. Скалкинъ подалъ Градоначальнику новое прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что въ томъ же году онъ получилъ отъ помощн. Градоначальника Короткаго словесное разрѣшеніе торговать до 5 час. утра, о чемъ извѣстно и участковому приставу Ползикову, но такъ какъ онъ, Скалкинъ, до сего времени не имѣлъ на это письменнаго разрѣшенія, то и ходатайствуетъ о выдачѣ ему такового. Вмѣстѣ съ тѣмъ по осмотру записей въ книгѣ канцеляріи Градоначальника № 17 оказывается, что Скалкинымъ было сдѣлано пожертвованіе въ благотворительный фондъ при градоначальствѣ 500 руб., записанное въ этой книгѣ на приходѣ 20 января 1907 г. въ ст. № 178. Спрошенный на слѣдствїи Скалкинъ показалъ, что послѣ безуспѣшнаго ходатайства въ градоначальствѣ о разрѣшеніи производить торговлю въ ресторанѣ сверхъ положеннаго срока, онъ обратился къ содѣйствію сапожника Стволова, который велѣлъ ему подать прошеніе ген. Рейнботу. Послѣдній, принявъ Скалкина, направилъ его къ полковнику Короткому, по приглашенію коего онъ, свидѣтель, отправился къ нему на квартиру вмѣстѣ со Стволовымъ. Вложивъ въ свое прошеніе 1000 руб., Скалкинъ подалъ таковое Короткому, но этотъ послѣдній возвратилъ ему прошеніе, сказавъ, чтобы проситель пришелъ послѣ. Стволовъ объяснилъ Скалкину, что онъ вложилъ въ прошеніе мало денегъ, вслѣдствіе сего свидѣтель, вернувшись въ кабинетъ Короткаго, снова подалъ ему прошеніе, въ которое вложилъ 3000 руб. Взявъ деньги, Короткій сдѣлалъ на прошеніи надпись: „разрѣшаю торговлю до 5 час. утра“. О таковомъ разрѣшеніи, данномъ Скалкину, полк. Короткій подтвердилъ затѣмъ и участковому приставу Ползикову. Послѣ оставленія Короткимъ должности помощн. Градоначальника, Скалкинъ былъ вызванъ ген. Рейнботомъ, который спросилъ его, отъ кого онъ, свидѣтель, получилъ разрѣшеніе на право поздней торговли. Узнавъ изъ отвѣта Скалкина, что таковое разрѣшеніе было дано полк. Короткимъ, ген. Рейнботъ сказалъ, что теперь Короткаго нѣтъ, и онъ, Скалкинъ, можетъ торговать только до 4 час. Будучи раздосадованъ, что полученное отъ Короткаго разрѣшеніе оказалось недействительнымъ, Скалкинъ, по его объясненію, тутъ же разорвалъ свое прошеніе съ разрѣшительной надписью Короткаго. Бывшій приставъ Ползиковъ объяснилъ при слѣдствїи, что онъ обращался къ полк. Короткому за разъясненіемъ по поводу заявленія, сдѣланнаго ему Скалкинымъ о разрѣшеніи поздн. Скалкину разрѣшеніе торговать лишь временно „для пробы“, и просилъ доложить ему впоследствии о результатахъ этого разрѣшенія. Когда спустя нѣкоторое время свидѣтель вновь явился къ Короткому, послѣдній заявилъ, что надо еще подождать съ докладомъ Градоначальнику, но такъ какъ такого разрѣшенія не было получено и впоследствии, то онъ, Ползиковъ, послѣ увольненія Короткаго, доложилъ объ этомъ дѣлѣ ген. Рейнботу. Къ изложенному свидѣтель добавилъ, что, по словамъ Скалкина, разрѣшеніе отъ полк. Короткаго было добыто путемъ взноса послѣднему крупной суммы денегъ. Въ частности, что касается размѣра суммы, внесенной полк. Короткому Скалкинымъ, то допрошенный по этому поводу на предварительномъ слѣдствїи Стволовъ удостовѣрилъ, что ему извѣстно о внесении Скалкинымъ полк. Короткому лишь 500 руб. въ пользу благотворительнаго общества при градоначальствѣ и въ принятїи этой суммы на означенный предметъ онъ, Стволовъ, лично передалъ Скалкину на слѣдующій же день квитанцію казначея Градоначальника.

Осмотромъ дѣлъ канцеляріи градоначальства о разрѣшеніи разнымъ лицамъ содержанія квартиръ сви-

даній мужчинъ съ женщинами установлено, что въ концѣ ноября и началѣ декабря 1906 г. содержательницы такихъ квартиръ Гундорова, Смирнова, Кубельсь, Вюнчекъ (она же Федоровичъ), Маторина, Ковальская, Артамонова, Штейнмецъ, Скорцова и Микулевичъ, въ виду истечения 1 января 1907 г. срока полученнаго ими ранѣ разрѣшенія на содержание своихъ заведеній, обратились къ Градоначальнику съ прошениями, ходатайствуя въ нихъ о разрѣшеніи продолжать содержание квартиръ свиданій и послѣ указаннаго срока. Всѣ эти просьбы, какъ видно изъ резолюцій на прошенияхъ, были отклонены, и просительницамъ объ этомъ было объявлено чрезъ полицейскія участки. Показаниями допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи названныхъ выше лицъ, кромѣ оставшихся недопрошенными за смертью Скорцовой и Микулевичъ, выяснилось, что въ 1906 г. они получили разрѣшеніе на содержание своихъ квартиръ свиданій безъ взноса какихъ-либо пожертвованій въ градоначальство, и только одна Ковальская, по ея объясненію, осенью была вызвана помощн. Градоначальника Короткимъ, который сказалъ ей, что она получитъ разрѣшеніе въ томъ лишь случаѣ, если дастъ денегъ. На предложеніе Ковальской уплатить 100 руб. Короткій сказалъ: „нѣтъ, это пахнетъ тысячами“, но послѣ переговоровъ согласился взять 200 руб., которые Ковальская въ тотъ же день ему вручила и получила за это разрѣшеніе содержать свою квартиру до 1 января 1907 г. Когда этотъ срокъ приближался къ концу, Ковальская снова отправилась къ полк. Короткому и за продолженіе срока даннаго ей разрѣшенія до 1 мая 1907 г. внесла ему еще 100 руб. Изъ акта осмотра дѣла канцелярн Градоначальника о закрытіи квартиръ свиданій Ковальской видно, что на прошеніи послѣдней, поданномъ Градоначальнику 23 октября 1906 г., ген. Рейнботомъ положена резолюція: „отклонить“, а затѣмъ на прошеніи отъ 4 ноября съ изложеніемъ ходатайства о разрѣшеніи ей содержать квартиру „хотя бы до января будущаго 1907 г.“ рукою полк. Короткаго написаны слѣдующія резолюція: „отмѣнить“, „сложить взмысканіе“ и „разрѣшить до 1 января“. Слухъ о томъ, что путемъ взноса денегъ полк. Короткому для благотворительнаго фонда при градоначальствѣ можно добиться разрѣшенія на содержание квартиръ свиданій и въ 1907 г., распространился между другими содержательницами такихъ же квартиръ, причемъ изъ нихъ Штейнмецъ и Гундорова, заведенія коихъ находились въ 1 уч. Сушковской части, мѣстнымъ приставомъ Шестаковымъ были даны совѣты посѣтить внесеніемъ пожертвованія Короткому. Послѣдовавъ этому совѣту, Штейнмецъ отправилась къ полк. Короткому на квартиру и тамъ, получивъ отъ послѣдняго разрѣшенія содержать квартиру свиданій до 1 мая 1907 г., вручила ему 300 руб., сказавъ, что жертвуетъ эту сумму на дѣтей „убіенныхъ городскихъ“, а Гундорова поѣхала въ градоначальство и, будучи принята полк. Короткимъ, подала ему прошеніе, въ которое вложила 200 руб. и заявила, что она представляетъ ему употребить эти деньги по усмотрѣнію. Короткій, взявъ деньги, возвратилъ Гундоровой прошеніе, а затѣмъ въ тотъ же день по телефону сообщилъ участковой полиціи распоряженіе объ открытіи ея квартиръ свиданій. По объясненію Гундоровой, умершая нынѣ содержательница такой же квартиры Микулевичъ внесла полк. Короткому, при такихъ же обстоятельствахъ, 100 руб. Проживавшія въ 1 же уч. Сушковской части владѣлицы квартиръ свиданій Смирнова и Федоровичъ въ началѣ января 1907 г., чтобы выхлопотать отсрочку закрытія заведеній, обратились къ полк. Короткому, причемъ первая изъ нихъ была принята имъ на квартирѣ, гдѣ, изложивъ свою просьбу, передала ему 250 руб. на какое-либо благотворительное учрежденіе по его усмотрѣнію, а Федоровичъ отправилась въ градоначальство и тамъ подала Короткому прошеніе, вложивъ въ него 200 руб. безъ всякихъ объясненій, на какой предметъ предназначаются эти деньги. Послѣ этого какъ Смирнова, такъ и Федоровичъ получили просимую ими отсрочку. Артамонова и Маторина, квартиры коихъ находились въ районѣ 2 уч. Арбатской части, узнавъ, что другія содержательницы квартиръ свиданій уже сдѣлали взносы Короткому, рѣшили, несмотря на по-

лученное ими ранѣ словесное общаніе послѣдняго дать имъ отсрочку, поѣхать къ нему на квартиру, положивъ въ запечатанные пакеты по 200 руб. каждая. У Короткаго онѣ застали умершую нынѣ содержательницу квартиръ свиданій Скорцову и были приняты вмѣстѣ съ нею. Отдавъ приготовленные пакеты съ деньгами и объяснивъ, что деньги эти вносятся имъ на новый пріютъ для дѣтей городскихъ, причемъ Скорцова вручила также 200 руб., онѣ стали просить Короткаго разрѣшить имъ дальнѣйшее содержание своихъ заведеній, на что Короткій отвѣтилъ, что письменнаго разрѣшенія онъ не дастъ, но что до тѣхъ поръ, пока онъ въ Москвѣ, просительницы могутъ содержать квартиры свиданій, и никакого штрафа на нихъ наложено не будетъ. Наконецъ, крест. Агата Кубельсь, содержавшая квартиру свиданій во 2 уч. Срѣтенской части, показала, что, не добившись, несмотря на подачу прошеній Градоначальнику, разрѣшенія на содержание своего заведенія, она поѣхала къ Короткому и внесла 500 руб. для благотворительнаго фонда при градоначальствѣ, причемъ Короткій, взявъ деньги, сказалъ, что внесетъ ихъ по назначенію, но на заявленіе свидѣтельницы о томъ, что ей не разрѣшаютъ содержать квартиру свиданій, никакого отвѣта не далъ. Несмотря на общаніе Короткаго прислать квитанцію на принятія деньги, она, Кубельсь, таковой не получила, а спустя нѣкоторое время узнала объ оставленіи Короткимъ должностн. пом. Градоначальника. По осмотру книги канцелярн Градоначальника на записку пожертвованій на пріютъ для нижнихъ чиновъ полиціи и школу для ихъ дѣтей оказалось, что въ этой книгѣ записаны на приходъ только слѣдующія суммы, внесенныя содержательницами квартиръ свиданій: 11 ноября 1906 г. подъ квитанцію № 6 отъ мѣщ. Ковальской 200 руб.; 3 янв. 1907 г. подъ квитанцію № 155 отъ Микулевичъ 100 руб.; 2 янв. того же года подъ квитанцію № 153 отъ обывателей 1 уч. Суцеской части (въ районѣ коего находились квартиры Федоровичъ, Штейнмецъ, Смирновой и Гундоровой)—250 руб.; 3 янв. 1907 г. подъ квитанцію № 156 отъ обывателей того же участка 200 р. и 5 янв. подъ квитанцію № 161 отъ обывателей: Арбатской части, гдѣ проживали Артамонова, Скорцова и Маторина—300 руб. Такимъ образомъ, изъ полученныхъ полк. Короткимъ отъ названныхъ лицъ въ общей сложности 2400 р. заприходованы въ денежную книгу и сланы по принадлежности только 1050 руб. Въ ноябрѣ 1906 г. помощн. Градоначальника, полк. Короткимъ, было сообщено приставу 2 уч. Арбатской части о закрытіи принадлежащихъ Ивану Васильеву меблированныхъ комнатъ подъ названіемъ „Пушкинскихъ“, а спустя нѣкоторое время тому же приставу было дано знать телеграммой объ оставленіи означеннаго распоряженія безъ исполненія. По объясненію Васильева, полк. Короткій, посѣтивъ однажды осенью его меблированныя комнаты, остался недоволенъ осмотромъ ихъ, а вечеромъ въ тотъ же день къ свидѣтелю явился мѣстный приставъ и объявилъ распоряженіе о закрытіи комнатъ съ разрѣшеніемъ жильцамъ дожить до окончания срока, за который ими уплачены деньги. Послѣ этого Васильевъ нѣсколько разъ являлся къ полк. Короткому, упрасивая послѣдняго отмѣнить означенное распоряженіе, причемъ Короткій согласился на это только подъ условіемъ внесенія Васильевымъ 200 руб. въ пользу благотворительнаго Общества. По осмотру книги канцелярн Градоначальника № 17 видно, что взносъ Васильевымъ 200 руб. на пріютъ и школу записанъ въ этой книгѣ 23 ноября 1906 г. подъ квитанціей за № 40 и № 41 на сумму 100 руб. каждая. Въ томъ же ноябрѣ чинами Московской сыскной полиціи былъ произведенъ поочью обходъ меблированныхъ комнатъ по Домниковской; ул., въ 1 уч. Мѣшанской части, и по доведеніи Начальникомъ сыскной полиціи Мойсенко до свѣдѣнія пом. Градоначальника Короткаго, что въ этихъ комнатахъ оказались непрописанные жильцы, послѣдній приказалъ вызвать въ градоначальство хозяевъ комнатъ Соболева, Тихонову, Стручкову и Русанову. Какъ видно изъ показаній названныхъ лицъ, всѣ они явились одновременно, причемъ изъ нихъ Соболевъ и Тихонова были приглашены въ кабинетъ Короткаго. Здѣсь послѣдній накричалъ на нихъ за допущенные безпорядки, а затѣмъ велѣлъ имъ подождать въ пріемной.

Послѣ долгаго времени всѣмъ имъ было объявлено какимъ-то чиновникомъ, что они оштрафованы въ пользу пріюта для нижнихъ чиновъ Московской полиціи и должны внести, соотвѣственно числу содержимыхъ ими комнатъ, по 5 руб. съ каждой комнаты, и что, если они не уплатятъ требуемаго штрафа, то ихъ оштрафуютъ въ „административномъ порядкѣ“, и они заплатятъ больше. Лицомъ, объявившимъ такое распоряженіе, оказался начальникъ сыскной полиціи Мойсеенко, который удостоившись при допросѣ, что объявилъ названнымъ лицамъ объ оштрафованіи ихъ по порученію полк. Короткаго и указавъ, что деньги должны быть внесены ими въ казначейство градоначальства. Изъ акта осмотра канцелярской книги канцеляріи № 17 видно, что въ ней записаны поступившія отъ Тихоновой, Стручковой, Русанова и жены Соболева за № 8, № 9, № 10 и № 11 пожертвованія: первую—100 руб., вторую—50 руб., третьимъ—90 руб. и послѣдней—60 руб.

Допросомъ на слѣдствіи владѣльца магазина на Петровкѣ и мастерской фотографическихъ принадлежностей Ивана Алексѣева установлено, что въ январѣ 1907 г. пріѣхавшій въ его заведеніе неожиданно пом. Градоначальника Короткій сталъ кричать, что въ этомъ заведеніи допущены безпорядки, и что хозяинъ такового не имѣетъ надлежащаго разрѣшенія отъ полиціи. Спустя нѣкоторое время Алексѣевъ былъ вызванъ въ градоначальство, гдѣ Короткій принялъ его въ своемъ кабинетѣ и на заявленіе свидѣтеля, что онъ не знаетъ о необходимости полученія особаго отъ полиціи разрѣшенія на содержаніе заведенія, отвѣтилъ, что это уладится: „а вы“, добавилъ онъ, „пожертвуйте что-нибудь на нужды полиціи“. Хотя Короткій обѣщавъ прислать за пожертвованіемъ къ свидѣтелю на домъ, но Алексѣевъ, не ожидая посланнаго, самъ отправился вторично въ градоначальство, гдѣ полк. Короткій, узнавъ о дѣлѣ его пріобрѣтѣя, распорядился вызвать казначея, которому Алексѣевъ передалъ 25 руб. Деньги эти значатся записанными на приходъ въ книгѣ № 17 подъ ст. 182 31 янв. 1907 г. Изъ дѣла также усматривается, что мастерская Алексѣева была подвергнута 13 марта того же г. осмотру черезъ особую комиссію, которая никакихъ препятствій къ разрѣшенію владѣльцу этого заведенія производства въ ней работъ не встрѣтила. Такъ получались денежные взносы на благотворительныя дѣла и притомъ съ лицъ, которыя по своей дѣятельности и занятіямъ находились въ зависимости отъ Московскаго Градоначальника и подчиненныхъ ему чиновъ.

Таковыми же приемами воздѣйствія и принужденія были привлечены къ пожертвованіямъ клубы г. Москвы. Слѣдствіемъ выяснено, что процвѣтаніе многихъ московскихъ клубовъ, въ которыхъ главною доходною статью служила азартная карточная игра, зависѣло почти исключительно отъ отношенія администраціи къ означенной игрѣ. Въ виду доходившихъ иногда до колоссальныхъ размѣровъ прибылей отъ игры, не только административная репрессія, но и каждый слухъ о ней побуждалъ лицъ, завѣдывавшихъ дѣлами клубовъ, измышлять способы и средства для обезпеченія послѣдними болѣе или менѣе прочнаго существованія. Однимъ изъ такихъ способовъ, благодаря не только легкой доступности, но и явно выраженному стремленію нѣкоторыхъ высшихъ чиновъ градоначальства къ полученію разнаго рода благотворительныхъ отчисленій, служили взносы этимъ чинамъ крупныхъ пожертвованій на дѣла благотворенія. Къ такого рода матеріальнымъ жертвамъ и вынуждены были прибѣгать правленія клубовъ для того, чтобы заручиться снисходительнымъ отношеніемъ къ нимъ администраціи и избѣжать преслѣдованія, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ слѣдствія: Въ первыхъ числахъ мая 1907 г., по постановленію Московскаго Городскаго по дѣламъ объ обществахъ Присутствія, былъ закрытъ помѣщавшійся въ домѣ Левиссона на Большой Дмитровкѣ клубъ подъ названіемъ: „общество любителей шахматной игры“. Вскорѣ послѣ этого въ помѣщеніи означеннаго клуба открылся новый клубъ „спортивный“, владѣльцами коего фактически были Алексѣй Оленинъ и Николай Макаренко, состоявшие ранѣе учредителями закрытаго шахматнаго клуба. Оба названныя собранія, какъ и большинство вновь открывшихся московскихъ

клубовъ, носили предпринимательскій характеръ, причемъ всѣ доходныя статьи ихъ принадлежали арендаторамъ, которые фактически являлись полными хозяевами, а старшины клуба получали жалованіе. Изъ акта осмотра канцеляріи Градоначальника видно, что вслѣдствіе резолюціи ген. Рейнбота объ отобраніи отъ старшинъ спортивнаго клуба подписки о недопущеніи въ новомъ помѣщеніи клуба какихъ бы то ни было азартныхъ игръ, телеграммою отъ 26 мая 1907 г., подписанной за управляющаго канцеляріей Волошиновымъ, было поручено участковому приставу объявить о семъ названнымъ старшинамъ, что и было исполнено. Послѣ этого приставомъ Эрномъ былъ составленъ 17 іюля протоколъ о допущеніи въ спортивнымъ клубѣ игры въ козырный рамсъ. На этомъ протоколѣ рукою ген. Рейнбота сдѣлана слѣдующая надпись: „безусловн. азартн. прост. жел. дор.“, а затѣмъ 23 іюля тому же приставу было предписано отобрать отъ старшинъ клуба подписку, проектъ коей, утвержденный ген. Рейнботомъ, былъ препровожденъ приставу. Этой подпискою старшины обязывались не допускать въ клубѣ всѣхъ игръ, кои будутъ признаны Градоначальникомъ азартными, а также игры подъ названіемъ „kozyрный рамсъ“ причемъ, въ случаѣ допущенія означенныхъ игръ, старшины по поводу закрытія клуба принимаютъ на себя обязательство никакихъ претензій и жалобъ не предъявлять. Увѣдомивъ Градоначальника, что игра въ козырный рамсъ въ клубѣ прекращена, совѣтъ старшинъ, тѣмъ не менѣе, уклонился отъ выдачи требуемой подписки, ссылаясь на необходимость предварительно доложить объ этомъ собранію членовъ клуба. На перепискѣ по этому предмету, поступившей въ канцелярію Градоначальника при рапортѣ пристава отъ 31 іюля 1907 г., рукою ген. Рейнбота написано: „до общаго собр. карточн. игру закрыть. Приставу слѣдѣтъ“, причемъ эта резолюція подчеркнута и рядомъ пом. Градоначальника Петровымъ написана другая: „8—VIII приказано: временно какимъ-либо распоряженіемъ приостановиться“. Изъ показаній на слѣдствіи свидѣтелей: кн. Урусова, Николая Макаренко, Алексѣя Оленина, Бони и др.—выяснилось слѣдующее: хотя еще до открытія спортивнаго клуба въ новомъ помѣщеніи ген. Рейнботъ высказалъ Оленину, что клубъ этотъ будетъ закрытъ при первой же раскупоренной для азартной игры колодѣ картъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ съ перваго же дня начались игры въ „баккара“ и „желѣзную дорогу“, перенесенныя въ „эспаньоль“ и „kozyрный рамсъ“, причемъ администрація клуба ежемѣсячно отчисляла довольно значительную сумму денегъ для выдачи разнымъ чинамъ градоначальства и полиціи. Послѣ нѣсколькихъ такихъ выдачъ было рѣшено, что не представляется болѣе надобности скрывать названія игръ, и таковыя производились открыто. Вскорѣ, какъ удостоившись при слѣдствіи пристава Эрнъ, имъ было получено отъ пом. Градоначальника Климовича приказаніе составить протоколъ о происходившей въ спортивномъ клубѣ азартной игрѣ, причемъ Климовичъ передалъ ему, что „генералъ“ очень интересуется, чтобы протоколъ былъ составленъ. Распоряженіе это было исполнено приставомъ Эрномъ въ тотъ же день, и составленный протоколъ представленъ имъ въ градоначальство, а затѣмъ, послѣ того, какъ старшины клуба отказались отъ выдачи подписки, о которой упомянуто выше, названному приставу было поручено о приглашеніи въ градоначальство кого-либо изъ старшинъ клуба для личныхъ объясненій. По объясненію свидѣтеля Бони, такое распоряженіе Градоначальника было понято правленіемъ клуба, какъ вызовъ на денежное пожертвованіе при невнесеніи коего клубъ будетъ немедленно закрытъ. Поэтому, въ составѣ старшинъ было рѣшено послать въ градоначальство уполномоченныхъ отъ клуба кандидата правъ Унтилова, который и былъ затѣмъ принятъ ген. Рейнботомъ. Послѣдній, показавъ Унтилову уже заготовленную телеграмму на имя участкаго пристава съ изложеннымъ въ ней приказаніемъ немедленно прекратить въ спортивномъ клубѣ всѣ карточныя игры, выразилъ при этомъ свое недовольство порядками клуба, въ которомъ старшины состоятъ на жалованьи, а доходы составляютъ наживу лицъ, находящихся во главѣ этого учрежденія. Когда же Унтиловъ заявилъ, что спортивный

клубъ будетъ дѣлать въ градоначальство ежемѣсячные взносы на какое-либо благотворительное учрежденіе, по усмотрѣнію Градоначальника, ген. Рейнботъ сказалъ: „не скрою отъ васъ, мнѣ и другіе клубы вносятъ на благотворительность; я согласенъ принять и отъ васъ, только гласно“. Спросивъ затѣмъ, какую сумму думаетъ жертвовать клубъ, и узнавъ изъ отвѣта, что пожертвованіе будетъ вноситься ежемѣсячно въ суммѣ 100 руб., Рейнботъ сказалъ Утилову: „хорошо, такъ мы условимся такъ: вы будете вносить на благотворительное общество при градоначальствѣ по тысячѣ руб. въ мѣсяцъ, а я общаю вамъ не принимаю никакихъ репрессивныхъ мѣръ въ отношеніи спортивнаго клуба, пока будутъ существовать другіе антрепренерскіе клубы, если только въ немъ не произойдетъ какого-либо особаго скандала“. До окончания этого разговора Утиловъ, опасаясь, чтобы Рейнботъ не подписалъ по забывчивости заготовленной телеграммы, взялъ такую-то со стола и положилъ въ карманъ, а затѣмъ на слѣдующій день имъ былъ сдѣланъ казначею градоначальства первый взносъ на благотворительное общество въ суммѣ 1000 руб. Послѣ этого со стороны Градоначальника не предпринималось болѣе никакихъ стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи спортивнаго клуба, несмотря даже на то, что для игры въ „баккара“ клубомъ были приглашены крупье-французы, и прежнія азартныя игры производились въ немъ совершенно безпрепятственно до самаго закрытія клуба, имѣвшаго мѣсто уже послѣ оставленія ген. Рейнботомъ должнсти Градоначальника. Указанную въ объясненіи Утилова телеграмму на бланкѣ градоначальства послѣдній предъявилъ старшинамъ клуба въ совѣтъ, гдѣ ее читали Урусовъ, Бони, Макареско и Оленинъ, подтвердившіе это обстоятельство при допросахъ на слѣдствіи. Изъ осмотра же приходо-расходныхъ книгъ канцеляріи Градоначальника и книги благотворительнаго общества при Московскомъ градоначальствѣ и столичной полиціи за 1907 г. видно, что первый взносъ отъ администраціи спортивнаго клуба—1000 руб.—записанъ первоначально въ книгѣ № 13 на записку денегъ, поступающихъ въ личное распоряженіе Градоначальника, 9 авг. 1907 г. въ ст. 15, а затѣмъ и въ книгѣ благотворительнаго общества 11 авг. въ ст. 60, и что въ такомъ же размѣрѣ значатся записанными на приходѣ по этой послѣдней книгѣ и дальнѣйшіе взносы того же клуба 4 сент., 3 окт. и 3 ноября 1907 г. въ ст. 67, 74 и 90. Независимо отъ изложеннаго, изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей—кн. Урусова, Оленина, Бони и др. усматривается, что вскорѣ послѣ открытія существовавшаго ранѣе въ домѣ Левиссона на Большой Дмитровкѣ „Общества любителей шахматной игры“ администрація этого собранія составила переданное затѣмъ письменное обязательство вносить ежегодно пожертвованіе въ пользу благотворительнаго общества въ суммѣ 2000 руб. Хотя со времени вступленія Николая Макареско въ клубъ въ послѣднемъ получили сильное развитіе карточные игры; и доходы его увеличились, но все же клубъ оказался не въ состояніи выполнить въ срокъ принятаго на себя обязательства, что и вынудило Оленина обратиться къ полк. Короткому съ просьбой объ отсрочкѣ взноса денегъ. На это Короткій сообщилъ Оленину отъ имени ген. Рейнбота, что послѣдній просилъ его не стѣсняться выданнымъ обязательствомъ, но, несмотря на это, и въ послѣдующее время клубомъ не было сдѣлано обѣщанныхъ взносов въ градоначальство. вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны ген. Рейнбота обнаружилось недовольство порядками клуба, которое онъ высказывалъ неоднократно кн. Урусову, вызывая послѣдняго къ себѣ для объясненій, и въ заключеніе объявляя, что онъ прекратитъ игру въ шахматномъ клубѣ. вскорѣ послѣ этого, по поводу поступившаго въ градоначальство заявленія артистки Штокенъ объ игрѣ въ „баккара“ въ означенномъ клубѣ и о предъявленномъ ей тамъ требованіи выдать одно изъ своихъ колецъ въ залогъ уплаты проигранныхъ денегъ, ген. Рейнботомъ было сдѣлано распоряженіе объ отбораніи отъ старшинъ клуба подписки о немедленномъ прекращеніи всякой азартной игры, подъ угрозой закрытія клуба, въ случаѣ обнаруженія таковой. Хотя, по удостовѣренію свидѣтеля Оленина, подлинность письма Штокенъ не была

установлена надлежащимъ образомъ, и въ другихъ клубахъ допускались безпрепятственно всѣ тѣ игры, которыя производились въ обществѣ любителей шахматной игры, въ чемъ старшины убѣдились, обѣхавъ всѣ клубы, тѣмъ не менѣе 22 апрѣля, въ первый день Св. Пасхи, администрація шахматнаго клуба было предъявлено требованіе о выдачѣ вышеозначенной подписки, а вскорѣ затѣмъ и самый клубъ былъ закрытъ. 28 окт. 1906 г. въ соединенномъ засѣданіи правленія и ревизіоннаго комитета Московскаго нѣмецкаго клуба председатель означеннаго правленія Биттъ доложилъ собранію, что, при посѣщеніи имъ Градоначальника, послѣдній обратился къ нему съ просьбой придти на помощь центральному полицейскому приѣмному покою г. Москвы для душевно-больныхъ отчисленіемъ какихъ-либо суммъ изъ доходовъ клуба. Изъявивъ на это согласіе, собраніе постановило отчислять ежемѣсячно въ пользу означеннаго покоя 10% съ прибыли, получаемой отъ картъ, и столько же отъ дохода по игрѣ въ лотто и отъ входной платы, взимаемой съ гостей клуба. Въ декабрѣ того же года общее собраніе членовъ клуба опредѣлило, взаменъ упомянутыхъ отчисленій, набавить по 25 коп. съ колоды картъ по игрѣ въ „железную дорогу“ и по 50 коп. съ игры въ „баккара“ и собранныя такимъ путемъ суммы препроводить Градоначальнику. По осмотру книги и счетовъ нѣмецкаго клуба за 1906 и 1907 г. оказалось, что въ этой книгѣ записаны слѣд. пожертвованія клуба на благотворительныя учрежденія при Московскомъ Градоначальникѣ: 1) 31 окт. 1906 г. въ пользу центральнаго полицейскаго приѣмнаго покоя для душевно-больныхъ—1167 руб. 62 коп.; 2) 30 ноября въ пользу того же покоя—1458 руб. 50 коп.; 3) 30 дек. на дѣла благотворенія по усмотрѣнію Градоначальника—1228 руб. 88 коп.; 4) 1 февр. 1907 г. на тотъ же предметъ—1149 руб.; 5) 5 марта на тотъ же предметъ—1610 руб. и 26 марта—1525 руб. Затѣмъ всѣ послѣдующіе взносы записаны такъ же, какъ пожертвованія Градоначальнику, на дѣла благотворенія по его усмотрѣнію, причемъ въ общей сложности съ 31 окт. 1906 г. до 30 сент. 1907 г. клубомъ внесено пожертвованій на сумму 13239 руб. 50 коп. Въ полученіи денегъ ген. Рейнботомъ, какъ видно изъ акта осмотра, были выданы написанныя имъ собственноручно 11 росписокъ, изъ коихъ только въ одной отъ 1 декабря 1906 г. означено, что деньги приняты въ пользу центральнаго приѣмнаго покоя; въ прочихъ же роспискахъ частью совсѣмъ не указано, на какой предметъ получены деньги, частью же упомянуто, что таковыя приняты на дѣла благотворенія. Изъ показаній на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей Александра Битта и Валеріана Нѣмцова выяснилось, что въ 1906 г., когда вслѣдствіе развившейся въ клубѣ карточной игры въ „железную дорогу“ и въ „баккара“, доходы клуба увеличились, старшинами, по личной инициативѣ Битта, было постановлено дѣлать отчисленія части этихъ доходовъ въ пользу приѣмнаго покоя, но, еще до составленія по этому поводу формальнаго постановленія, Биттъ, отправившись въ градоначальство, сдѣлалъ ген. Рейнботу первый взносъ, присоединивъ къ нему особую записку, въ которой было указано, для какой цѣли предназначено сдѣланное пожертвованіе. Въ показаніи же, данному названнымъ Биттомъ судебному слѣдователю Коренкову, свидѣтель этотъ говоритъ, что до постановленія соединеннаго засѣданія правленія клуба и ревизіоннаго комитета, онъ былъ вызванъ по поводу одного клубнаго инцидента къ помощнику Градоначальника Короткому и послѣдній, между прочимъ, ему сказалъ, что онъ „непосредственный помощникъ Градоначальника и докладываетъ ему обо всѣхъ инцидентахъ (я понималъ, что Короткій свою рѣчь относилъ только къ клубамъ)“, что поэтому „для администраціи клуба важно, въ какомъ свѣтѣ о случаяхъ... въ клубѣ онъ будетъ докладывать Градоначальнику и поэтому о всѣхъ инцидентахъ сами доводили бы непосредственно до свѣдѣнія его, Короткаго“, и „кажется, какъ далѣе показалъ Биттъ, визитъ мой Короткому послужилъ мнѣ поводомъ сдѣлать предложеніе Совѣту“. Какъ первый, такъ и послѣдующіе взносы передавались ген. Рейнботу лично Биттомъ, который, хотя и обратилъ вниманіе, что въ выдаваемыхъ Рейнботомъ роспискахъ обозначалось, что деньги по-

лучены имъ на дѣла благотворенія по его усмотрѣнiю, а не на ту цѣль, для которой, согласно постановленiю клуба, было сдѣлано пожертвованiе, но не нашелъ удобнымъ замѣтить объ этомъ ген. Рейнботу, который, съ своей стороны по поводу назначенiя пожертвованныхъ суммъ никакого разговора не возбуждалъ. Когда впоследствии Битту случалось запаздывать на нѣсколько дней прибытiемъ въ градоначальство для взноса денегъ, то ему дѣлалось напоминанiе, причемъ однажды просьба о доставленii денегъ была передана ему изъ градоначальства чрезъ дежурнаго старшину Нѣмцова, а въ другой разъ онъ получилъ непосредственно отъ секретаря Градоначальника Яковлева напоминанiе въ слѣдующихъ выраженiяхъ: „Генералъ велѣлъ напомнить, что вы у него давно не были; онъ живетъ тамъ же на Тверскомъ бульварѣ“. Порученiе сдѣлать такое сообщенiе Битту, какъ удостовѣрилъ на слѣдствii пом. Градоначальника Петровъ, было дано въ его личномъ присутствii Яковлеву самимъ ген. Рейнботомъ. Въ мартѣ 1907 г., когда пом. пристава Симонькова уч. Федоровъ, какъ это было указано выше, пропавшiй въ нѣмецкомъ клубѣ казенныя деньги—1600 руб., администрацiя этого клуба рѣшила, во избѣжанiе могущихъ возникнуть по этому поводу неблагоприятныхъ тонокъ, пополнить растраченную названнымъ приставомъ сумму изъ средствъ клуба, о чемъ Биттъ, при свиданii съ Рейнботомъ, заявилъ послѣдному. Отвергнувъ данное предложенiе, Рейнботъ сказалъ, что растрату онъ уже пополнилъ изъ своихъ денегъ. Несмотря на отказъ Рейнбота, Биттъ къ послѣдующимъ очереднымъ взносамъ клуба на центральный прiемный покой въ мартѣ и апрѣлѣ присоединилъ по 800 руб., но о назначенii такого излишка денегъ ничего не упомянулъ при передачѣ таковыхъ ген. Рейнботу, избѣгая вновь вступать съ послѣднимъ въ объясненiя по поводу возмѣщенiя клубомъ проигранныхъ Федоровымъ денегъ. Изъ акта осмотра росписокъ ген. Рейнбота, выданныхъ имъ Битту, оказывается, что имъ было прiято отъ нѣмецкаго клуба 6 марта 1907 г.—1610 руб. и 4 апрѣля—1628 руб. 50 коп., каковыя суммы превышали наибольший по разбѣрамъ взносъ, сдѣланный тѣмъ же клубомъ. 1-го декабря 1906 г., почти на 200 руб., причемъ по поводу такого увеличенiя взносъ ген. Рейнботомъ никакихъ замѣчанiй и вопросовъ Битту сдѣлано не было. Внесенныя правленiемъ Московскаго нѣмецкаго клуба въ 1906 и 1907 г. денежныя пожертвованiя, какъ оказалось по осмотру книги канцелярiи Градоначальника № 13 на записку суммъ, поступающихъ въ личное распоряженiе Градоначальника, нигдѣ въ этихъ книгахъ записанными на приходъ не значатся, равно какъ не числятся они въ поступленii и по отчетности центрального прiемнаго покоя. Кромѣ перечисленныхъ выше денежныхъ взносовъ отъ спортивнаго и нѣмецкаго клубовъ, бывшимъ Градоначальникомъ Рейнботомъ были получены пожертвованiя отъ Московскихъ литературно-художественнаго кружка и купеческаго собранiя при нижеслѣдующихъ обстоятельствеахъ: По книгѣ канцелярiи Московскаго Градоначальника № 11 на записъ денегъ по содержанiю въ г. Москвѣ центрального прiемнаго покоя для душевно-больныхъ, отъ литературно-художественнаго кружка значатся поступившими въ 1907 г. пожертвованiя, записанныя въ этой книгѣ 15 мая въ ст. 12 и 24 сентября въ ст. 23, въ суммѣ 1500 руб. по каждой статьѣ. По поводу этихъ взносовъ ген. Рейнботъ при опросѣ на Сенаторской ревизii объяснилъ, что таковыя были сдѣланы кружкомъ въ возмѣщенiе штрафа, наложеннаго имъ, Градоначальникомъ, за допущенiе къ игрѣ въ карты въ означенномъ кружкѣ душевно-больного директора Банка Малевинскаго. Изъ акта осмотра на слѣдствii дѣла канцелярiи Градоначальника о литературно-художественномъ кружкѣ видно, что въ этомъ дѣлѣ находится сообщенiе Градоначальнику предсѣдателя дирекцiи кружка отъ 3 февраля 1907 г., въ которомъ упоминается о происшедшемъ въ кружкѣ за карточной игрой какомъ-то инцидентѣ, но о сущности послѣдняго и о вызванныхъ имъ съ стороны Градоначальника распоряженiяхъ въ дѣлѣ никакихъ указанiй не содержится. Допрошенный на слѣдствii по поводу изложеннаго предсѣдатель дирекцiи кружка князь Сумбатовъ объяснилъ, что со времени открытiя кружка въ немъ, какъ и въ другихъ клубахъ, происхо-

дила азартная игра, которая, въ бытность ген. Рейнбота Московскимъ Градоначальникомъ, достигала приблизительно тѣхъ же размѣровъ, какъ и при его предшественникѣ, причемъ самый кружокъ не подвергался никакимъ особымъ стѣсненiямъ. Въ 1907 г., когда одинъ изъ посѣтителей клуба Малевинскiй проигралъ въ карты около 12000 руб., родственники его обратились къ ген. Рейнботу съ жалобой, въ которой заявили, что Малевинскiй страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей. По поводу этой жалобы Градоначальникомъ было сдѣлано распоряженiе о недопущенii Малевинскаго къ игрѣ и о непринятii отъ него проигранныхъ денегъ. Такъ какъ, по произведенному дирекцiей разслѣдованiю, выяснилось, что за нѣсколько дней до проигрыша Малевинскiй выигралъ съ тѣхъ же лицъ, которымъ впоследствии проигралъ, почти такую же сумму денегъ, получивъ съ нихъ такую сумму, то свидѣтель довелъ объ этихъ обстоятельствахъ до свѣдѣнii ген. Рейнбота, который, по провѣркѣ заявленiя, разрѣшилъ кружку выдать оставленнымъ Малевинскимъ въ кассѣ кружка деньги по назначенiю лицамъ, выигравшимъ ихъ. По удостовѣренiю кн. Сумбатова, описанный случай не повлекъ для кружка никакихъ неблагоприятныхъ послѣдствii, и сдѣланное кружкомъ пожертвованiе въ пользу центрального прiемнаго покоя не имѣло никакого отношенiя къ инциденту съ Малевинскимъ, а состоялось во исполненiе постановленiя общаго собранiя, ежегодно отчислявшаго пожертвованiя при утвержденii сметы. Хотя по осмотру отчетовъ прiемнаго покоя за время съ 1899—1905 г.г. въ таковыхъ не содержится указанiй на поступленiе въ этотъ періодъ времени пожертвованiй отъ литературно-художественнаго кружка, но изъ приходо-расходной книги того же покоя за 1906 г. видно, что въ этомъ году означеннымъ кружкомъ былъ сдѣланъ въ градоначальство взносъ въ пользу центрального покоя въ суммѣ 3000 руб., каковыя деньги записаны на приходъ въ книгѣ 6 окт. 1906 г. въ ст. 23. 20 окт. 1906 г. бывшiй Градоначальникъ Рейнботъ обратился къ предсѣдателю совѣта старшинъ Московскаго купеческаго собранiя Кобрану съ письмомъ, въ которомъ, упоминая, что въ его вѣдѣнii находятся 3 благотворительныя учрежденiя, а именно: станцiя и кареты скорой помощи, центральный прiемный покой для душевно-больныхъ и прiютъ для брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей, онъ просилъ содѣйствiя названнаго предсѣдателя къ щедрой поддержкѣ со стороны совѣта клуба, по примѣру прежнихъ лѣтъ, вышеозначенныхъ благотворительныхъ учрежденiй. По докладѣ этого письма общему собранiю членовъ купеческаго собранiя, въ засѣданii 25 ноября 1906 г. было опредѣлено на нужды упомянутыхъ въ письмѣ Градоначальника учрежденiй пожертвовать въ его распоряженiе 4000 р., что и было затѣмъ исполнено. По полученiи этихъ денегъ ген. Рейнботъ письмомъ отъ 18 янв. 1907 г. на имя Кобрана выразилъ благодарность совѣту старшинъ и членамъ клуба за пожертвованiе означенной суммы „на благотворительность“. Между тѣмъ, эти деньги, какъ оказалось впоследствии, ни въ одно изъ перечисленныхъ въ письмѣ ген. Рейнбота отъ 20 окт. 1906 г. учрежденiй обращены не были и значатся записанными на приходъ по книгѣ № 17 въ ст. 96 отъ 9 дек. 1906 г., какъ пожертвованiе на прiютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ нижнихъ чиновъ полицii и школы для ихъ дѣтей. Допрошенный на слѣдствii въ качествѣ свидѣтеля Кобранъ показалъ, что въ ноябрѣ 1906 г. въ совѣтъ старшинъ купеческаго собранiя, кромѣ письма ген. Рейнбота, поступило отношенiе предсѣдательницы дамскаго благотворительнаго общества, въ вѣдѣнii коего находились станцiя каретъ скорой медицинской помощи, центральный покой и прiютъ для брошенныхъ дѣтей, съ просьбой назначить пожертвованiе въ пользу этихъ учрежденiй. Послѣ состоявшагося постановленiя общаго собранiя объ отчисленii 4000 руб. свидѣтель лично представлялъ эти деньги ген. Рейнботу, вмѣстѣ съ отношенiемъ совѣта старшинъ, въ которомъ было указано, на какия цѣли предназначено сдѣланное пожертвованiе, причемъ Рейнботъ въ его, свидѣтеля, присутствii передалъ деньги пом. Градоначальника Короткому, сказавъ ему: „примите, запишите и выдайте установленную квитанцiю“. Къ этому Кобранъ добавилъ, что онъ не помнитъ, передалъ ли Рейнботъ полк. Короткому вмѣстѣ съ деньгами и от-

64226 ч. 17

ношение совета старшин, и что в полученной из градоначальства квитанции было сдано лишь общее указание о получении от клуба денег на благотворительность без подробного обозначения, для каких именно учреждений принято пожертвование. В ночь на 20 окт. 1906 г. пристав 2 уч. Арбатской части Иванов, явившись в помещение Московского музыкального собрания на Малой Дмитровке, предъявил старшинам полученную им телеграмму пом. Градоначальника Короткого о прекращении происходившей в собрании карточной игры в „железную дорогу“ и игры в лотто. Из объяснений допрошенных на следствии старшин собрания Данцигера, Остафьева и Евгения Бауэра, а также завывавшего хозяйственной частью Александра Шторк, видно, что, по совету пристава Иванова, администрацией клуба было ршено обратиться за разъяснением происшедшего к полк. Короткому, и с этой целью к последнему был послан Шторк. При объяснениях с ним Короткий сначала отказался предпринять что-либо в пользу музыкального собрания, сдлав намеки на необходимость внесения этим собранием пожертвования в пользу благотворительного общества при градоначальстве. Шторк обещал переговорить об этом со старшинами и просил Короткого посетить лично собрание, чтобы ознакомиться с характером этого учреждения и с постановкою в нем дела. Спустя некоторое время Короткий приехал в собрание и, оставшись доволен музыкальным отделением, обещал оказать клубу свою поддержку. Вскоре послѣ этого посещения казначей собрания Остафьев поехал к Короткому и просил его разрешить карточную игру, сказав при этом, что собрание будет ежемесячно вносить по 500 руб. в пользу благотворительного общества при градоначальстве. Короткий изъявил согласие и дал словесное разрешение на открытие игры, которая и возобновилась послѣ этого в клубѣ с 5 ноября. Обязанность вносить деньги полк. Короткому была возложена собранием на Остафьева, который в первый раз отвез ему на квартиру 300 руб., но Короткий просил на будущее время привозить ему деньги в градоначальство и притом в двух пакетах по 300 и 200 руб., что Остафьевым и было потом исполнено. Спустя довольно продолжительное время собранием была получена квитанция в принятии первого взноса; на последующия же пожертвования никаких квитанций прислано не было. Когда в собрании возобновилась игра, явившийся туда пом. пристава Ощевский-Круглик составил, было, протокол, но полк. Короткий, до свидания коего об этом было доведено старшинами клуба, сказал, что, если он разрешит игру, то местная полиция запретить такую не может, и, сдлав выговор названному пом. пристава за безтактность, выразившуюся в предъявлении им, при составлении протокола, депеши градоначальства о воспрещении игры, сказал, что протокол этот никому не нужен и должен быть уничтожен. Из акта осмотра денежных книг Московского музыкального собрания, в которых вносятся деньги полк. Короткому обозначались отбѣтками „0-во Кор.“, „расходы О-ва Кор.“ и „Администрация“, видно, что с такими отбѣтками в этих книгах записаны взносы: 26 ноября 1906 г.—300 руб.; 4 дек. того же года—200 руб. и 4 янв. 1907 г.—500 руб. Из этих денег в казначейской книг канцелярии Градоначальника № 17 оказались записанными на приход: 27 ноября 1906 г. под квитанцию № 52 от Остафьева—300 руб.; 4 дек. 1906 г. под квитанцию № 86 от Московского музыкального собрания—200 руб. и 5 янв. 1907 г. под квитанцию № 164 от того же собрания—300 руб. Остальные же 200 руб. записанными не значатся. Послѣ января 1907 г. музыкальное собрание, вследствие разстройства денежных дел, прекратило ежемесячные взносы в градоначальство, и только в последних числах мая, когда полк. Короткий уже не состоял в должности пом. Градоначальника, им было сдано еще раз пожертвование в суммѣ 300 руб., записанное в приходной книг благотворительного общества при Московском градоначальстве 30 мая 1907 г. в ст. 31. По объяснению Остафьева, этот взнос был вызван распространившимся слу-

хами о намѣреніи администраціи закрыть собрание. В это время последнее переехало в новое помещение рядом с рестораном „Яръ“. 11 июня 1907 г. полицеймейстером Юрьевым был составлен протокол по поводу обнаружения в собрании двух посѣтителей, проникших туда без записи их членами клуба, каковое обстоятельство, в связи с доношением Юрьева, что музыкальное собрание представляет собою ресторан, производящій торговлю до 6 час. утра, послужило основанием для временнаго закрытия Градоначальником этого собрания, которое затѣм было окончательно закрыто, по постановлению Особого Городского по делам об обществах Присутствия 27 июня 1907 года. Во второй половине ноября 1906 года совет старшин Московского преображенско-семеновского собрания, в виду дошедших до него слухов, что все клубы вносят в градоначальство пожертвования на пріют для нижних чиновъ полиціи и школу, постановил дѣлать из своих доходов на указанную цѣль ежемѣсячные взносы, причемъ обязанность отвозить и сдавать деньги в градоначальство принял на себя предсѣдатель совета клуба Иванъ Макаренко. По объяснению послѣдняго на следствии, первоначальный взнос в размѣрѣ 300 руб. был сдлан им в томъ же ноябрѣ полк. Короткому, который, принявъ отъ него пакетъ с деньгами, спросил: „кому это?“. Узнавъ изъ отбѣта свидѣтеля, что деньги предназначены Градоначальнику для употребленія на благотворительную цѣль, Короткий доложил об этом ген. Рейнботу, который, выйдя из своего кабинета, поблагодарил свидѣтеля и приказал выдать квитанцію, сказавъ Короткому: „Смотрите, чтобы эти деньги не повлекли за собою распущенности в клубѣ“. Послѣ этого онъ, Макаренко, продолжалъ ежемѣсячно вносить деньги полк. Короткому, причемъ администраціей клуба, в виду приведеннаго выше вопроса Короткаго, „кому сдлать деньги“, было ршено, кроме положенныхъ разѣ 300 руб., жертвовать еще каждый мѣсяцъ по 200 руб. в распоряженіе полк. Короткаго. Поэтому, дѣлая послѣдующіе очередные взносы, онъ, свидѣтель, передавалъ Короткому деньги в 2 пакетахъ, объяснивъ, что в одномъ изъ нихъ находятся деньги, предназначенныя на благотворительность ген. Рейбота, а в другомъ на ту же цѣль для него, Короткаго. Такъ, по объяснению Макаренко, продолжалось до марта 1907 г., причемъ онъ не помнитъ лишь, был ли имъ сдланъ взносъ Короткому в этомъ послѣднемъ мѣсяцѣ. Получая деньги, Короткий иногда жаловался свидѣтелю, что жалованье у него нищенское, а расходовъ много. Денежныя суммы, которыя Макаренко бралъ изъ кассы клуба для упомянутыхъ взносов, какъ выяснилось изъ показанія Якова Овчинникова, высывались по кассовымъ книгамъ подъ рубрикой расходовъ: „на дѣла клуба“, но самыя книги, в которыхъ сдланы эти записи, не могли быть найдены при следствии, несмотря на всѣ принятыя мѣры. По удостовѣренію пристава Семенова, преображенско-семеновское собрание посѣщалось публикою самаго низшаго разбора, которая иногда съѣзжалась туда уже послѣ закрытія другихъ клубовъ. Однако, несмотря на происходившую в этомъ собраніи азартную игру, Макаренко высказывалъ свидѣтелямъ Утилову и Чарыхову, что онъ спокоенъ до тѣхъ поръ, пока в Москвѣ помощникъ Градоначальника Короткий, и что запрещенное другимъ клубамъ будетъ дозволено преображенско-семеновскому собранію. По осмотру казначейской книг канцелярии Градоначальника № 17, оказалось, что изъ внесенныхъ Ивановъ Макаренко съ ноября 1906 г. и до марта 1907 г. полк. Короткому денегъ в этой книгѣ записаны только 2 взноса по 300 руб. каждый, в ст. № 45 и № 151 отъ 24 ноября и 23 декабря 1906 г.; записей же о другихъ пожертвованияхъ в книгѣ не имѣется. 30 ноября 1906 г. приставомъ 2 уч. Арбатской части Ивановымъ была отобрана подписка отъ члена правленія Московскаго музыкально-драматическаго кружка Михаила Розенблома объ объявленіи ему распоряженія Градоначальника о прекращеніи въ кружкѣ всякихъ азартныхъ игръ въ карты и въ лотто. Несмотря на это предупрежденіе, в серединѣ декабря в названномъ собраніи опять возобновилась прежняя карточная игра, о чемъ приставомъ Ивановымъ было доведено до свидѣнія полк. Короткаго, испол-

нявшего временно, по случаю отъезда ген. Рейнбота, обязанности Московского Градоначальника. Короткий сначала приказал Иванову иметь строгое наблюдение за недопущением игры в музыкально-драматическом кружке, а затѣмъ 22 декабря сообщил по телефону о снятии имъ такого запрещения впредь до особаго распоряженія, вслѣдствіе чего игра въ кружокъ снова началась попрежнему. Въ ночь на 15 января 1907 г. кружокъ посетилъ Градоначальникъ Рейнботъ и, заставъ тамъ игру въ „железную дорогу“, распорядился о составленіи участковою полиціею объ этомъ протокола. При исполненіи этого распоряженія приставомъ Ивановымъ, дежурный старшина Борнштейнъ заявилъ, что азартныя карточные игры въ кружокъ хотя и были запрещены 14 декабря ген. Рейнботомъ, но затѣмъ таковыя были разрѣшены полк. Короткимъ, вслѣдствіе ходатайства старшины Могилевича. Изъ допрошенныхъ по этому поводу на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей, Розенблюмъ удостовѣрялъ, что совершенно не помнитъ, были ли сдѣланы кружкомъ за полученею означеннаго разрѣшенія денежные взносы кому-либо изъ чиновъ градоначальства, а свидѣтели Борнштейнъ и Адель показали: первый, что онъ отъ кого-то слышалъ, будто учредители кружка подняли полк. Короткому, чрезъ посредство Начальника сыскающей полиціи Моисеенко, около 2000 или 3000 руб. и второй—что, по словамъ Могилевича, послѣдній вынужденъ былъ за отгнѣнъ запрещенія игры передать пом. Градоначальника Короткому въ видѣ благотворительнаго взноса 1500 или 1600 руб. Между тѣмъ, самъ Могилевичъ при допросѣ на слѣдствіи категорически удостовѣрялъ, что хотя въ теченіе зимы 1907 г. онъ 2 раза являлся къ Короткому, но при этомъ никакихъ денежныхъ взносов послѣднему не дѣлалъ и что кружокъ не въ состояніи былъ платить денегъ въ градоначальство, такъ какъ, нуждаясь въ средствахъ самъ, едва сводилъ концы съ концами. Въ денежной книгѣ градоначальства для записей пожертвованій въ пользу пріюта для чиновъ полиціи и школы никакихъ указаній относительно взноса денегъ Могилевичемъ или Московскимъ музыкально-драматическимъ кружкомъ, какъ видно изъ акта этой книги, не содержится. 7 февраля 1906 г. въ Москвѣ на Тверской ул. былъ открытъ клубъ подъ названіемъ „Артистическій“. Устроителями или арендаторами этого клуба значились по документамъ подполк. Кузьминъ и прусская подданная Эльма Корнандъ, а на самомъ дѣлѣ таковыми являлись дворянинъ Николай Макареско и мѣщанинъ Молдавскій, дѣлившіе между собою почти всю чистую прибыль отъ этого предпріятія. Вскорѣ послѣ открытія означеннаго клуба бывшій Градоначальникъ Рейнботъ обратился къ Московскому Генералъ-Губернатору, испрашивая разрѣшеніе воспретить въ Московскихъ клубахъ карточную игру подъ наименованіемъ „железная дорога“. На запросъ Генералъ-Губернатора, въ какихъ именно клубахъ означенная игра достигаетъ наибольшаго и особенно вреднаго развитія, ген. Рейнботъ въ донесеніи отъ 4 мая 1906 г. указалъ, какъ на выдающіяся въ этомъ отношеніи учрежденія, на клубъ циклистовъ, Московское общественное собраніе и артистическій клубъ добавивъ, что въ послѣднемъ, кромѣ игры въ „железную дорогу“, допускается еще игра въ лотто, причемъ эксплуатация этихъ игръ настолько обогащаетъ администрацію на счетъ посѣтителей, что здѣсь утрачивается всякое достоинство клуба и получается впечатлѣніе игорнаго дома. Въ заключеніе ген. Рейнботомъ присовокупилъ, что онъ призналъ крайне необходимымъ совершенно воспретить азартныя игры во всѣхъ 3 поименованныхъ клубахъ. Такое предположеніе градоначальника было одобрено Генералъ-Губернаторомъ, и уже 5 мая 1906 г. приставомъ 2 уч. Тверской части отъ старшинъ артистическаго клуба отобрана подписка о недопущеніи впредь въ клубъ азартныхъ игръ съ предупрежденіемъ, что при повтореніи нарушенія клубъ будетъ закрытъ. Послѣ этого на прошеніи старшины Молдавскаго отъ 6 мая того же года, содержавшемъ въ себѣ просьбу о разрѣшеніи просителю личной явки къ Градоначальнику по дѣламъ клуба, ген. Рейнботомъ была положена резолюція: „отклонить“, а на другомъ прошеніи совѣта директоро́въ артистическаго клуба отъ 9 мая и на докладной запискѣ, подписанной Молдавскимъ и се-

кретаремъ Горевымъ, съ изложеніемъ ходатайства о допущеніи въ клубъ азартныхъ игръ, рукою ген. Рейнбота написаны слѣд. резолюціи на прошеніи: „затребовать полный денежный отчетъ и списокъ членовъ съ указаніемъ времени баллотировки“, а на докладной запискѣ: „отклонить“, причемъ послѣдняя резолюція, какъ видно изъ справки на прошеніи, была объявлена ген. Рейнботомъ лично совѣту старшинъ. Хотя послѣ принятія указанныхъ мѣръ Градоначальникомъ азартная игра въ артистическомъ клубѣ временно прекратилась и прибывшій 29 мая того же года въ означенный клубъ участковый приставъ не засталъ тамъ играющихъ въ „железную дорогу“ и „баккара“, но уже въ августѣ 1906 г. эти игры возобновились попрежнему, прикрытыя лишь другими названіями, и самый клубъ, по удостовѣренію свидѣтелей Краузе, Аделя, Гурьева, Горбунова и др., представлялъ изъ себя открытый игорный домъ, въ который имѣло доступъ каждое лицо, назвавшее при входѣ фамилію старшинъ Горева или Молдавскаго, причемъ игра привлекала множество посѣтителей, среди коихъ преобладали мелкіе служащие, приказчики, конторщики и главнымъ образомъ молодежь. О такомъ характерѣ дѣятельности означеннаго клуба до свидѣнія ген. Рейнбота было доведено, между прочимъ, и директоромъ департамента полиціи въ конфиденціальномъ письмѣ отъ 5 декабря 1906 г., а затѣмъ указанія на происходившую въ клубѣ азартную игру содержались и въ отдѣльныхъ донесеніяхъ чиновъ участковой полиціи. Такъ, въ рапортѣ пристава 2 уч. Тверской части отъ 11 июня 1907 г. изложено, что въ артистическомъ клубѣ, подъ наименованіемъ „козырный дискъ“ и „козырный эспаньоль“, происходитъ игра въ „железную дорогу“ и „баккара“, а также допускается игра въ лотто, причемъ въ клубѣ случались незначительные скандалы, и хотя администрація исполняетъ распоряженія Градоначальника по надзору за притокомъ посѣтителей, но клубъ этотъ не служитъ мѣстомъ отдыха, а сосредоточеніемъ карточныхъ и другихъ игръ носящихъ характеръ азарта. Въ другомъ рапортѣ, полученномъ въ канцеляріи Градоначальника 24 октября 1907 г., тотъ же приставъ донесъ, что составъ посѣтителей артистическаго клуба и характеръ игры въ немъ не измѣнились, и что администрація клуба скрываетъ отъ полиціи происходящее въ немъ инциденты и разузнавать все крайне затруднительно. Затѣмъ поступавшія въ разное время въ канцелярію Градоначальника заявленія частныхъ лицъ содержать въ себѣ, помно жалобъ на самоуправныя дѣйствія предсѣдателя дирекціи клуба Молдавскаго, также и указанія на безпорядки и злоупотребленія, происходившія въ клубѣ. Такъ, въ апрѣлѣ 1907 года членъ учредитель клуба Тычинскій, совместно съ нѣсколькими другими членами, въ поданномъ Градоначальнику прошеніи, заявляя о допускаемыхъ Молдавскимъ нарушеніяхъ устава клуба, просилъ о производствѣ разслѣдованія и устраненіи Молдавскаго. На это прошеніе, внесенное на обсужденіе Особаго Городскаго по дѣламъ объ обществахъ Присутствія, Градоначальникомъ Рейнботомъ было объявлено просителямъ, что съ изложенной выше жалобой они могутъ обратиться въ подлежащій судъ. Подобнаго же рода распоряженія послѣдовали со стороны ген. Рейнбота по жалобамъ: отъ 9 февраля 1907 г. содержателя клубнаго буфета Назарова на самоуправныя дѣйствія Молдавскаго и отъ 18 апрѣля артиста Николая Анисимова на неправильные расчеты по игрѣ. По поводу же происходившихъ въ клубѣ азартныхъ игръ и безчинствъ, кромѣ письменнаго заявленія нѣкоего Смирнова о томъ, что въ артистическомъ клубѣ всѣ старшины—шуллера, ежедневно избирающіе публику, въ дѣлѣ канцеляріи Градоначальника находятся два анонимныя письма, подписанныя одно словами: „вашъ доброжелатель Кукуевъ“, а другое отъ имени какого-то артиста, фамилія коего написана неразборчиво. Въ этихъ письмахъ, между прочимъ, сообщается, что „въ игорномъ домѣ подъ предсѣдательствомъ Молдавскаго происходитъ масса мошеничествъ, ежедневныя драки и страшный азарт“, причемъ обыгрываютъ студентовъ и лицейство, а записи гостей ведутся двумя наемными директорами, записывающими всѣхъ съ улицы. Проверка изложенныхъ заявленій участковымъ приставомъ Севенардомъ, хотя и не привела къ обнаруженію

данных, подтверждающих указания на присутствие в артистическом клубе учащихся и на свободный доступ туда неизвестных администраций этого собрания лиц, но тем не менее названный пристав в рапорт от 8 авг. 1907 г. вновь удостоверил, что упомянутый клуб не преследует общей цели клубов, и что в нем происходит игра, привлекающая исключительно азартных игроков. Несмотря на изложенные данные, съ очевидною свидетельствующую о неисполнении дирекцией названного клуба данной ранее подписки о недопущении азартных игр, ген. Рейнботом во все последующее время не было предпринято никаких мер к устранению в артистическом клубе таких игр, хотя, при личных с ним объяснениях, представители администрации других московских клубов неоднократно делали указания на этот клуб, как на собрание, в котором безпрепятственно допускается в очень широких размерах карточная игра, преследуемая в других клубах. Из показаний на следствии свидетелей Оленина, кн. Урусова, Ажеринова, Унтилова и др. видно, что на подобные заявления отъезжал ген. Рейнбота сводился или к возражениям, что названным лицам нет дела до происходящего в других клубах, или же к ссылкам на отсутствие у него, Градоначальника официальных сведений, подтверждающих сделанные ему заявления. Между тем, о сильном развитии в артистическом клубе азартных игр и о происходивших там часто скандалах и недоразумениях ген. Рейнботу было известно также из личных докладов пристава Севенарда и пом. Градоначальника Климовича, причем, по удостоверению первого из них, Рейнбот как-то высказывал даже, что он намерен закрыть артистический клуб, а на вопрос Климовича, почему он медлит принятием мер в отношении этого клуба, Рейнбот ответил, что с клубом Молдавского он подождет, так как последний ему нужен для получения сведений об играх, происходящих в других клубах. Такой образ действий ген. Рейнбота возбуждал недоумение тем более, что клубы, в которых происходила игра в „желбаную дорогу“, подвергались строгим стеснениям. Так, кроме Общества любителей шахматной игры, закрытого, как указано выше, 2 мая 1907 г. в том же году были закрыты Московское общественное собрание, Московский клуб и русское собрание, из коих в 2 последних азартная игра никогда не достигала таких значительных размеров, как в артистическом клубе. Все поименованные собрания не вносили пожертвований в пользу благотворительного фонда при градоначальстве, и закрытие их дало повод некоторым из допрошенных при следствии лиц, как, напр., Уварову, Сушенкову, Ажеринову, Львову и др., утверждать, что указанное обстоятельство и служило главным поводом для преследования этих клубов; что же касается артистического клуба, то о последнем составлялось мнение, как о собрании, которое пользуется особою снисходительностью администрации и которому, в виду его привилегированного положения, не угрожает опасность быть закрытым до тех пор, пока ген. Рейнбот состоит в должности Московского Градоначальника. Наконец, из осмотра дела канцелярии Градоначальника о московских клубах усматривается, что о происходившей в некоторых из них, в том числе и в артистическом клубе, азартной карточной игре и об эксплуатации последней учредителями клубов с целью получения выгоды в свою пользу сделалось известным также Московскому Генерал-Губернатору, который предписанием от 1 июня 1907 г. затребовал от Градоначальника заключение его по вопросу о возможности допущения дальнейшего существования таких клубов. По этому предмету пом. градоначальника Петровым был изготовлен ответ с изложением заключения о необходимости закрытия как артистического, так еще и двух других клубов, но представление о сем не получало дальнейшего движения, так как ответ не был подписан ген. Рейнботом. Для выяснения описанного выше отношения Градоначальника Рейнбота к дирекции артистического клуба на предварительном следствии был допрошен ряд свидетелей, из показаний коих выяснилось следующее: По объяснению зав-

ывавшего отчетностью артистического клуба Аделя, названный клуб с самого начала своего существования тратил много денег на выдачи разным чинам полиции и градоначальства, а, начиная с ноября 1906 г., стал платить пом. Градоначальника Короткому, после того как последний при одном из посещений клуба был овистан артистами и замечил на это: „я вам покажу, как свистать“, а уходя из собрания, сказал старшине Гореву: „основательная у вас идет игра“. В этот же день Николай Макаренко узнал от своего брата Ивана Макаренко, что Короткий готовит рапорт о закрытии клуба, и что ему необходимо сделать денежный взнос. Хотя Молдавский возражал против заявления Макаренко, предлагавшего пожертвовать не менее 3000 руб., но последний настоял на своем, согласившись уплатить Короткому свои деньги с тем, чтобы таковыя были возмещены ему потом из доходов клуба. В конце декабря 1906 г. и в начале января следующего года из кассы клуба Молдавским было взято около 6000 руб.; об этих деньгах он впоследствии сказал свидетелю, что их получило почти целиком одно лицо, так как он, Молдавский, убедился, что мелкие лица особой роли не играют. Хотя последний не назвал Рейнбота, но, по словам Аделя, для него было ясно, что, сообщая об этом, Молдавский под упомянутым лицом разумел ген. Рейнбота, так как замечил, что с некоторых пор перед этим он, Молдавский, стал хвалиться знакомством с Рейнботом, утверждая, что последний ведет с ним ежедневно разговоры, что они вместе курят сигары и даже грозил высать из Москвы чрез Рейнбота разных лиц. От кассира клуба Марзлаи Адел также слышал, что клуб стал платить одному Рейнботу, который, по его словам, получал не менее 100 руб. в день. О своих близких отношениях съ ген. Рейнботом, как видно из дела. Молдавский хвалился также свидетелям Девре и Карзинкиной, причем в присутствии первого из них, упоминая часто имя Анатолия Анатолевича, он вызывал последнего по телефону, но потом от других лиц свидетель узнал, что Анатолий Анатолевич, с которым вел разговор Молдавский, был не ген. Рейнбот, а один из чинов его канцелярии, носивший то же имя и отчество (Выков). Карзинкиной же, с которой у Молдавского были денежные расчеты, последний, в доказательство своей близости к Рейнботу, показывал подписанную его именем телеграмму, но спустя некоторое время знакомые ей передавали, что это, на верном, была ответная телеграмма на посланное Молдавским ген. Рейнботу поздравления по случаю имевшего место перед тем избавления его от опасности при покушении на его жизнь. В феврале 1907 г. Молдавскому удалось достигнуть удаления Николая Макаренко из состава учредителей клуба, и с тех пор он явился фактически единственным хозяином и владельцем доходов этого собрания. После ухода Макаренко, как удостоверил на следствии свидетель Краузе, клуб перестал выдавать деньги в пользу околотоchnого надзирателя, получавшего таковыя ранее в вид „праздничных“; причем Молдавский говорил, что он платит вышним, и до низших ему нет дела, а от старшины Горева, бывшего неоднократно в градоначальство и называвшего в шутку свои поездки путешествием на поклон „к хану в Сарай“, тот же свидетель слышал, что визиты к начальству обходятся дорого; когда же в 1907 г. перед Пасхой мелкие служащие клуба, через посредство Горева, стали хлопотать о выдаче им к празднику денежных наград, им было объявлено, что Молдавский, в виду больших расходов на визиты в градоначальство, отказался исполнить их просьбу. Кроме сего, состоявший одним из мелких пайщиков в доходах клуба подполк. Кузьмин показал, что в феврале и марте 1907 г. он не получил следуемой на его долю части этих доходов и, узнав, что все деньги истрачены на взятки кому-то, обратился за разъяснением к Молдавскому, который сказал на это, что клубу грозила большая опасность быть закрытым, но что он дал, кому следует, и теперь можно быть уверенным, что кто бы ни был Градоначальником, все равно клуб будет существовать. После удаления Николая Мака-

реско изъ артистическаго клуба и вступленія его въ спортивный клубъ, какъ видно изъ показанія члена этого клуба Утилова, онъ, Макареско, въ разговорѣ съ свидѣтелемъ высказывалъ свое убѣжденіе, что Молдавскій платитъ деньги Рейнботу и при этомъ говорилъ, что онъ добивается узнать, какимъ образомъ Молдавскій это дѣлаетъ, чтобы такимъ путемъ обезпечить существованіе своего клуба. Наконецъ, свидѣтель Гриндинъ показалъ при допросѣ, что, будучи хорошо знакомъ съ Молдавскимъ, онъ спросилъ его однажды, какъ послѣдній достигаетъ того, что администрація не закрываетъ его клуба, задавъ при этомъ вопросъ, не съ глазу ли на глазъ онъ устраиваетъ дѣла клуба, на что Молдавскій отвѣтилъ, что, разумеется, съ глазу на глазъ, и что это надо дѣлать умѣючи. Къ этому свидѣтель добавилъ, что хотя онъ не помнитъ, упоминалось ли тогда имя ген. Рейнбота, но изъ смысла разговора онъ понялъ, что Молдавскій говорилъ именно о Рейнботѣ. Изложенными обстоятельствомъ исчерпываются всѣ добытыя предварительнымъ слѣдствіемъ данныя, изобличающія ген. Рейнбота въ полученіи денежныхъ взносовъ отъ администраціи артистическаго клуба въ лицѣ старшины его—Горева и Молдавскаго. Вместе съ тѣмъ, изъ допросовъ свидѣтелей выяснилось, что о платежѣ денегъ въ градоначальство служащимъ клуба было извѣстно только по слухамъ, причемъ разговоры объ этихъ приношеніяхъ, по удостовѣренію пом. бухгалтера Гурьева, связывались съ именемъ Короткаго, а не Рейнбота. О взносѣ денегъ Короткому также слышалъ отъ Горева служащій въ клубѣ Михайловъ, а, по объясненію свидѣтеля Кузьмина, послѣднему было извѣстно лишь о томъ, что клубъ платитъ Короткому, о денежныхъ же подношеніяхъ ген. Рейнботу Молдавскій никогда при свидѣтелѣ не упоминалъ, хотя и хвалился своими пріятельскими съ нимъ отношеніями, говоря, что онъ въ такой дружбѣ съ Рейнботомъ, что можетъ придти къ нему во всякое время и не встрѣтитъ отказа въ пріемѣ. Равнымъ образомъ, и старшина клуба Горевъ удостовѣрилъ, что, не будучи осведомленъ о денежныхъ дѣлахъ клуба, онъ знаетъ только со словъ Макареско, что послѣдній возилъ деньги Короткому на пріютъ для семействъ городскихъ; къ ген. же Рейнботу онъ, свидѣтель, ѣздилъ въ градоначальство только 2 раза, для заявленія ходатайства о разрѣшеніи карточной игры въ клубѣ и игры въ лотто и одинъ разъ являлся, по вызову Градоначальника, для объясненій по поводу происшедшаго въ клубѣ скандала, причемъ Рейнботъ сказалъ ему тогда, что, въ случаѣ повторенія такихъ скандаловъ, онъ закроетъ клубъ. Осмотромъ представленныхъ бухгалтеромъ клуба Аделемъ 33 ордеровъ, а также кассовыхъ книгъ и черновыхъ приходо-расходныхъ книжекъ казначея клуба Маразли, въ связи съ показаніями на слѣдствіи названныхъ лицъ, установлено, что по упомянутымъ ордерамъ, подписаннымъ Николаемъ Макареско или Молдавскимъ, производились выдачи денегъ казначею, который лично для себя дѣлалъ отмѣтки въ своихъ черновыхъ книжкахъ, послѣ чего эти ордера съ отмѣтками на нихъ о произведенномъ платежѣ записались бухгалтеромъ въ книги. Какъ въ книгахъ, такъ равно и въ ордерахъ назначеніе нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ суммъ обозначалось словами: „расходы по администраціи“ или „по дѣламъ клуба“, а на ордерахъ, кромѣ того сбоку текста имѣются сдѣланныя большею частью карандашемъ отмѣтки въ видѣ отдѣльныхъ буквъ: „А“, „С“, „К“, „М“ и т. п. По удостовѣренію Аделя, означенныя отмѣтки были сдѣланы для обозначенія лицъ, которымъ производились негласныя выдачи, причемъ буква „К“ означала фамилію пом. Градоначальника Короткаго. Такія отмѣтки: „К“ и лит. „К“, какъ видно изъ акта осмотра, находятся на слѣдующихъ ордерахъ или запискахъ: 1) отъ 24 ноября 1906 г. на сумму 1950 руб.; 2) 25 ноября того же года на 1250 р.; 3) 7 января 1907 г. на 2200 руб.; 4) 31 января на 3000 руб.; и 5) 2 февр. 1907 г. на 2000 руб., причемъ, судя по подшисямъ и отмѣткамъ казначея въ черновыхъ книжкахъ, первыя двѣ выдачи были произведены изъ кассы по требованію Николая Макареско, а послѣднія три—Молдавскаго. Послѣ февраля по записямъ въ книжкахъ, хотя и продолжаютъ расходы по управленію и по дѣламъ клуба, но, сравнительно съ прежнимъ временемъ, въ меньшихъ размѣрахъ,

и только въ ст. отъ 13 марта 1907 г. этотъ расходъ записанъ въ суммѣ 2651 руб. 65 коп. При допросѣ на слѣдствіи Маразли показалъ, что какъ Макареско, такъ и Молдавскій часто брали у него изъ кассы такъ и Молдавскій часто брали у него изъ кассы деньги на расходы по клубу, причемъ отъ перваго изъ нихъ онъ, свидѣтель, слышалъ, что деньги нужны для выдачи полк. Короткому; Молдавскій же никогда не объяснялъ ему назначенія денегъ, требуемыхъ на расходы, говоря лишь, что эти расходы дѣлаются для сохранения клуба. Какъ въ дѣйствительности получили употребленіе деньги, взятые на указанный предметъ, свидѣтель не знаетъ, но полагаетъ, что какъ Макареско, такъ и Молдавскій преувеличивали намѣренно суммы расходовъ „по управленію“ и обращали часть взятыхъ денегъ въ свою пользу съ цѣлью уменьшенія по бухгалтерскимъ книгамъ доходности клуба, что давало имъ возможность выплачивать меньше денегъ какъ ему, свидѣтелю, такъ и подполк. Кузьмину, состоявшему пайщиками предпріятія и имѣвшему право на полученіе 5% чистой прибыли клуба. Къ этому свидѣтель добавилъ, что онъ ни отъ кого не слышалъ о томъ, что деньги выдавались Градоначальнику Рейнботу, и никому объ этомъ не рассказывалъ. Молдавскій же передавалъ ему лишь о томъ, что онъ „имѣетъ ходъ“ къ Рейнботу. Разговоръ по этому поводу возникъ въ то время, когда со стороны администраціи былъ предпринятъ рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ московскихъ клубовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были даже закрыты. Въ это приблизительно время въ Москву пріѣхала знакомая Рейнбота артистка Легаръ, знавшая раньше по сценической дѣятельности Молдавскаго, вследствие чего возникли слухи, что чрезъ ея посредство Молдавскій можетъ обезпечить существованіе артистическаго клуба. О своемъ знакомствѣ съ Легаръ Молдавскій говорилъ также и Николаю Макареско, добавляя, что если на нее истратитъ деньги, то посредствомъ ея можно добраться до Рейнбота. Спрошенная въ качествѣ свидѣтельницы Надежда Лейнгартъ (по сценѣ Легаръ) удостовѣрила, что въ концѣ 1906 г., когда она находилась въ Одессѣ, къ ней пріѣхалъ какъ-то Молдавскій и, жалуясь, что артистическій клубъ обремененъ поборами московской администраціи и полиціи, просилъ ее принять на себя посредничество между нимъ, Молдавскимъ, и ген. Рейнботомъ. При этомъ онъ указывалъ на приношенія клубомъ денегъ пом. Градоначальника Короткому и за посредничество предлагалъ ей денежное вознагражденіе, отъ котораго она, свидѣтельница, отказалась и о предложеніи Молдавскаго доведла до свѣдѣнія ген. Рейнбота. Затѣмъ, изъ объясненія на слѣдствіи Ивана Макареско видно, что послѣ того, какъ Короткій былъ освястанъ въ артистическомъ клубѣ, онъ, свидѣтель, посѣтивъ Короткаго по своимъ дѣламъ, случайно услышалъ, какъ послѣдній сказалъ секретарю при Градоначальствѣ Яковлеву, что надо поставить точку на артистическій клубъ, т. е. закрыть его. Макареско сталъ просить полк. Короткаго не пріѣбывать къ такой суровой мѣрѣ, а вызвать брата Николая, пробовать его и дать инструкцію, какъ вести клубъ. Короткій согласился на эту просьбу. Тогда Макареско направилъ своего брата къ Короткому, причемъ предупредилъ, чтобы онъ захватилъ съ собою денегъ. Николай Макареско къ объясненію брата добавилъ, что послѣ того, какъ послѣдній предупредилъ его о намѣреніи Короткаго закрыть артистическій клубъ самъ полк. Короткій позвонилъ къ нему на квартиру по телефону и сталъ выговаривать за безпорядки, допущенныя въ клубѣ. Предполагая, что съ нимъ кто-либо шутитъ, свидѣтель послалъ говорившаго къ чорту, но затѣмъ справившись въ градоначальствѣ по телефону же, узналъ, что съ нимъ, дѣйствительно, говорилъ пом. Градоначальника Короткій. Тогда было рѣшено отвезти послѣднему деньги на какія-то кровати. Взявъ 1000 руб., онъ поѣхалъ въ градоначальство и вручилъ ихъ Короткому, который пригласилъ его къ себѣ на квартиру для выслушанія инструкціи о томъ, какъ надлежитъ содержать клубъ. Въ тотъ же день вечеромъ свидѣтель посѣтилъ Короткаго на его квартирѣ и, какъ припоминаетъ, и въ этотъ разъ передалъ Короткому около 1000 руб. „на кровати“, оставивъ эту сумму на письменномъ столѣ полковника. Въ скоромъ времени послѣ этого свидѣтель уѣхалъ за-границу, а по воз-

врашения его оказалось, что значительная часть денег, которую ему сдѣлавали получить изъ доходовъ клуба, была истратена Молдавскимъ, причемъ послѣдній говорилъ, что ему пришлось произвести негласные расходы, чтобы предупредить закрытіе клуба, но куда именно онъ истратилъ деньги, не объяснилъ. Вообще по поводу выписки денегъ Молдавскимъ изъ кассы на расходы по клубу Макареско добавилъ, что онъ подозрѣваетъ Молдавскаго въ присвоеніи части этихъ денегъ, тѣмъ болѣе, что самъ Молдавскій однажды предложилъ ему выписывать деньги фиктивно, чтобы уменьшить долю старшины Тычинскаго, получаващаго нѣсколько % изъ прибыли клуба. Самъ же онъ, Макареско, передалъ полк. Короткому не болѣе 2000 руб. Объясненіе Макареско о посѣщеніи имъ полк. Короткаго на квартирѣ находить себѣ подтвержденіе въ показаніи свидѣтеля полк. Трутнева, удостоившаго, что однажды, въ концѣ ноября 1906 г., вечеромъ, когда онъ былъ у Короткаго на квартирѣ по дѣламъ службы, туда же при немъ пріѣхалъ Николай Макареско, который, будучи принятъ Короткимъ, остался тамъ послѣ его, свидѣтеля, ухода. Допрошенный при слѣдствіи Григорій Молдавскій (онъ же Молдавцевъ), отвергая выдачу какихъ бы то ни было денежныхъ суммъ ген. Рейнботу, показалъ, что, по настоянію Макареско, онъ согласился на внесеніе денегъ пом. Градоначальника Короткому и начальнику сыскаго полиціи Мойсеенко. Для этой цѣли Макареско взялъ изъ кассы около 4500 руб., но были ли, дѣйствительно, переданы эти деньги по назначенію, онъ, свидѣтель, не знаетъ и думаетъ, что часть ихъ была присвоена Макареско, который послѣ этого сталъ часто требовать денегъ подъ предлогомъ выдать названнымъ должностнымъ лицамъ. Съ такими же требованіями денегъ для Короткаго пріступалъ къ нему и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Тарбѣевъ. Поставленный въ необходимость, кромѣ того, уплачивать крупныя суммы представителямъ мелкой прессы и опасаясь закрытія клуба, такъ какъ, благодаря Макареско, въ клубъ проникли покровительствуемые послѣднимъ шуллера, онъ, Молдавскій, чтобы выйти изъ такого положенія, поѣхалъ въ Одессу и обратился тамъ къ артисткѣ Легарь, прося ея заступничества передъ Рейнботомъ, и предложилъ ей заимообразно 6000 руб. за хлопоты. Взять эти деньги Легарь отказалась, а по возвращеніи въ Москву онъ, свидѣтель, былъ вызванъ ген. Рейнботомъ, который сначала очень сурово принялъ его, сказавъ, что ему известно, что Молдавскій думаетъ обдѣлать свои дѣла чрезъ его, Рейнбота, любовницъ, а затѣмъ, уступая его просьбамъ, согласился выслушать его и въ заключеніе отпустилъ, сказавъ, чтобы въ клубѣ болѣе не было шуллеровъ и скандаловъ. Послѣ этого онъ, Молдавскій, былъ у ген. Рейнбота еще нѣсколько разъ, причемъ однажды явился, чтобы разсказать ему о дѣятельности Короткаго и Тарбѣева и объ уорно ходившихъ въ Москвѣ слухахъ, что Короткій повсюду и за все беретъ взятки. По предъявленіи Молдавскому подписанныхъ имъ ордеровъ отъ 7 января на 2000 руб., отъ 31 января и отъ 2 февраля 1907 г. на 2000 р. онъ заявилъ, что, если не во всѣхъ трехъ, то несомнѣнно, въ одномъ изъ нихъ, но, въ какомъ именно онъ не помнитъ обозначена сумма, взятая у него Тарбѣевымъ для передачи Короткому. Изъ осмотра книги канцеляріи Градоначальника для записи лицъ, посѣщавшихъ Градоначальника въ 1907 г., видно, что Молдавскій записанъ бывшимъ на пріемѣ у Градоначальника всего шесть разъ, а именно: 11 января 1-го и 15-го февраля, 10 марта, 1-го и 4-го Апрѣля, причемъ два раза онъ являлся по вызову и столько же разъ по личному дѣлу и по дѣламъ клуба. При осмотрѣ же приходо-расходной книги № 17, оказалось, что изъ всѣхъ перечисленныхъ выше суммъ въ ней записаны лишь 1000 р., поступившіе отъ Николая Макареско и заприходованные 24 ноября 1906 г. въ статьѣ 44-ой. Изъ упомянутыхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ пожертвованій, полученныхъ бывшимъ Градоначальникомъ Рейнботомъ и помощникомъ его Короткимъ отъ разныхъ лицъ и учреждений на благотворительныя цѣли, не всѣ денежные суммы, какъ это видно изъ прежде изложенныхъ данныхъ, были сданы ими по принадлежности или употреблены согласно ихъ назначенію. Такъ, внесенныя ген. Рейнботу предсѣдателемъ правленія московскаго нѣмца-

го клуба Биттомъ въ 1906 и 1907 г.г. съ указанною цѣлью деньги въ количествѣ 10239 руб. 50 коп., а также принятые Рейнботомъ въ авг. 1907 г. отъ владѣльца ресторана Ивана Кучерова 1000 руб. ни въ одной изъ денежныхъ книгъ канцеляріи Градоначальника не оказались заприходованными. Этими суммами, однако, не ограничивается количество всѣхъ оставшихся на рукахъ у ген. Рейнбота пожертвованій частныхъ лицъ и учреждений, какъ это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Показаніемъ на слѣдствіи вице-президента ИМПЕРАТОРСКАГО общества поощреній рысактова коннозаводства Оконишника и протоколами осмотра представленныхъ послѣднимъ документовъ и кассовыхъ книгъ названнаго общества установлено, что обществомъ поощренія коннозаводства было сдѣлано пожертвованіе на благотворительныя цѣли въ суммѣ 4500 руб., изъ коихъ было передано ген. Рейнботу Оконишниковымъ въ февр. 1906 г.—1000 руб. для раздачи бѣднымъ жителямъ г. Москвы и умершимъ вице-президентомъ того же общества Пейчемъ на ту же цѣль—1000 руб. и въ февралѣ 1907 г.—1500 руб., а 31 марта 1907 г. еще 1000 руб. въ пользу низшихъ служащихъ въ полиціи, пострадавшихъ во время бывшихъ въ Москвѣ безпорядковъ. Полученіе ген. Рейнботомъ всѣхъ перечисленныхъ денежныхъ суммъ удостоительно осмотромъ подписанныхъ имъ собственноручно писемъ на имя Оконишника и Пейча съ выраженіемъ благодарности за пожертвованія, причемъ въ письмѣ отъ 16 июля 1906 г. Рейнботъ просилъ увѣдомить его, могутъ ли быть переданы внесенныя ему Оконишниковымъ деньги въ распоряженіе дамскаго благотворительнаго общества пощенія о пріемныхъ покояхъ при полицейскихъ домахъ г. Москвы. На этотъ запросъ, отношеніемъ вице-президента общества отъ 19 июля ген. Рейнботу было предоставлено употребить означенныя деньги по своему усмотрѣнію. При осмотрѣ казначейскихъ книгъ канцеляріи Градоначальника № 12 на записку денегъ дамскаго благотворительнаго общества за 1906 и 1907 г.г. никакихъ записей о поступленіи отъ Московскаго Градоначальника или отъ общества поощренія коннозаводства пожертвованій не оказалось, равно какъ таковыя не значатся заприходованными и по другимъ книгамъ канцеляріи. Въ мартѣ 1907 г. дѣйств. ст. сов. Колесниковъ препроводилъ московскому Градоначальнику при письмѣ 1000 руб. для раздачи этой суммы, по его усмотрѣнію, въ видѣ награды нижнимъ полицейскимъ чинамъ и пособій семьямъ убитыхъ, а еще ранѣе сего, осенью 1906 г., Александрой Дерожинской, по мужу Зимной, на нужды полиціи было внесено пожертвованіе въ суммѣ 1500 руб. Деньги эти записанными на приходѣ въ денежныхъ книгахъ канцеляріи Градоначальника не оказались, хотя изъ акта осмотра писемъ ген. Рейнбота на имя Колесникова и Зимной видно, что таковыя имъ были получены. Нигдѣ не записаны также поступившія къ Московскому Градоначальнику пожертвованія отъ шталеястера Двора ЕГО ВЫСОЧЕСТВА кн. Сергѣя Голицына—500 руб. въ пользу кассы вспоможенія нижнимъ полицейскимъ чинамъ и 2200 р. отъ 2 жертвователей, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, полученіе каковыхъ суммъ ген. Рейнботомъ установлено какъ опросомъ кн. Голицына чрезъ ИМПЕРАТОРСКУЮ Россійскую миссію въ Швейцаріи, такъ равно осмотромъ писма ген. Рейнбота отъ 16 января 1908 г. на имя ревизующаго Московское Градоначальство сенатора Гарина и показаніями самого Рейнбота на предварительномъ слѣдствіи. Такимъ образомъ, изъ данныхъ слѣдствія видно, что ген. Рейнботомъ въ бытность его въ должности Московскаго Градоначальника получено неотмѣченныхъ нигдѣ въ денежныхъ книгахъ пожертвованій въ общей сложности на сумму 23939 р. 50 коп. Что касается расходовъ, произведенныхъ на благотворительность изъ означенной суммы ген. Рейнботомъ, то по осмотру представленныхъ имъ документовъ въ видѣ сообщеній разныхъ должностныхъ лицъ, квитанцій, счетовъ, писемъ, памятныхъ замятокъ и т. п. оказалось, что, по тѣмъ изъ этихъ документовъ, которые могутъ быть приняты въ доказательство расходовъ, сдѣланныхъ изъ указанной выше суммы, представляется доказаннымъ израсходованіе ген. Рейнботомъ всего 2776 руб. 62 коп. Затѣмъ, какъ выяснилось изъ данныхъ слѣдствія, въ Московскомъ градоначальствѣ производились иногда выдачи мелкихъ по-

собой нуждающимся просителям как самим ген. Рейнботомъ, такъ и его помощникамъ. Такія выдачи, по удостовѣренію бывшаго полицеймейстера бар. Будберга, начались не ранѣе мая мѣсяца 1906 г., когда на общихъ пріемахъ просителей принимали или самъ Градоначальникъ, или его помощникъ Макаровъ, котораго послѣдствіемъ замѣнилъ полк. Короткій. По увольненіи послѣдняго отъ должности пом. Градоначальника пріемъ просителей былъ возложенъ на поступившаго на его мѣсто полк. Климовича. Кромѣ поименованныхъ лицъ, самъ ген. Рейнботъ, по удостовѣренію служившаго при немъ эзекуторомъ канцелярій Матвѣва, выходилъ на общіе пріемы просителей не болѣе 3—4 разъ въ мѣсяцъ. Спрошенный на слѣдствіи пом. Градоначальника Петровъ объяснилъ, что, по выводамъ его, основаннымъ на разговорахъ съ Рейнботомъ, Короткимъ и Климовичемъ, названные помощники получали отъ Рейнбота для раздачи просителямъ около 100 руб. въ мѣсяцъ. Если же принять въ соображеніе показаніе свидѣтеля Климовича, удостовѣрившаго, что онъ израсходовалъ на этотъ предметъ въ іюлѣ и сентябрѣ 1907 г. по 200 руб. въ мѣсяцъ, въ августѣ—142 руб., а въ октябрѣ и ноябрѣ по 100 руб., то дѣйствительный расходъ помощниковъ градоначальника можетъ быть признанъ установленнымъ въ суммѣ никакъ не болѣе 150 руб. въ мѣсяцъ, въ особенности, если принять въ соображеніе, что помощникъ Макаровъ, по объясненіямъ свидѣтеля Яковлева, выдавалъ деньги въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ другіе, а полк. Короткій, какъ выяснилось изъ показаній Яковлева, Савина и Матвѣва, въ которое время производилъ расходы на пособія просителямъ изъ средствъ купца Ивана Гельтшицева, который оплачивалъ эти расходы по посылаемымъ ему Короткимъ счетамъ, причемъ, какъ удостовѣрилъ самъ Гельтшицевъ, имъ было передано Короткому около 500 руб. Что же касается размѣровъ суммы, расходовшейся самимъ ген. Рейнботомъ, когда онъ лично выходилъ на общіе пріемы, то, при отсутствіи по этому предмету въ дѣлѣ какихъ либо документальныхъ данныхъ, кромѣ записки околоточнаго надзирателя Зотова, изъ которой усматривается, что однажды на пріемѣ Рейнботомъ было роздано 11 руб., на основаніи показаній свидѣтелей Матвѣва и Яковлева, слѣдуетъ заключить, что ген. Рейнботъ расходовалъ на пріемы въ среднемъ около 10—15 руб., каковой расходъ при 3—4 пріемахъ не могъ превышать суммы 50 руб. каждый мѣсяцъ. Такимъ образомъ, расходы ген. Рейнбота на пособія являвшимся на пріемы въ градоначальство просителямъ, произведенные какъ лично имъ, такъ и его помощникамъ, по сдѣланному выше подсчету, выражаются въ общей сложности въ суммѣ 200 руб. въ мѣсяцъ, а считая съ мая 1906 г. и до 26 ноября 1907 г., эти расходы за 18 съ половиною мѣсяцевъ составляютъ около 3800 руб. Независимо отъ сего, показаніями допрошенныхъ на слѣдствіи свидѣтелей Дмитрія Гофштерера, Николая Савина, Константина Шибалова, Николая Яковлева, Владимира Кандаурова и Василия Петрова установлено, что первымъ изъ нихъ, Гофштереромъ, было получено отъ ген. Рейнбота 500 руб. для раздачи бѣднѣйшимъ жителямъ г. Москвы и что Рейнботъ, по удостовѣренію Савина, выдалъ 25 руб. въ пособіе женѣ или вдовѣ помощника смотрителя Ивановской и такую же сумму, по словамъ бывшаго околоточнаго надзирателя Шибалова, какому-то молодому человѣку, назвавшему себя писателемъ-народникомъ. Кромѣ сего имъ же, Рейнботомъ, по удостовѣренію Яковлева, было внесено за обученіе въ гимназій нѣкой дѣвочки Вермои—100 руб. и столько же, какъ засвидѣтельствовалъ Кандауровъ, различнымъ лицамъ, обращавшимся къ нему за пособіемъ. Такое же пособіе въ суммѣ 60 руб. было оказано Рейнботомъ, по докладу чиновника особыхъ порученій Шереметева, студенту Братолюбову и черезъ помощника Градоначальника Петрова выдано 5 руб. какому-то нижнему чину, нуждавшемуся въ средствахъ для проѣзда на родину. Всѣ приведенныя выдачи, установленныя свидѣтельскими показаніями, составляютъ сумму 815 руб., а съ присоединеніемъ къ ней 2776 руб. 62 коп., оправданныхъ документами, и 3800 руб., израсходованныхъ на пріемахъ, весь расходъ ген. Рейнбота на благотворительность, по дан-

ными слѣдствія, опредѣляются въ суммѣ 7891 руб. 62 коп. Хотя въ распоряженіи Московскаго Градоначальника на непредвидѣнные и неопредѣленные штатными расходами ежегодно ассигнуются по смѣтѣ особый кредитъ въ размѣрѣ 12000 руб., изъ какового кредита, какъ оказалось по осмотру казначейскихъ книгъ, съ января 1906 г. и до ноября 1907 г. было израсходовано на награды и пособія всего 2441 руб. 81 коп., но если даже отнести весь исчисленный выше расходъ ген. Рейнбота на благотворительность въ размѣрѣ 7891 руб. 62 коп. исключительно на счетъ только тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя были получены имъ въ видѣ пожертвованій отъ разныхъ лицъ и учрежденій, то и въ этомъ случаѣ, по исключеніи изъ 23939 руб. 50 коп. сдѣланнаго имъ расхода, оказывается остатокъ въ размѣрѣ 16547 руб. 88 к., который не былъ возвращенъ ген. Рейнботомъ по оставленіи имъ должности Московскаго Градоначальника. Кромѣ сего, данными предварительнаго слѣдствія установлено также нижеслѣдующее: представленіемъ отъ 9 марта 1906 г. бывш. Градоначальникъ Рейнботъ обратился къ Московскому Генераль-Губернатору съ ходатайствомъ объ отпускѣ въ его распоряженіе 3460 руб., на пополненіе инвентаря при резервѣ Московской столичной полиціи, приложивъ къ этому представленію подробный списокъ предметовъ, необходимыхъ для пополненія означеннаго инвентаря. Вслѣдствіе сего, по распоряженію Генераль-Адъютанта Дубасова, управляющимъ его канцелярій, при письмѣ отъ 11 марта 1906 г., ген. Рейнботу была препровождена просимая имъ сумма на нужды полицейскаго резерва. Изъ акта осмотра документовъ, представленныхъ Рейнботомъ въ оправданіе произведенныхъ расходовъ, и дѣла начальника резерва Московской столичной полиціи за 1906 г. видно, что въ счетъ полученнаго отъ Генераль-Губернатора суммы ген. Рейнботомъ было издержано на уплату по счетамъ и другимъ требованіямъ всего 1381 руб. 6 коп. и кромѣ того еще 600 руб., выданныхъ авансомъ начальнику резерва Комендантову, который эти деньги израсходовалъ на разныя нужды резерва. Изъ этой же суммы Рейнботомъ было выдано въ пособіе названному начальнику резерва 300 руб., хотя ассигнованный Генераль-Губернаторомъ деньги для выдачи такихъ пособій предназначены не были, и на такое употребленіе этихъ денегъ Градоначальникомъ не испрашивалось разрѣшенія. Со включеніемъ и этой суммы въ число оправданныхъ расходовъ у ген. Рейнбота оставалось изъ денегъ, отпущенныхъ для полицейскаго резерва—1178 руб. 94 к., въ употребленіи коихъ онъ никакого отчета не представилъ, голосовно утверждая въ письмѣ отъ 16 января 1908 г. на имя Сенатора, ревизовавшаго Московское Градоначальство, что онъ истратилъ этотъ остатокъ на выдачу наградъ дворникамъ, ночнымъ сторожамъ и обывателямъ, оказавшимъ содѣйствіе полиціи, и на поддержаніе „общества для борьбы съ улицей“, а въ объясненіи, представленномъ тому же Сенатору, заявилъ, что употребилъ эти деньги, по своему усмотрѣнію, на благотворительность, агентуру и разныя непредвидѣнныя нужды. Допрошенный на слѣдствіи въ качествѣ свидѣтеля Комендантовъ показалъ, что кромѣ указанныхъ выше денегъ, выдававшихся ему Градоначальникомъ авансомъ на оборудованіе помѣщенія резерва, онъ получилъ еще отъ ген. Рейнбота 500 руб. на покупку кровати и въ принятіи этой суммы выдалъ росписку, которая вносилась въ виду утраты ея Рейнботомъ, была замѣнена имъ копіей. Изъ акта осмотра представленныхъ ген. Рейнботомъ къ слѣдствію 25 января 1910 г. документовъ видно, что въ числѣ таковыхъ находится упомянутая выше копія росписки Комендантова, удостовѣряющая получение имъ 17 апрѣля 1907 г. отъ Московскаго Градоначальника 500 руб. на нужды полицейскаго резерва. По исключеніи указанной суммы изъ остатка 1178 руб. 94 коп. оказывается, что недочетъ въ деньгахъ, отпущенныхъ Генераль-Адъютантомъ Дубасовымъ Градоначальнику Рейнботу на оборудованіе резерва, составляетъ сумму 678 руб. 94 коп., въ израсходованіи коей онъ никакого отчета не представилъ. Въ 1906 г. ген. Рейнботомъ было учреждено особое отдѣленіе типографіи при канцелярій Московскаго Градоначальника, въ которомъ, кромѣ печатанія официальныхъ изданій, бланковъ, циркуляровъ и т. п., принимались также заказы част-

ных лиц и учреждений. Существовавшая ранее при градоначальствѣ типографія, какъ видно изъ показанія свидѣтеля Николая Зубатова, нуждалась въ значительномъ ремонтѣ инвентаря, и дѣла ея, вслѣдствіе задоженности, находились въ сильномъ расстройствѣ, а потому учрежденіе новаго отдѣленія имѣло цѣлью, съ одной стороны, возвысить отдачу этого учрежденія для того, чтобы оно могло окупить затраченныя на его оборудованіе и содержаніе средства, а съ другой,—оградить казенныя учрежденія отъ опасности неисполненія ихъ заказовъ во время забастовокъ рабочихъ. Учрежденіе такого отдѣленія типографіи при канцеляріи Градоначальника послѣдовало съ разрѣшенія Московскаго Генераль-Губернатора, который изъ находившихся въ его распоряженіи суммъ даже отпустилъ заимообразно ген. Рейнботу 5000 руб. на первоначальное оборудованіе этого отдѣленія. Для помѣщенія послѣдняго были приспособлены нѣкоторыя изъ нежилыхъ строеній, находившихся во дворѣ занимаемого градоначальствомъ дома. На возмѣщеніе расходовъ по приспособленію этихъ строеній, какъ было упомянуто выше, ген. Рейнботомъ безъ всякаго разрѣшенія были употреблены изъ казенныхъ денегъ, а сигнорованныя по смѣтѣ на содержаніе личнаго состава полицейскихъ Управленій, 1980 руб., выписанные подъ видомъ пособия чиновнику Энгиньеру и технику Поликарпову, а затѣмъ въ декабрѣ 1906 г. такимъ же способомъ были получены еще 500 руб., употребленные на возмѣщеніе расходовъ по типографіи. Дѣлопроизводителю канцеляріи Зубатову было поручено какъ оборудованіе типографіи, такъ и завѣдываніе ея дѣлами, причѣмъ онъ ежедневно представлялъ непосредственно ген. Рейнботу отчетъ въ денежныхъ оборотахъ типографіи и сдавалъ поступившія къ нему суммы, а отъ Рейнбота получалъ деньги на расходы. Лишь одинъ разъ, 23 дек. 1906 г., во время продолжавшейся нѣсколько дней отлучки ген. Рейнбота изъ Москвы, Зубатовъ сдалъ изъ поступившихъ по типографіи денегъ 3200 руб. не самому Рейнботу, а для передачи послѣднему, пом. Градоначальника Короткому, который въ полученіи этой суммы выдалъ ему росписку. Какъ выяснилось на слѣдствіи изъ увѣдомленія канцеляріи Московскаго Градоначальника отъ 26 марта 1910 г. и показаній свидѣтелей Покровскаго и Зубатова, въ казначейскомъ отдѣленіи канцеляріи никакихъ приходо-расходныхъ книгъ по новому отдѣленію типографіи заведено не было и вся отчетность сосредоточивалась у самого Рейнбота, который записывалъ весь приходъ и расходъ въ своей частной книжкѣ, не представленной имъ ни во время Сенаторской ревизіи, ни при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Книжку эту выдалъ свидѣтель Зубатовъ, который, при оставленіи ген. Рейнботомъ должности Градоначальника, пользовался ею для составленія отчета о движеніи суммъ по типографіи. Этотъ отчетъ названный свидѣтель представилъ ген. Рейнботу, возвративъ ему и приходо-расходную книгу, а Рейнботъ передалъ Зубатову остатокъ находившихся у него на рукахъ суммъ типографіи, каковыя суммы пошли на погашеніе долга типографіи счетному отдѣленію канцеляріи по долговой книжкѣ. На заявленіе свидѣтеля, что въ отчетномъ балансѣ усматривается разница въ приходѣ и расходѣ, ген. Рейнботъ отвѣтилъ, что должна быть разница въ 4000 руб., истраченныхъ имъ на коммерческіе бездокументальныя расходы по открытію дѣйствія новаго отдѣленія типографіи. Объ этого рода расходахъ, не опредѣляя количества таковыхъ, Рейнботъ упоминалъ однажды въ разговорѣ съ пом. Градоначальника Петровымъ, сказавъ, что ему приходилось давать деньги для скорѣйшаго проведенія въ Городской Управѣ дѣла о разрѣшеніи перестройки зданія для типографіи. По удостовѣренію старшаго чиновника Сенаторской ревизіи Московскаго градоначальства Тимофеева, когда названный свидѣтель обратился, по поводу отчетности по типографіи, за разъясненіями къ бывшему управляющему канцеляріей Градоначальника Быкову, послѣдній заявилъ, что онъ самъ долго разбирался въ составленномъ балансѣ новаго отдѣленія типографіи и изъ такового ничего не могъ понять. Это, по его словамъ, объяснялось тѣмъ обстоятельствомъ, что какая-то сумма въ отчетности была проведена фиктивно, и для ея прикрытія балансъ сведенъ пе-

кусственно; по провѣркѣ же счетовъ типографіи, оказывается недочетъ въ суммѣ около 4500 руб. Вслѣдствіи Быковъ представлялъ записку, въ которой объяснилъ, что слышалъ отъ самого ген. Рейнбота, будто послѣднимъ были сдѣланы нѣкоторыя негласныя расходы, причѣмъ изъ его словъ можно было понять, что имъ была дана кому-то въ Городской Управѣ взятка. Допрошенный на слѣдствіи полк. Короткій, по поводу полученія отъ Зубатова 3200 руб., показалъ, что деньги эти онъ передалъ по назначенію Рейнботу и оставить ихъ у себя не могъ, такъ какъ Рейнботъ, самъ завѣдывавшій отчетностью по типографіи, потребовалъ бы таковыя немедленно, если бы онъ, Короткій, задержалъ ихъ у себя. При провѣркѣ на предварительномъ слѣдствіи чрезъ эксперта, старшаго контролера московской конторы Государственнаго Банка Скуратова, отчетности по отдѣленію типографіи при канцеляріи Московскаго Градоначальника, оказалось, что по 1 декабря 1907 г. на приходѣ этого отдѣленія, по исключенію 497 руб. 34 коп., каковая сумма, по объясненію Зубатова, была издержана имъ на коммерческіе расходы, должно состоять—70232 руб. 94 коп., а въ расходѣ, съ присоединеніемъ къ таковому всѣхъ указанныхъ Зубатовымъ денежныхъ выдачъ, на которыя не имѣется оправдательныхъ документовъ, всего 66172 руб. 3 коп. Такимъ образомъ, результатами экспертизы установлено, что изъ денежныхъ суммъ отдѣленія типографіи при канцеляріи Градоначальника на рукахъ у ген. Рейнбота должно остаться 4060 руб. 91 коп., каковыя деньги не были возвращены имъ въ послѣдующее время. Показаніемъ допрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи купца Сергѣя Вирюкова и осмотровъ представленной имъ квитанціи благотворительнаго общества при Московскомъ градоначальствѣ и столичной полиціи отъ 3 сентября 1907 г. выяснилось также нижеслѣдующее: Въ 1906 г., когда у владѣльцевъ банъ въ г. Москвѣ возникли недоразумѣнія съ служащими у нихъ, вслѣдствіе нарушенія этими владѣльцами обязательствъ, принятыхъ ими на себя во время происходившихъ въ предыдущемъ году забастовокъ рабочихъ, Градоначальникъ Рейнботъ первоначально принялъ сторону служащихъ; когда же владѣльцы банъ объединились въ общество, и уставъ послѣдняго былъ утверждѣнъ раньше, чѣмъ уставъ общества банщиковъ, Рейнботъ сталъ относиться къ хозяевамъ банъ съ большимъ довѣріемъ и защищалъ ихъ отъ домогательства банщиковъ. Вслѣдствіе сего у владѣльцевъ банъ тогда же возникло желаніе отблагодарить ген. Рейнбота внесеніемъ пожертвованія въ пользу благотворительнаго фонда при градоначальствѣ. Однако, такое намѣреніе не было приведено въ исполненіе до лѣта 1907 г., когда Московскимъ Генераль-Губернаторомъ было издано обязательное постановленіе о взысканіяхъ въ административномъ порядкѣ за допущеніе разврата въ меблированныхъ комнатахъ, баняхъ и другихъ заведеніяхъ. Въ августѣ того же года владѣльцамъ банъ сдѣлалось извѣстнымъ распоряженіе Генераль-Губернатора о закрытіи банъ Кузнецова, причѣмъ передавалось, что указанное взысканіе наложено на Кузнецова по инициативѣ ген. Рейнбота, и что преслѣдованіе угрожаетъ и другимъ содержателямъ такихъ заведеній. Тогда всѣми владѣльцами банъ было рѣшено сдѣлать взносъ въ градоначальство. На собраніи съ этой цѣлью деньги были приобрѣтены 5 билетовъ государственной 4% ренты по 1000 рублей каждый, послѣ чего Вирюковъ, въ сопровожденіи Тарбѣева, поѣхалъ въ градоначальство и вручилъ ген. Рейнботу означенныя билеты, какъ пожертвованіе въ пользу благотворительнаго общества при градоначальствѣ. Въ принятіи билетовъ Вирюкова была выдана квитанція 3 сентября 1907 г. Изъ акта осмотра денежной книги благотворительнаго общества оказалось, что упомянутое пожертвованіе записано на приходѣ въ этой книгѣ лишь 19 декабря 1907 г. въ ст. 104, т. е. уже послѣ отчисленія ген. Рейнбота отъ должности Московскаго Градоначальника, причѣмъ, вмѣсто полученныхъ отъ Вирюкова 5 билетовъ, имъ было внесено 1 свидѣтельство госуд. ренты въ 5000 руб. съ приложеніемъ наличныхъ денегъ 47 руб. 50 коп., составлявшихъ стоимость истекающаго купона этой ренты. По удостовѣренію бывшаго бухгалтера канцеляріи Градоначальника Филаретова, означенный билетъ

вмѣстѣ съ деньгами былъ переданъ ему въ декабрѣ 1907 г. лично ген. Рейботомъ, и тогда же свидѣтель записалъ это пожертвованіе на приходъ по денежному журналу благотворительнаго общества. Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ бывшіе Московскій Градоначальникъ, ген.-маіоръ Рейботъ и пом. Градоначальника Короткій, ни въ одномъ изъ предъявленныхъ къ нимъ обвиненій не признали себя виновными, давъ при этомъ нижеслѣдующія объясненія:

1) Генераль-маіоръ Рейботъ: отвѣчая на обвиненія въ допущеніи цѣлаго ряда нарушеній кассовыхъ правилъ по счетной и казначейской части управленія градоначальства, бывшій Московскій Градоначальникъ заявилъ, что при вступленіи своемъ на должность Московскаго Градоначальника, онъ первое время былъ всецѣло поглощенъ охраненіемъ государственнаго порядка и общественной безопасности. Это было тяжелое время,—время ликвидаціи революціоннаго броженія, а потому онъ лишень былъ возможности обратить должное вниманіе на упорядоченіе названныхъ отдѣловъ канцеляріи. Кромѣ того тѣ нарушенія, которыя въ настоящее время вмѣняются ему, Рейботу, были, по его словамъ, санкціонированы попустительствомъ его предшественниковъ. Такъ, составленіе ассигновокъ не на прямыхъ кредиторовъ, храненіе суммъ въ частныхъ банкахъ допускались при бывшемъ оберъ-полицеймейстерѣ Д. Ф. Треновѣ и Градоначальникѣ Гр. Шуваловѣ. Останавливаясь далѣе на обвиненіи въ превышеніи власти, выразившемся въ неправильномъ распоряженіи кредитами, генераль-маіоръ Рейботъ въ своемъ объясненіи не отрицаетъ какъ того факта, что онъ незаконно расходовалъ отпускаемые ему кредиты на предметы, въ смѣтѣ не предусмотрѣнные, такъ и того, что денежные суммы въ этихъ случаяхъ изъ казначейства выписывались подъ видомъ пособій и наградъ служащимъ въ градоначальствѣ и полиціи. Но такой образъ дѣйствій бывшій Московскій Градоначальникъ не считаетъ уголовно-наказуемымъ, въ доказательство чего, во-первыхъ, дѣлаетъ ссылку на ту же тревожность тогдашняго времени, вызвавшую расходы, не предусмотрѣнные смѣтой, напр., вознагражденіе ночныхъ сторожей, за несеніе охранной службы въ столицѣ послѣ роспуска 1-й Государственной Думы и т. д., а, во-вторыхъ, утверждаетъ, что о всѣхъ такихъ расходаваніяхъ кредитовъ исключая выписки суммъ на восполненіе новаго отдѣленія типографіи градоначальства и на пополненіе казенныхъ денегъ, проигранныхъ въ карты помощникомъ пристава Федоровымъ, имъ были сдѣланы доклады въ С.-Петербургѣ письменно, а иногда и словесно, по телефону, и кромѣ того ссылается на документальныя данныя, несомнѣнно, по его мнѣнію, указывающія, что произвольное распоряженіе кредитами не только не встрѣчало противодѣйствія со стороны органовъ высшей власти, но основывалось на сдѣланныхъ послѣдними распоряженіяхъ. Такъ онъ заявляетъ, что Московскимъ Генераль-Губернаторомъ ему было разрѣшено выдать квартирныя деньги городовымъ изъ ассигнованныхъ на обмундированіе, а отношеніемъ Министерства Вн. Дѣлъ отъ 8 мая 1906 г. № 7002 на имя названнаго Генераль-Губернатора было разъяснено, что издержки на довольствіе усиленныхъ нарядовъ воинскихъ чиновъ полиціи могутъ быть покрыты изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава городской полиціи. Такимъ образомъ, вся вина Генераль-маіора Рейбота сводится лишь къ тому, что этому разъясненію Министерства Вн. Дѣлъ онъ далъ распространительное толкованіе. Останавливаясь далѣе на обвиненіи въ превышеніи власти, проявившемся въ злоупотребленіяхъ чрезвычайными полномочіями, ген.-маіоръ Рейботъ заявляетъ, что всѣ тѣ мѣры которыя ему вмѣняются предварительнымъ слѣдствіемъ, какъ превышеніе власти, были вызваны условіями общественной и государственной жизни, при которыхъ ему пришлось дѣйствовать, и, ссылаясь на минувшее тревожное время, онъ говоритъ, что, дѣлая тѣ или инныя распоряженія въ порядкѣ положенія обь усиленной и чрезвычайной охранѣ, онъ, бывш. Московскій Градоначальникъ, руководствовался единственной цѣлью—охранить порядокъ въ древней русской столицѣ—Москвѣ, напр., онъ налагалъ строгія взыскапія на извозчиковъ, до ареста лошади и сбруи включительно. Та-

кой случай, между прочимъ, имѣлъ мѣсто съ извозчикомъ Сапожниковымъ. Принять такую мѣру онъ, Рейботъ, вынужденъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что у этого извозчика и сѣдоковъ были найдены револьверы. Въ Москвѣ же были случаи, что экспроприаторы скрывались отъ преслѣдованія полиціи при помощи извозчиковъ-лихачей. Случай наложенія взыскапія на этого извозчика былъ опубликованъ въ печати и не вызывалъ протеста со стороны Генераль-Губернатора. Возражая на предъявленное ему обвиненіе по дѣлу Савельева, котораго онъ не только заключилъ подъ стражу безъ достаточныхъ къ тому основаній, но и сообщилъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія о его политической неблагонадежности, ген.-маіоръ Рейботъ объясняетъ, что основаніемъ для принятія противъ Савельева означенной мѣры послужилъ фактъ заявленія дворянки Ланской о томъ, что этотъ Савельевъ увезъ съ несовершеннолѣтнюю дочь въ Москву съ цѣлью тамъ съ нею обвѣнчаться. Оцѣнивая это свое распоряженіе съ точки зрѣнія его соотвѣтствія съ тѣми полномочіями, которыми надѣлялъ законъ его, Рейбота, для борьбы исключительно съ крамолой, бывш. Московскій Градоначальникъ утверждаетъ, что иначе онъ дѣйствовалъ и не могъ, не рискуя быть обвиненнымъ въ бездѣйствіи власти. Не отрицая далѣе того факта, что по его, Рейбота, распоряженію Савельевъ былъ заключенъ подъ стражу, обвиняемый заявляетъ, что онъ, на основаніи ст. 21 Пол. обь охранѣ, на это имѣлъ несомнѣнное право, такъ какъ названное лицо было предположено къ высылкѣ. Не опровергая также и тѣхъ установленныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, что онъ, Рейботъ, какъ въ постановленіяхъ своихъ отъ 4 и 10 ноября, такъ равно и въ отношеніи на имя Московскаго Губернатора удостовѣрялъ, что о Савельевѣ имѣются свѣдѣнія, дающія основанія признать его вреднымъ для общественнаго порядка и спокойствія, бывш. Московскій Градоначальникъ тѣмъ не менѣе въ своемъ объясненіи, возражая противъ предъявленнаго по этимъ обстоятельствамъ обвиненія по 362 ст. Улож. о нак., не приводитъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, чтобы въ его распоряженіи имѣлись какія-либо свѣдѣнія о политической неблагонадежности названнаго лица. Слѣдуя такимъ обвиненіемъ, предъявленнымъ къ ген.-маіору Рейботу, является обвиненіе по 377 ст. Улож. о нак. Отвѣчая на это обвиненіе и именно въ отношеніи вымогательства неуставленныхъ закономъ сборовъ съ ассенизаторовъ, бывшій Московскій Градоначальникъ объясняетъ, что онъ былъ вынужденъ противъ этихъ лицъ принять строгія мѣры, такъ какъ они грязнили г. Москву, не считаясь съ требованіями полиціи, удостовѣряя при этомъ, что распоряженія обь очистаніи ассенизаціонныхъ обозовъ въ случаяхъ, когда обнаруживалось умышленное разлитіе нечистотъ, онъ дѣлалъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлагалъ содержателямъ этихъ обозовъ или ждатъ назначенія повѣрочнаго осмотра бочекъ, или же сдѣлать добровольно взносъ въ какое-либо благотворительное учрежденіе по ихъ выбору, но уполномочія полк. Короткому дѣлать такія предложенія ассенизаторамъ онъ не только никогда не давалъ, но и просилъ его не вмѣшиваться вовсе въ дѣла благотворенія, причѣмъ Короткій, налагая на виновныхъ взыскапія, дѣйствовалъ безъ его вѣдома. Относительно же случая наложенія взыскапія на личнаго почетнаго гражданина Масленникова, ген.-маіоръ Рейботъ излагаетъ очень подробно обстоятельство этого дѣла. Личн. поч. гр. Масленниковъ въ ресторанѣ произнесъ оскорбительныя выраженія по адресу боевого офицера. Въ виду того, что со времени Русско-Японской войны создались обостренныя отношенія къ офицерамъ со стороны нѣкоторыхъ слоевъ русскаго общества, бывш. Московскій Градоначальникъ особенно строго отнесся къ описанному случаю. Карать Масленникова въ порядкѣ административномъ было нельзя, такъ какъ въ это время еще не было издано обязательнаго постановленія, предусматривающаго оскорбленія лицъ должностныхъ и воинскаго званія, поэтому онъ, Рейботъ, и останавливается на принудительномъ взыскапіи 500 руб. съ Масленникова въ пользу капитала имени гр. Шувалова, находя, что высылка изъ Москвы этого лица являлась бы мѣрой слишкомъ суровой. Рейботъ, по его словамъ, обь этомъ дѣлѣ предварительно докладывалъ Московскому

Генераль-Губернатору и лично предполагал оштрафовать Масленникова на 100 руб., но Генераль-Губернатор признал нужным повсичить эту сумму до 500 руб. Эти данные, по мнѣнію ген.-маіора Рейбота, должны освободить его отъ отвѣтственности за принудительное взысканіе съ Масленникова неустановленнаго въ законѣ сбора на благотворительность. Кромѣ изложеннаго предварительнымъ слѣдствіемъ, между прочимъ, было установлено, что бывш. Московскій Градоначальникъ Рейботъ въ цѣляхъ воздѣйствія на крест. Ермолаева, предъявившаго къ Управленію Московскаго Градоначальника гражданскій искъ, наложилъ на него высшее административное взысканіе, чѣмъ принудилъ довѣрительницу Ермолаева, его мать, къ отказу отъ предъявленнаго иска и къ измѣненію договорныхъ отношеній, существовавшихъ между Ермолаевыми и Московской полиціей по арендованію послѣдней помѣщенія названныхъ лицъ. Предъявленное обвиненіе ген.-маіору Рейботъ пробуетъ анулировать такими соображеніями: 1) на основаніи предоставленныхъ ему чрезвычайныхъ полномочій онъ могъ на Ермолаева наложить административное взысканіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онъ въ дѣйствительности это сдѣлалъ, такъ какъ въ домѣ Ермолаева оказались нѣкоторые проживавшія тамъ лица непрописанными; такимъ образомъ, это распоряженіе Рейбота разсматриваемое внѣ зависимости отъ тѣхъ предположеній, какия приписываются ему, Рейботу, обвиненіемъ, является вполне законнымъ; и 2) что утвержденіе о томъ, что эта мѣра была принята имъ въ цѣляхъ принужденія Ермолаева, къ отказу отъ иска ни на чемъ не основано, и опровергается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что иска этого не было основаній опасаться, такъ какъ гражданскимъ судомъ было бы въ немъ Ермолаеву отказано. Далѣе, по поводу обвиненія въ вымогательствѣ съ содержателей ресторановъ Кучерова и Рубцова денежныхъ суммъ подъ угрозой стѣсненія торговли, ген.-маіору Рейботъ утверждаетъ, что въ его дѣйствіяхъ не заключается признаковъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній. Принять мѣры воздѣйствія противъ ресторана перваго изъ названныхъ лицъ онъ былъ вынужденъ въ виду жалобъ на развращающее вліяніе этого заведенія. Сначала онъ думалъ запретить дивертисментъ, но опасаясь гражданскаго иска со стороны Кучерова, остановился на ограниченіи ночной торговли, тѣмъ болѣе, что эта мѣра могла быть принята лишь по согласенію съ Управляющимъ Акцизными Сборами. Но засимъ, когда самъ Кучеровъ пошелъ на встрѣчу и согласился отказаться отъ дивертисмента ради сохраненія поздней торговли, онъ, Градоначальникъ, по согласенію съ Управленіемъ Акцизными Сборами, оставилъ позднюю торговлю, но закрылъ дивертисментъ. Денежный взносъ на благотворительность Кучеровымъ былъ внесенъ послѣ состоявшагося распоряженія. Второй—Рубцовъ также внесъ на благотворительность, но это было сдѣлано безъ притѣсненій со стороны его, Рейбота. И взносъ этотъ не имѣлъ вліянія на разрѣшеніе о переводѣ принадлежащаго этому лицу ресторана изъ 2-го въ 1-й разрядъ. Генераль-маіоръ Рейботъ въ своемъ объясненіи не отрицаетъ, что Рубцовъ нѣсколько разъ обращался съ этимъ ходатайствомъ, а онъ Рейботъ, ему въ этомъ отказывалъ; мотивами для отказа служили: во-первыхъ мнѣніе Управляющаго Акцизными Сборами о нежелательности удовлетворенія ходатайства Рубцова, а во-вторыхъ, стремленіе самого Рейбота—уберечь Сокольники отъ развитія разгула. Но убѣдившись впоследствии изъ разсмотрѣнія плана города, что ресторанъ Рубцова не будетъ опасенъ для Сокольниковъ, онъ далъ разрѣшеніе на переводъ его въ 1-й разрядъ. Относительно обвиненія въ вымогательствѣ съ содержателей домовъ свиданій—Егорова, Никитина и Барашкова, бывш. Московскій Градоначальникъ даетъ подробное объясненіе. Онъ говоритъ, что у него было твердое и обдуманное намѣреніе закрыть эти дома, поэтому онъ и не давалъ разрѣшенія на 1906 г.; дать же распоряженіе о закрытіи онъ не рѣшался, опасаясь гражданскаго иска, въ виду чего онъ, Рейботъ, думалъ добиться закрытія въ судебномъ порядкѣ. Предпринятыми чинами полиціи обходами были установлены неурядки въ этихъ домахъ—непрописка пребывавшихъ тамъ лицъ,—но Мировой Судья не вынесъ по этому желательнаго приговора и попытка, такимъ образомъ,

успѣха не имѣла. А затѣмъ этимъ дѣломъ заинтересовываются: бывшій Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ Д. Ф. Треновъ, къ которому съ просьбой о заступничествѣ обратились содержатели домовъ свиданій, и канцелярія Генераль-Губернатора, отъ которой послѣдовалъ запросъ сообщить, въ связи съ полученнымъ письмомъ отъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ген.-маіора Д. Ф. Тренова, мотивированное объясненіе по вопросу о закрытіи домовъ свиданій. Эти данныя убѣдили его, ген.-маіора Рейбота, въ бесполезности предпринятой борьбы, и резолюціи на перепискѣ по этому вопросу „закрыть“, замѣнились: „къ дѣлу“. Эта переписка, по словамъ обвиняемаго, имѣла мѣсто за нѣсколько дней до покушенія, а слѣдовательно, и до взноса Барашковымъ, Егоровымъ и Никитинымъ 10000 руб. въ пользу благотворительнаго общества при Московскомъ градоначальствѣ, возникшаго въ память избавленія ген.-маіора Рейбота отъ грозившей опасности. Такимъ же результатомъ кончилась борьба и съ клубнымъ азартомъ, который онъ засталъ въ г. Москвѣ при вступленіи на должность Градоначальника. Онъ, ген.-маіоръ Рейботъ, также хотѣлъ искоренить послѣдній, и съ этой цѣлью въ представленіи своемъ отъ 2 февраля 1906 г. за № 2829 на имя Московскаго Генераль-Губернатора испрашивалъ разрѣшенія о запрещеніи азартныхъ игръ одновременно во всѣхъ клубахъ, но скоро увидѣлся, что это невозможно, такъ какъ клубы имѣли сильную и вліятельную поддержку. Тогда онъ, руководствуясь данными указаніями Генераль-Губернатора, остановился на мысли упорядочить клубный азартъ. Въ этихъ цѣляхъ былъ запрещенъ входъ въ клубы женщинамъ, былъ установленъ строгій надзоръ за посѣтителями, введено правило не назначать игръ ранѣе 8 час. вечера и не позднѣе 6 час. утра, вопросъ объ открытіи новыхъ клубовъ былъ поставленъ въ зависимость отъ Присутствія объ обществахъ и союзахъ, и обращено особое вниманіе на тѣ клубы, гдѣ карточный азартъ получилъ особенно широкое развитіе. При этомъ ген.-маіоръ Рейботъ обращаетъ вниманіе на то, что имъ не дѣлалось исключенія для тѣхъ клубовъ, которые вносили суммы на благотворительность. Такъ, ссылаясь на показаніе пом. Градоначальника Климовича, онъ удостовѣряетъ, что послѣднему онъ поручалъ обратить вниманіе на спортивный и охотничій клубы, опасаясь, что внося деньги на полицейскій пріемный покой, они не стали бы считать себя на привилегированномъ положеніи. Далѣе, бывш. Градоначальникъ удостовѣряетъ, что тѣ клубы, въ которыхъ были констатированы особыя нарушенія, напр., общественное собраніе, русское собраніе и др., имъ закрывались, и эта мѣра приводилась внѣ зависимости отъ того, дѣлали ли эти клубы взносы на благотворительность или нѣтъ, напр., старшина общественного собранія Лазаревъ предлагалъ денежное пожертвованіе на благотворительность, но его не принималъ, ни онъ, Рейботъ, ни полк. Короткій, такъ удостовѣряетъ это въ своемъ объясненіи обвиняемый бывш. Московскій Градоначальникъ. Ссылаясь онъ еще на трудность борьбы съ клубнымъ азартомъ и притомъ и приводитъ слѣд. фактъ:—по случаю закрытія общественного собранія объ немъ, Рейботъ, производилось дознаніе и онъ вынужденъ былъ давать словесное и письменное объясненія. Но давая вышеприведенныя объясненія, ген.-маіоръ Рейботъ вмѣстѣ съ тѣмъ не отрицаетъ того факта, что узнавъ изъ рапорта участковаго пристава отъ 26 марта 1907 г., что въ преображенско-семеновскомъ клубѣ были обнаружены играющіе въ 7 час. 15 мин., онъ, Градоначальникъ, никакихъ мѣръ въ отношеніи этого клуба не принималъ и единственно на томъ, какъ онъ выражается, формальномъ основаніи, что правила, запрещающія игру послѣ 6 час. утра, были установлены лишь 3 апрѣля того же 1907 г. Ссылаясь затѣмъ на показанія Кобрана, Сумбагова, Битта и др., бывш. Московскій Градоначальникъ старается установить два положенія: 1) что клубы и до него, Рейбота, жертвовали на благотворительность, и 2) что онъ не принималъ никакихъ мѣръ воздѣйствія или притѣсненія для понужденія клубовъ къ этимъ жертвованіямъ. Что же касается нѣмецкаго клуба, то ген. Рейботъ, пользуясь показаніемъ предсѣдателя старшинъ этого клуба Битта, утверждаетъ, что клубъ добровольно по инициативѣ названнаго Битта и по примѣру

прежних лѣтъ изъявил согласіе пожертвовать на благотворительность—на приемный полицейскій покой. Онъ же, обвиняемый, имѣя въ виду, что этотъ покой обезпеченъ былъ общаіемъ кн. Сумбатова внести въ его пользу 3000 руб. отъ литературно-художественнаго клуба, испросилъ у Битта согласіе на раздачу внесенныхъ нѣмецкимъ клубомъ денегъ нуждающимся лицамъ по его, Рейнбота, усмотрѣнію. Просьба эта была заявлена Битту при первомъ его посѣщеніи, но онъ просилъ въпредъ до переговоровъ его съ правленіемъ клуба иначе редактировать росписки въ полученіи денегъ на приемный покой. Отрицая не только наличность воздѣйствія на старшинъ клуба въ смыслѣ склоненія ихъ жертвовать на благотворительность, но какого бы то ни было пристрастнаго отношенія къ нѣмецкому клубу, обвиняемый приводитъ въ своемъ объясненіи доводы, подрывляющіе эти его утвержденія. Доводы эти слѣд.: 1) имъ, Рейнботомъ, были даваемы распоряженія относительно неупорядковъ въ названномъ клубѣ, но слѣдовъ этихъ распоряженій въ дѣлопроизводствѣ канцеляріи Градоначальника не осталось, вѣроятно, они были устными, но указаніе на эти распоряженія можно усмотрѣть изъ газеты „Русское Слово“, въ № 292 которой за 1906 г. отъ 1 декабря имѣется такая замѣтка: „въ виду полученія свѣдѣній объ азартѣ, развившемся въ нѣмецкомъ клубѣ и о происшедшихъ тамъ скандалахъ Градоначальникъ распорядился о воспрещеніи ему азартныхъ игръ“. По приводя эту выдержку, ген. Рейнботъ заявляетъ, что было ли такое распоряженіе, онъ, бывшій Градоначальникъ, не помнитъ. 2) Въ 1907 г. Биттомъ было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи начинать игру въ клубѣ ранѣе 8 час. вечера. Но это ходатайство, согласно заключенію его, Рейнбота, было Присутствіемъ общаества и союзамъ отклонено. Приводя послѣдній фактъ, ген. Рейнботъ останавливаетъ вниманіе на одной подробности, а именно: при прошеніи Битта былъ приложенъ списокъ дѣлаемыхъ взносовъ на благотворительность, причемъ въ списокъ этомъ не значились взносы, получаемые имъ, Рейнботомъ, каковое обстоятельство, по собственному признанію обвиняемаго произвело на него „впечатлѣніе совершенно отрицательное“, и онъ самъ доложилъ Присутствію о получаемыхъ взносахъ. Тѣмъ же пріемомъ, т. е. ссылкой на свидѣльскія показанія и попытками ихъ опорочить, ген.-маіоръ Рейнботъ доказываетъ отсутствіе въ его дѣйствіяхъ въ отношеніи принятія отъ клубовъ денежныхъ взносовъ признаковъ преступленія, караемаго по 377 ст. Улож. о нак., ген.-маіоръ Рейнботъ замѣчаетъ, что поступающія суммы на благотворительность не вносились въ книги переходящихъ суммъ, во-первыхъ въ виду того, что канцелярія Градоначальника являлась въ этомъ случаѣ лишь передаточной инстанціей, а во-вторыхъ, такой порядокъ находитъ себѣ оправданіе въ ст. 111—114 гл. 3 Общ. Счет. Уст. Неосновательными также, по словамъ ген. Рейнбота, являются и обвиненія его въ присвоеніи. Такъ, останавливаясь на вмѣняемомъ ему присвоеніи внесенныхъ Бирюковымъ 5000 руб. денегъ, бывш. Московскій Градоначальникъ удостовѣряетъ, что эти деньги онъ получилъ не какъ Градоначальникъ, а какъ членъ благотворительнаго при градоначальствѣ общаества. Взносъ былъ полученъ 5-ю свидѣльствами 4% ренты по 1000 руб. каждая. Для удобства онъ, Рейнботъ, замѣнилъ эти свидѣтельства однимъ въ 5000 руб. и внесъ его въ благотворительное общаество до истеченія перваго отчетнаго года и ранѣе израсходованія выданной ему, какъ члену общаества, квитанціонной книжки. По этимъ соображеніямъ онъ не можетъ нести отвѣтственность по 354 ст. Улож. о нак. Что же касается другихъ случаевъ вмѣняемыхъ растратъ—остатка отъ суммы въ 3460 р., полученныхъ отъ Генераль-Губернатора на полицейскій резервъ, типографскихъ суммъ, пожертвованныхъ на благотворительность по усмотрѣнію—бывш. Московскій Градоначальникъ говоритъ нижеслѣдующее: 18 іюня 1906 г. онъ, Рейнботъ, былъ вызванъ Министромъ Вн. Дѣлъ, который по поводу предполагавашагого роспуска Государственной Думы спросилъ, можетъ ли онъ, Градоначальникъ, поручиться за сохраненіе въ Москвѣ спокойствія и, получивъ утвердительный отвѣтъ, приказалъ принять всѣ предупредительныя мѣры и организовать широкую развѣдочную службу. Возложивъ организацію этого дѣла на помощн. Градоначальника Макарова,

онъ, Рейнботъ, употребилъ на этотъ предметъ часть денегъ, переданныхъ ему на благотворительность частными лицамъ, и остатокъ отъ суммы (3460 руб.), ассигнованной ему Генераль-Губернаторомъ для нуждъ Московскаго полицейскаго резерва. Испрашивать въ это время у кого-либо разрѣшенія на обращеніе означеннаго остатка для указанной надобности онъ не могъ, такъ какъ въ Москвѣ уже не было тогда Генераль-Губернатора, и самъ онъ, обвиняемый, по чрезвычайной охрѣатъ пользовался правами Главноначальствующаго. Что же касается расходованія на развѣдочную часть пожертвованій, внесенныхъ частными лицами на благотворительность, то, не имѣя въ своемъ распоряженіи денегъ на личную агентуру, онъ признавалъ себя въ правѣ тратить на это означенныя суммы, такъ какъ, съ одной стороны, представители бѣговаго общаества Оконишниковъ и Пейчъ внесли деньги въ полное его распоряженіе, а съ другой—онъ считалъ лицъ, занимавшихся агентурою, сотрудниками полиціи. Такимъ образомъ, кромѣ 7000 руб., переданныхъ приста-ву Штанкову, у котораго въ участкѣ находился университетъ, онъ истратилъ на агентуру въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сумму отъ 2000 до 2500 руб. Независимо отъ сего, выдавая ночнымъ сторожамъ и другимъ лицамъ награды и пособія изъ 12000-го кредита, отпускаяшагося ему ежегодно въ безотчетное распоряженіе, онъ израсходованнымъ такимъ образомъ деньги возмѣщалъ себѣ, удерживая ихъ изъ благотворительныхъ суммъ, постунавшихъ въ его распоряженіе, каковой зачетъ сталъ производиться приблизительно съ марта 1906 г. Количество выданныхъ денегъ онъ, Рейнботъ, опредѣлить не можетъ, равно какъ не можетъ указать и разбѣровъ суммъ, которыя были израсходованы имъ лично на выдачу пособій просителямъ во время пріемовъ въ градоначальствѣ, но утверждаетъ что эти суммы не меньше тѣхъ, которыя были розданы его помощниками, и что не только всѣ деньги, переданныя ему на благотворительность разными лицамъ, были употреблены по назначенію, но, кромѣ того, имъ была израсходована на этотъ же предметъ значительная сумма изъ его личныхъ средствъ, причемъ, представленные имъ документы служатъ лишь примѣрнымъ указаніемъ на характеръ и разбѣры его расходовъ на благотворительность. Затѣмъ, что касается 12-ти-тысячнаго кредита, отпускаяшагося ему по смѣтѣ въ безотчетное распоряженіе, то онъ смотрѣлъ на этотъ кредитъ, какъ на дополнительное содержаніе, почему считалъ себя въ правѣ всю эту сумму тратить на свои личные расходы; притомъ же и бывш. чиновникъ Департамента Полиціи Макаровъ еще до назначенія его, Рейнбота, на должность Градоначальника, въ письмѣ сообщилъ ему, что Московскій Градоначальникъ получаетъ содержаніе въ разбѣрѣ 26000 руб., въ томъ числѣ 12000 руб. въ безотчетное распоряженіе. По вступленіи въ должность Градоначальника, онъ, Рейнботъ, ввѣлъ типографію при градоначальствѣ, обремененную долгами, и при открытіи новаго отдѣленія этой типографіи, въ дѣйствительности истратилъ около 800 руб. для устраненія различныхъ треній и полученія крупныхъ заказовъ, но указать лицъ, чрезъ которыхъ были произведены такіе расходы, онъ не можетъ, не нарушивъ этимъ коммерческой тайны. Передачи ему полк. Короткимъ 3200 руб., полученныхъ послѣднимъ 23 дек. 1906 г. отъ завѣдываваго дѣлами типографіи Зубатова, онъ совершенно не помнитъ и никогда не уполномочивалъ Короткаго на вмѣшательство въ какія-либо дѣла типографіи; въ данномъ же случаѣ не представлялось никакой надобности брать отъ Зубатова означенныя деньги, такъ-какъ о предстоящемъ на слѣдующій день возвращеніи въ Москву Градоначальника Короткому было извѣстно. Наконецъ, что касается той же типографіи, то для него, Рейнбота, было большою неожиданностью, когда, послѣ подсчета всѣхъ суммъ Зубатовымъ и составленія отчетности, онъ узналъ, что не типографіи ему должна около 3000 руб., какъ онъ ранѣе въ этомъ былъ увѣренъ, а за нимъ, Рейнботомъ, числилось свыше 1000 руб., каковую сумму онъ тогда же внесъ сполна, выдавъ Зубатову чекъ на пополненіе этихъ денегъ. Такъ, защищая себя, ген.-маіоръ Рейнботъ кромѣ того отрицаетъ свою солидарность съ полк. Короткимъ, и ссылается на показанія Ховена и Климовича, утверждая, что онъ протестовалъ противъ способовъ, практикуемыхъ

Коротким для сбора пожертвований на благотворительность.

II) Бывший пом. Градоначальника, полк. Короткий, при допросах, в качестве обвиняемого, объяснил, что никакого воздействия и давления на жертвователей вообще он не оказывал, и что те суммы, которые были внесены через него, вручались ему совершенно добровольно и притом без всякого отношения к дѣлам, производившимся въ градоначальствѣ. Что же касается въ частности ассенизаторовъ и извозчиковъ, сдѣлавших взносы въ фондъ благотворительнаго общества при градоначальствѣ, то, не отрицая, что эти взносы были вынужденными, полк. Короткий заявилъ, что инициатива въ дѣлѣ оштрафованія означенныхъ лицъ въ пользу благотворительнаго фонда принадлежала не ему; что онъ самъ никакихъ новыхъ порядковъ въ этомъ отношеніи не устанавливалъ и руководствовался распоряженіями ген. Рейнбота. Съ обязанностями своей службы и правилами по примѣненію обязательныхъ постановленій онъ знакомъ не былъ. По назначеніи на должность пом. Градоначальника, онъ, обвиняемый, старался найти какую-либо инструкцію, въ которой была бы указана его компетенція, но старанія эти оказались безуспѣшными. Потому, если на его распоряженіе что-либо отдавалось, то онъ считалъ себя въ правѣ распорядиться. Дѣлалъ ли онъ распоряженія объ опечатаніи ассенизационныхъ обзоровъ впродъ до взноса хозяевами ихъ штрафа, не помнитъ; выясняется ли подобная мѣра закононою—не знаетъ, но самый вопросъ о законности подобнаго распоряженія никогда не пришелъ бы ему въ голову. Порядокъ же наложенія штрафовъ на ассенизаторовъ практиковался такой: послѣ общаго пріема въ градоначальствѣ экзекуторъ Матвѣевъ приносилъ ему въ кабинетъ рапортички о лицахъ, нарушившихъ обязательныя постановленія. Выслушивая доклады Матвѣева и не читая бумагъ, онъ, по подсказу докладчика, писалъ резолюціи, отмѣчая размеръ штрафа на свыше 50 р. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Обо всѣхъ же болѣе выдающихся случаяхъ онъ докладывалъ ген. Рейнботу, который либо самъ писалъ резолюціи на рапортички, либо давалъ ему словесно приказаніе о наложеніи штрафа. Подвергнутыхъ штрафу ассенизаторовъ и извозчиковъ онъ направлялъ къ казначею градоначальства и, что происходило затѣмъ, не знаетъ, а потому не можетъ объяснить, какимъ образомъ эти штрафы попали въ благотворительный фондъ. Припоминаетъ, впрочемъ, что экзекуторъ Матвѣевъ объяснилъ ему, что эти штрафы идутъ въ благотворительный фондъ, но онъ никакого значенія этому не придавалъ, такъ какъ законное назначеніе подобныхъ штрафовъ ему было неизвѣстно. Ассенизаторъ Степановъ былъ оштрафованъ, по распоряженію ген. Рейнбота, но могъ внести только 150 руб. Тогда, по совѣту кого-то, онъ, Короткий, разсрочилъ уплату и собственноручно поставилъ цифры „200“ и „100“ на выданномъ Степановымъ обязательствѣ. По поводу суммы 10000 руб., внесенной въ благотворительный фондъ содержателями домовъ свиданій Никитинымъ, Барашковымъ и Егоровымъ, припоминаетъ, что когда лица эти явились къ нему, въ сопровожденіи сажожника Стволова, и предложили свое пожертвованіе, то онъ тотчасъ же доложилъ объ этомъ ген. Рейнботу, который приказалъ принять деньги. Однажды къ нему, Короткому, явились три содержательницы квартиръ свиданій, въ качествѣ представительницъ отъ всѣхъ владѣльцевъ такихъ заведеній, и просили его ходатайствовать предъ ген. Рейнботомъ о разрѣшеніи имъ продолжать содержаніе квартиръ до весны. По извѣщенію на это Рейнботомъ согласія, о такомъ распоряженіи онъ извѣстилъ по телефону одновременно всѣхъ приставовъ. Означенное ходатайство не находилось въ связи съ внесеніемъ содержательницами квартиръ пожертвований, которыя вносились добровольно и по принятіи немедленно передавались казначею, причемъ нѣкоторые изъ жертвовательницъ уходили, не дожидаясь полученія квитанцій. Сначала эти взносы записывались въ книгу съ обозначеніемъ вносящихъ ихъ лицъ, а потомъ, когда было признано неудобнымъ указывать ихъ фамиліи, въ книгѣ стали записывать эти деньги анонимно, какъ взносы отъ обывателей г. Москвы. Содержателей меблированныхъ комнатъ Васильева, Русанова и др.

онъ никогда не принуждалъ къ пожертвованіямъ и порученій по этому поводу Начальнику сыскаго полціи Мойсенко не дѣлалъ. По поводу владѣльцевъ ресторановъ припоминаетъ, что по жалобамъ какихъ-то женщинъ на то, что ихъ мужья проигрались въ биксы въ двухъ ресторанахъ, онъ оштрафовалъ содержателей по-сѣднихъ, но не говорилъ имъ, что штрафуетъ въ пользу благотворительнаго общества. При этомъ одинъ изъ нихъ страшно разсердился, заявивъ, что онъ никогда штрафа не былъ. Тогда обвиняемый сказалъ, что онъ не штрафуетъ, и рестораторъ самъ вызвался внести пожертвованіе на благотворительность. Распоряженіе о сокращеніи торговли въ ресторанѣ Иванова онъ, Короткий, сдѣлавъ во время исполненія временно обязанностей Градоначальника, а отъ владѣльца ресторана Скалкина получилъ пожертвованіе лишь въ размѣрѣ 500 руб., какъ это записано въ денежной книгѣ. Спустя нѣкое время послѣ взноса денегъ Скалкинымъ, онъ, Короткий, вслѣдствіе обращенія къ нему одного изъ приставовъ разрѣшилъ Скалкину торговлю до 5 час. утра, но лишь временно до возвращенія ген. Рейнбота, который въ это время находился въ отсутствіи. Такое разрѣшеніе было дано на словахъ, и онъ не помнитъ, чтобы Скалкинъ обращался къ нему по означенному поводу съ прошеніемъ; если же это было такъ въ дѣйствительности, и на прошеніи имъ положена резолюція, то онъ объясняетъ это „подвохомъ“, т. е. тѣмъ, что ему подосунули прошеніе и сказали, что такую резолюцію можно положить. По поводу оштрафованія владѣльца мастерской и магазина фотографическихъ принадлежностей Алексѣева онъ припоминаетъ, что послѣ посѣщенія этой мастерской онъ вызвалъ хозяина ея въ градоначальство и приказалъ уничтожить мастерскую, такъ какъ послѣдняя представляла изъ себя свалку стружекъ, досокъ и другого горючаго матеріала и угрожала явной опасностью въ пожарномъ отношеніи. Объяснивъ Алексѣеву о наложеніи на него штрафа, онъ не говорилъ, что штрафуетъ на благотворительность. Къ дѣламъ о клубахъ онъ, Короткий, прямого отношенія по службѣ не имѣлъ, а исполнялъ только отдѣльныя порученія Градоначальника по посѣщенію клубовъ для наблюденія, не происходитъ ли тамъ крупная азартная игра; удовлетвореніе же разныхъ ходатайствъ представительницъ клубовъ зависѣло отъ ген. Рейнбота, и самъ онъ, обвиняемый, распоряженій о запрещеніи карточныхъ игръ дѣлать не могъ. Послѣ посѣщенія музыкальнаго собранія онъ обращается по поводу этого клуба съ какимъ-то ходатайствомъ къ ген. Рейнботу, но рѣшительно не помнитъ, было ли внесено чрезъ него старшинами собранія какое-либо пожертвованіе, при чемъ взносъ такового удивляетъ его тѣмъ болѣе, что при немъ старшины жаловались на бѣдность клуба, который, по ихъ словамъ, не въ состояніи былъ даже выплатить жалованье прислугѣ. Иванъ Макаresco, дѣйствительно, являлся къ нему и по собственному желанію, просилъ принимать отъ него пожертвованія, объяснивъ при этомъ, что часть жертвуемыхъ денегъ онъ вноситъ на благотворительное общество, а часть на благотворительность по усмотрѣнію его, Короткаго. Вслѣдствіе сего часть денегъ, которая раза три привозилъ Макаresco, онъ вносилъ въ означенное общество, а часть роздалъ на пріемахъ просителямъ. Привозилъ ли Иванъ Макаresco къ нему своего брата Николая и жертвовалъ ли послѣдній что-либо на благотворительное общество, онъ не помнитъ, но утверждаетъ, что на квартирѣ у него Николай Макаresco не былъ, и принять послѣднато онъ, Короткий, не рѣшился бы, зная, что Макаresco пользуется дурною репутацией. Такого случая, чтобы во время исполненія имъ, обвиняемымъ, обязанностей Градоначальника онъ временно отмѣнилъ запрещеніе азартной игры въ музыкально-драматическомъ кружкѣ, въ дѣйствительности никогда не было, причемъ личность старшины этого кружка Могилевича ему совершенно неизвѣстна и денегъ отъ него онъ никогда не получалъ. Наконецъ, по поводу обстоятельство, сопровождавшихъ самое учрежденіе благотворительнаго фонда на пріютъ для престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей, полк. Короткий объяснилъ, что начало благотворительному фонду было положено первыми жертвователями, попросившими обратить ихъ взносы на указанную цѣль. О предложеніи жертвователей было

доложено ген. Рейнботу, который къ идеѣ образованія указанного фонда отнесся весьма сочувственно.

По соображенію всѣхъ изложенныхъ выше обстоятельствъ дѣла и принимая во вниманіе: 1) что фактическая сторона предъявленныхъ къ ген.-маіору Рейнботу и полк. Короткому нижеуказанныхъ обвиненій данными предварительнаго слѣдствія въ достаточной мѣрѣ подтверждена; 2) что умышленное нарушеніе установленныхъ закономъ кассовыхъ правилъ и правилъ о назначеніи денежныхъ выдѣлъ, а равно и подписаніе ассигновокъ, заключающихъ въ себѣ указанія, несоотвѣтствующія дѣйствительности въ отношеніи назначенія упомянутыхъ въ нихъ выдѣлъ, не сопроваждавшіяся, однако, корыстными цѣлями, надлежитъ разсматривать какъ преступленія, предусмотрѣныя 338 и 341 ст. Улож. о нак.; 3) что превышеніе власти, послѣдствіемъ котораго было лишеніе свободы въ той или другой формѣ, составлять преступленіе предусмотрѣнное кромѣ 338, 341 еще и 348 ст. Улож. о нак.; 4) что превышеніе власти, учиненное съ намѣреніемъ совершить всякое иное преступленіе, въ дѣйствительности совершившееся, должно быть карасемо по правиламъ о совокупности преступленій, какъ то видно изъ смысла 342 ст. Улож. о нак.; 5) что всякое лихоимство, совершенное при наличности одного изъ условий, указанныхъ въ 377 ст. Улож. о нак., должно быть признаваемо вымогательствомъ, карасемымъ по 378 ст. Улож. о нак., болѣе или менѣе строго въ зависимости отъ характера средствъ принужденія, коими вымогатель пользовался; 6) что въ силу 374 ст. Улож. о нак. лихоимствомъ признается и такое нарушеніе служебныхъ обязанностей, которое учинено, хотя и не для собственной корысти, но для доставленія противозаконной прибыли кому бы то ни было, причемъ въ законѣ этомъ не сдѣлано исключенія въ отношеніи юридическихъ лицъ; 7) что уплата денегъ на то или иное благотворительное учрежденіе, вызванная служебнымъ притѣсненіемъ или страхомъ такового, составляетъ незаконную прибыль даннаго благотворительнаго учрежденія, имѣющаго законное право получать лишь добровольныя пожертвованія и 8) что полученіе должностнымъ лицомъ денегъ на благотворительность по его усмотрѣнію не устраняетъ обязанности даннаго должностнаго лица записывать въ вѣрныя ему этого рода пожертвованія на приходъ по книгамъ переходящихъ суммъ, а посему и руководствуясь 3 п. 1066, 3 п. 1088 и 6 къ ней примѣч., 1075, 1105, 1107 и 207 ст.ст. Уст. Уг. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: бывшихъ Московскаго Градоначальника, нынѣ отставнаго Генералъ-Маіора Анатолія Анатоліевича Рейнбота, 40 лѣтъ, и Помощника Градоначальника, нынѣ отставнаго Гвардіи Полковника Владимира Аполлоновича Короткаго, 45 лѣтъ, предать суду Судебнаго Присутствія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей, по обвиненію ихъ въ томъ, что, состоя въ означенныхъ должностяхъ, Рейнботъ съ 14 января 1906 г. по 26 ноября 1907 г., а Короткій съ 12 сентября 1906 г. по 8 марта 1907 г.

1. Изъ нихъ первый—Рейнботъ: 1) зная, что въ состоявшей при немъ канцеляріи Московскаго Градоначальника допускается по счетной и казначейской части рядъ нарушеній кассовыхъ правилъ, выразившихся: а) въ поступленіи въ общую наличность казначейства канцеляріи и храненіи тамъ иногда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разныхъ денежныхъ суммъ, какъ-то: выписанныхъ заблаговременно изъ Губернскаго Казначейства для выдачи въ награды и пособія служащимъ, поступившихъ изъ Городской Управы на содержаніе пожарной команды, денежныхъ поступленій въ возвратъ сеудъ, выданныхъ домовладѣльцамъ на оборудованіе помѣщенія конно-полицейской стражи, переходящихъ, благотворительныхъ суммъ, залоговъ и т. п.; б) въ выдѣлѣ вѣн установленнаго порядка изъ неправильно возникшей, такимъ образомъ, въ канцеляріи Градоначальника денежной наличности различныхъ суммъ, въ видѣ авансовъ, въ томъ числѣ награды и пособій; в) въ выпискѣ изъ Губернскаго казначейства денежныхъ суммъ, предназначенныхъ на выдачу награды и пособій, а также для оплаты расходовъ по формированію и содержанію конно-полицейской стражи, ассигновками на имя казначей канцеляріи, а не на имя прямыхъ креди-

торовъ, и въ неправильномъ истребованіи изъ того же Казначейства по ассигновкамъ разныхъ суммъ „въ возвратъ выданныхъ“, съ обращеніемъ ихъ на пополненіе той же непредусмотрѣнной правилами наличности, онъ не только не принялъ съ своей стороны никакихъ мѣръ къ устраненію допущенныхъ безпорядковъ, но, въ превышеніе предоставленной ему власти, самъ утверждалъ своею подписью составленныя въ нарушеніе установленныхъ правилъ денежные требованія и ассигновки и отдавалъ иногда распоряженія о сдачѣ казенныхъ денегъ на храненіе въ частный банкъ, причемъ такимъ образомъ было сдано, по его приказанію, изъ означенныхъ денегъ на текущій счетъ Градоначальника въ Московскій Купеческій Банкъ въ октябрѣ 1906 г.—115000 руб., а въ ноябрѣ 1907 года—32470 руб.; 2) въ превышеніе предоставленной ему по закону власти и въ нарушеніе правилъ о назначеніи денежныхъ выдѣлъ по Министерству Вн. Дѣлъ, сдѣлалъ распоряженія о выдѣлѣ въ награды и пособія: а) въ 1906 г.—2825 руб. изъ суммъ, назначенныхъ по смѣтѣ на содержаніе канцеляріи Градоначальника, лицамъ, не принадлежащимъ къ составу этой канцеляріи, какъ-то: чинамъ сыскаго полиціи, конно-полицейской стражи, врачебно-полицейскаго управленія и т. п.; б) въ томъ же году—44119 руб. 70 коп. и въ 1907 г.—1413 руб. 30 коп. изъ ассигнованныхъ на содержаніе Городскихъ полиційскихъ управленій и наружной полиціи суммъ—лицамъ, не принадлежащимъ къ составу этихъ управленій, какъ-то: помощникамъ Градоначальника, чиновникамъ особыхъ порученій, дѣлопроизводителямъ канцеляріи и проч., и в) изъ суммъ, ассигнованныхъ на жалованье городовыхъ и десятникамъ въ 1906 г. и 1907 г.—294733 руб. 90 коп., кромѣ городовыхъ и околоточныхъ надзирателей, также разнымъ чинамъ Управленія и Канцеляріи Градоначальника, сыскаго полиціи, адресаго стола и т. п.; 3) въ превышеніе предоставленной ему по закону власти, по собственному усмотрѣнію расходовалъ отпускающіяся по смѣтѣ для опредѣленнаго назначенія казенныя денежные суммы на предметы, въ смѣтѣ непредусмотрѣныя, истребовавъ необходимыя для такихъ расходовъ деньги изъ Казначейства подъ видомъ пособій и награды служащимъ въ градоначальствѣ и полиціи, и, такимъ образомъ, выписавъ и израсходовалъ: а) по ассигновкѣ отъ 18 ноября 1906 г.—2200 руб. за счетъ остатковъ отъ смѣтныхъ ассигнованій по § 23 ст. 1 смѣты въ пособіе нѣкоторымъ чинамъ Управленія Градоначальника, а въ дѣйствительности для уплаты, по его распоряженію, подрядчику Михайлову части слѣдовавшихъ послѣднему денегъ за перестройку приспособленнаго подъ помѣщеніе особаго отдѣленія типографіи Градоначальника зданія, причемъ, въ оправдательномъ къ этой ассигновкѣ спискѣ удостоверилъ своею подписью назначеніе упомянутой денежной суммы въ пособіе чиновнику особыхъ порученій Эшингеру и технику Поликарпову; б) по ассигновкѣ отъ 2 декабря 1906 г.—555 руб. 55 коп. изъ того же кредита, обозначивъ въ ней что деньги эти назначены въ пособіе чиновнику особыхъ порученій Шереметеву, тогда какъ на самомъ дѣлѣ таковыя выписавшій въ возвратъ выданныхъ имъ, Рейнботомъ, помощнику дѣлопроизводителя Зубатову денегъ на расходы по той же типографіи, и в) по ассигновкѣ отъ 29 марта 1907 г. изъ особаго кредита, отпушеннаго на основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденаго 13 февр. 1906 г. мнѣнія Госуд. Совѣта, на выдачу въ исключительныхъ случаяхъ пособій чинамъ городской и уѣздной полиціи—1610 руб., съ указаніемъ въ оправдательномъ къ ассигновкѣ спискѣ, что деньги эти выданы въ пособіе на леченіе полицеймейстеру бар. Будбергу и приставу Кожину, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ означенная сумма была выписана подъ упомянутымъ предлогомъ, по его распоряженію, для пополненія проигранныхъ въ карты пом. пристава Симоновскаго уч. Федоровымъ казенныхъ денегъ; 4) получивъ для надлежащаго исполненія сообщеніе канцеляріи Московскаго Генералъ-Губернатора отъ 26-го февраля 1906 г. о послѣдовавшемъ со стороны Генералъ-Губернатора распоряженіи направитъ для разрѣшенія въ общемъ судебномъ порядкѣ дѣла о нарушеніяхъ обязательнаго постановленія по санитарной части содержателями ремесленныхъ заведеній Василіемъ Старковымъ, Константиномъ Гусевымъ,

Семеновъ Андреевымъ и др. въ числѣ 19 лицъ, оиъ, Рейнботъ, вопреки означенному предложенію, приказомъ по полиціи отъ 4 марта 1906 г., собственною властью, наложилъ на поименованныхъ лицъ денежные взыска- нія, въ размѣрѣ отъ 25 руб. до 100 руб. съ каждаго, каковой штрафъ со всѣхъ этихъ лицъ, за исключе- ніемъ Семена Андреева, былъ затѣмъ взысканъ; 5) въ превышеніе предоставленной ему по закону власти во время пребыванія въ гор. Москвѣ Генераль-Губернатора и вопреки изданнаго послѣднимъ 13 іюня 1897 г. обя- зательнаго постановленія, по силѣ коего лишеніе права занятія извознымъ промысломъ могло быть примѣняемо лишь къ тѣмъ, занимающимся означеннымъ про- мысломъ, лицамъ, которыя были ранѣе под- вергнуты 5 разъ въ теченіе одного года взысканіямъ за нарушенія обязательныхъ постановле- ній по этой части, оиъ, Рейнботъ, сдѣлавъ собственною властью распоряженіе о лишеніи права занятія извоз- нымъ промысломъ нижепоименованныхъ лицъ, относи- тельно коихъ не было въ виду его свѣдѣній о допу- щеніи ими ранѣе нарушенія означенныхъ правилъ: приказомъ 19 февраля 1906 г.—Семена Духанна, 25 октября 1907 г.—Фрола Кабузева и Николая Кру- жална, 13 февраля 1907 г.—Петра Козлова, 25 сен- тября 1906 г.—Карла Анисимова, 5 января 1907 г.— Ивана Егорова, 21 января 1907 г.—Ефима Гречнева, 7 февраля 1907 г.—Тимофея Васкина и Осипа Сте- панчикова, 18 марта 1907 г.—Михаила Князева, 4 апр. 1907 г.—Игнатія Каширина, 10 іюля 1907 г.—Кирилла Лобачева и 22 іюля 1907 г. Ивана Михалева; 6) въ превращеніе предоставленной ему по закону власти, во время пребыванія въ Москвѣ Генераль-Губернатора: а) постановленіемъ отъ 29 окт. 1906 г. сдѣлавъ распоря- женіе о наложеніи ареста на лошадей, сани и сбрую, при- надлежащія извозчику Федору Сапожникову, тогда какъ принятіе таковой мѣры, на точномъ основаніи 4 и 26 ст. полож. о госуд. охранѣ, могло послѣдовать только по распоряженію Генераль-Губернатора; б) распорядился объ отобраніи, въ видѣ неуставленнаго никакими постановленіями мѣры взысканія за оскорбле- ніе чиновъ полиціи и ослушаніе, значковъ съ нумерами, выданныхъ Городскою Управою на занятіе извознымъ промысломъ, отъ слѣд. лицъ: въ ноябрѣ 1906 г.— Родіона Винокурова, Ивана Дугина, Михаила Павло- ва, Емельяна Власова, Михаила Карпухина и Ивана Макарова: въ январѣ 1907 г.—Соловьева; въ маѣ 1907 г.—Сергѣя Балашева; въ іюлѣ 1907 г.—Рату- шинской и въ октябрѣ 1907 г.—Ильи Леонтьева; в) сдѣлавъ распоряженіе о лишеніи права содержать ас- сенизационные обозы за разлитіе нечистотъ: въ окт. 1906 г.—Василія Горохова, въ ноябрѣ 1906 г.—Алексѣя Шадрова и въ окт. 1907 г.—Осипа Моткова, и г) распорядился объ опечатаніи бочекъ у слѣд. лицъ, занимающихся ассенизационнымъ промысломъ: въ но- ябрѣ 1906 г.—у Петра Попова и Евстафія Лунькова и въ январѣ 1907 г.—у Александра Королевы; т. е. въ преступленіяхъ, изъ которыхъ каждое предусмо- трѣно 338 и 341 ст. Улож. о нак.; 7) не имѣя по за- кону права во время пребыванія въ Москвѣ Генераль- Губернатора собственною властью воспрещать въ на- званной столицѣ жительство лицамъ, признаваемымъ имъ опасными для общественнаго спокойствія, оиъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ распоряженіе о высылкѣ изъ Москвы въ сентябрѣ 1907 г.—крест. Максима Филимонова, въ окт. того же года Федора Широкаго, въ ноябрѣ 1906 г.—крестьянскихъ мальчиковъ: Георгія Кравцова и Сергѣя Пылаева, въ іюлѣ 1907 г.— Харитона Балонскаго, а также, въ нарушеніе постано- вленія, изложеннаго во 2-мъ примѣчаніи къ 16 ст. Полож. о госуд. охранѣ (по продолж. 1906 г.), во время отсутствія Генераль-Губернатора распорядился о высылкѣ изъ Москвы въ ноябрѣ 1906 г.—Михаила Промахова и въ іюнѣ 1906 г.—Александра Черятина, изъ которыхъ у перваго, не имѣющаго опредѣленныхъ занятій, было обнаружено долото, а у послѣдняго фин- скій ножъ, причѣмъ, во исполненіе этихъ распоряженій, Широковъ, Балонскій и Черятинъ были высланы изъ Москвы; 8) получивъ 5 ноября 1906 г. въ отвѣтъ на возбужденное имъ предъ Московскимъ Генераль-Губерна- торомъ ходатайство о воспрещеніи жительства въ Москвѣ мѣщ. Василю Савову, Василю Лизунову и крест. Сергѣю Шенелеву и Ивану Ильину, сообщеніе

канцелярїи Генераль-Губернатора, что сей послѣдній не нашелъ достаточныхъ основаній для примѣненія къ названнымъ лицамъ упомянутаго административнаго взысканія, и что имъ, Генераль-Губернаторомъ, мо- жетъ быть представлено Министру Внутр. Дѣлъ о вос- прещеніи этимъ лицамъ жительства въ Москвѣ лишь въ случаѣ доставленія Градоначальникомъ свѣдѣній, указывающихъ вообще порочное поведеніе тако- выхъ лицъ, оиъ, Рейнботъ, вопреки изложенному распо- ряженію, не собравъ требуемыхъ свѣдѣній и въ пре- вышеніе предоставленной ему власти, 10 ноября 1906 г., во время продолжавшейся 4 дня отлучки Генераль-Гу- бернатора, сдѣлавъ распоряженіе о воспрещеніи Са- вову, Лизунову, Шенелеву и Ильину права жительства въ Москвѣ на все время дѣйствія въ ней положенія объ усиленной охранѣ, во исполненіе какового распо- ряженія его, названныя лица были тогда же высланы изъ Москвы; т. е. въ преступленіяхъ, изъ которыхъ каж- дое предусмтрѣно 338, 341 и 348 ст. Улож. о нак.; 9) въ ноябрѣ 1907 г. получивъ свѣдѣнія о прибытіи въ Москву крест. Григорія Савельева и дворянки дѣ- вичи Наталіи Ланской съ намѣреніемъ вступить тамъ по взаимному согласію въ законный бракъ, оиъ, съ цѣлю воспрещать, по просьбѣ родственниковъ Ланской, означенному намѣренію названныхъ лицъ, безъ всякихъ законныхъ къ тому основаній, постано- вилъ 4 ноября 1906 г. о взятіи Савельева подъ стражу въ порядкѣ ст. 21 Полож. объ усиленной охранѣ, а 10 того же ноябра, на основаніи п. 4 ст. 16 того же полож., о воспрещеніи Савельеву жительства въ Москвѣ, завѣдомо ложно указавъ въ этихъ постановленіяхъ, что о Савельевѣ имѣются свѣдѣнія, дающія основаніе при- знать его вреднымъ для общественнаго порядка и спо- койствія, вслѣдствіе чего Савельевъ, взятый 4 ноября подъ стражу, былъ затѣмъ высланъ полиціею въ г. Тверь, послѣ чего оиъ же, Рейнботъ, въ сообщеніи своемъ на имя Московскаго Генераль-Губернатора отъ 4 декабря 1906 г. за № 467, послѣдовавшемъ въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ по поводу означен- ной высылки, помѣстивъ завѣдомо ложныя свѣдѣнія, что Савельеву имъ воспрещено жительство въ Москвѣ, какъ лицу политически неблагонадежному, тогда какъ въ дѣйствительности никакихъ свѣдѣній о таковой не- благонадежности Савельева въ виду у него не было; т. е. въ преступленіяхъ, предусмтрѣнныхъ 338, 341, 348 и 362 ст.ст. Улож. о нак.; 10) въ виду неиспол- ненія крест. Иваномъ Ермолаевымъ обращеннаго къ нему ген. Рейнботомъ требованія объ измѣненіи договорныхъ отношеній, существовавшихъ между Ер- молаевымъ, какъ повѣреннымъ его матери, и Управ- леніемъ Московскаго градоначальства объ арендѣ помѣщенія въ домѣ Ермолаева, а равно объ отказѣ отъ гражданскаго иска, предъявленнаго Ермолаевымъ по поводу этихъ договорныхъ отношеній, послѣ того какъ сдѣланныя со стороны Рейнбота Ермолаеву угрозы арестовать послѣдняго за отказъ подчинить- ся такимъ требованіямъ, не произвели желаемаго воздѣйствія, оиъ, ген.-маіоръ Рейнботъ, съ цѣлю принудить Ермолаева или его мать къ удовлетворенію вышеупомянутыхъ противозаконныхъ требованій сво- ихъ, приказалъ участковому приставу изыскать пред- логъ для привлеченія Ермолаева къ отвѣтственности по какому-либо поводу, а затѣмъ, получивъ протоколъ пристава о нарушеніи Ермолаевымъ обязательнаго по- становленія о пропискѣ паспортовъ, опредѣлил о на- ложеніи на него высшей мѣры взысканія, въ видѣ ареста на 3 мѣсяца, и распорядился о немедленномъ приведеніи этого постановленія въ исполненіе, вслѣд- ствіе каковыхъ его, Рейнбота, дѣйствій довѣрительни- ца Ермолаева, мать послѣдняго, для избавленія сына отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій и освобожденія его отъ заключенія вынуждена была заявить объ отказѣ отъ предъявленнаго къ управленію Градоначальника иска въ судъ и согласиться на измѣненіе условій заклю- ченнаго ранѣе договора, послѣ чего наложенное на Ермолаева взысканіе было замѣнено Рейнботомъ денежнымъ штрафомъ; т. е. въ преступленіи, преду- смтрѣнномъ 338, 341, 348 и 1686 ст.ст. Улож. о нак.; 11) съ цѣлю распорядиться выдачею по свое- му усмтрѣнію остаткомъ отъ смѣтныхъ ассигнова- ній 1906 г. въ размѣрѣ 115000 руб. въ награды слу- жащимъ лицамъ, отношеніемъ отъ 26 окт. 1906 г.

за № 4805, сообщил Департаменту Общих Дѣлъ Министерства Вн. Дѣлъ, въ отвѣтъ на запросъ этого Департамента отъ 11 того же октября, завѣдомо ложныя свидѣнія, что никакихъ остатковъ въ его, Градоначальника, распоряженіи не имѣется, тогда какъ въ дѣйствительности таковыя остатки, въ размѣрѣ вышеозначенной суммы находились въ это время налицо и по его распоряженію были выписаны изъ Московскаго Губ. Казначейства ассигновками отъ 19 окт. 1906 г. и на слѣдующій день внесены въ Московскій Купеческій Банкъ на текущій счетъ Градоначальника; т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 362 ст. Улож. о нак.; 12) получивъ въ мартѣ 1906 г. отъ Московскаго Генераль-Губернатора изъ находившихся въ распоряженіи сего послѣдняго денежныхъ суммъ 3460 руб. для употребленія таковыхъ на пополненіе инвентаря при резервѣ Московской столичной полиціи предметами, указанными въ особомъ спискѣ, представленномъ имъ, Рейботомъ, Генераль-Губернатору, онъ изъ означенныхъ денегъ израсходовалъ 2781 руб. 6 коп., выдавъ въ томъ числѣ начальнику резерва Комендантову въ пособіе—300 руб., а остальную сумму, въ количествѣ 678 руб. 94 коп., присвоилъ и употребилъ на свои надобности, не возвративъ и послѣ обнаруженія злоупотребленія; 13) учредивъ въ 1906 г. съ разрѣшенія Московскаго Генераль-Губернатора и на выданную симъ послѣднимъ суммою въ 5000 руб. особое отдѣленіе типографіи при канцеляріи Градоначальника и сосредоточивъ въ своемъ личномъ завѣдываніи всѣ денежные обороты этой типографіи, а также получая на руки поступавшія въ доходъ послѣдней суммы, безъ внесенія таковыхъ въ установленныя денежные книги, онъ изъ означенныхъ суммъ присвоилъ 4060 руб. 91 коп., не возвративъ этихъ денегъ и послѣ открытія сего злоупотребленія; 14) получивъ 3 сент. 1907 г. отъ предсѣдателя правленія Общества взаимопомощи владѣльцевъ банъ въ Москвѣ, купца Бирюкова, 5 свидѣтельство государств. 4%-ной ренты, на номинальную стоимость въ 1000 руб. каждое, съ купонами по 1 декабря 1907 г., въ качествѣ пожертвованія въ пользу благотворительнаго общества при Московскомъ градоначальствѣ, онъ своевременно не внесъ этихъ билетовъ по принадлежности, а издержалъ ихъ на собственные надобности, при чемъ 19 декабря того же года, послѣ увольненія отъ должности Градоначальника, хотя и ранѣе обнаруженія сего злоупотребленія, самъ пополнилъ указанную сумму внесеніемъ въ кассу названнаго общества одного свидѣтельства 4%-ной государственной ренты въ 5000 руб. и наличными деньгами въ счетъ стоимости купона по 1 декабря 1907 г.—47 руб. 50 коп., т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 354 ст. Улож. о нак.; 15) получивъ въ теченіе 1906 г. и 1907 г. пожертвованныя на благотворительныя цѣли по его усмотрѣнію денежные суммы: а) отъ вице-президентовъ ИМПЕРАТ. общества поощренія рысачаго коннозаводства Оконишниковъ и Пейча—4500 руб.; б) отъ дѣйств. ст. сов. Колесникова—1000 руб.; в) отъ Александры Дорожинской, по мужу Зиминной,—1500 руб.; г) отъ кн. Сергѣя Голицына—500 р. и д) отъ двухъ жертвователей, пожелавшихъ остаться неизвѣстными—2200 руб.; денегъ этихъ умышленно не записалъ на приходъ въ надлежащія книги градоначальства, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 358 ст. Улож. о нак.

П. Тотъ же ген.-маіоръ Рейботъ и полк. Короткій въ томъ, что, дѣйствуя совмѣстно по взаимному между собою согласію, цѣлѣмъ рядомъ распоряженій своихъ, а иерѣдко и путемъ предъявленія прямыхъ требованій взносовъ на благотворительныя цѣли, создали въ Москвѣ, среди лицъ, завѣдующихъ дѣлами клубовъ и кружковъ разныхъ наименованій, черпающихъ свои доходы отъ устройства запрещенныхъ азартныхъ игръ, домовъ свиданій, трактировъ съ разнаго рода развлеченіями и занимающихся другими видами промышленности, увѣренность, что получать прибыль отъ этихъ занятій, не рискуя закрытіемъ заведеній или прекращеніемъ промысла, возможно лишь при условіи уплаты вышеупомянутымъ Рейботу и Короткому болѣе или менѣе значительныхъ суммъ, подъ видомъ пожертвованій на благотворительныя цѣли, а въ дѣйствительности въ полное и безконтрольное распоряженіе означенныхъ должностныхъ лицъ и что такія уплаты избавляютъ лицъ, ихъ сдѣ-

лавшихъ, какъ отъ притѣсненій и надзора со стороны чиновъ полиціи Градоначальства, такъ и отъ взысканій въ тѣхъ случаяхъ, когда полицію уже обнаружены тѣ или другія неправильныя дѣйствія промышленниковъ, а затѣмъ, умышленно пользуясь гнетомъ, созданнымъ такимъ положеніемъ вещей, означенныя должностныя лица: а) ген.-маіоръ Рейботъ и полк. Короткій, дѣйствуя по взаимному уговору: 1) принятиемъ въ отношеніи содержателей въ Москвѣ домовъ свиданій Сергѣя Никитина, Ивана Егорова и Семена Барашкова рѣды стѣснительныхъ мѣръ, выразившихся въ отказѣ названнымъ лицамъ въ выдать имъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ на содержаніе въ 1906 г. означенныхъ домовъ, въ отклоненіи всѣхъ ихъ ходатайствъ по этому поводу, въ обязаніи ихъ подписками закрыть свои заведенія къ назначенному сроку, въ распоряженіяхъ по полиціи о производствѣ ежедневно по нѣсколько разъ въ теченіе дня и ночи обходовъ этихъ заведеній, съ составленіемъ списковъ лицъ, застигнутыхъ тамъ, и протоколовъ о тѣхъ лицахъ, кои окажутся непрописанными, вынудили названныхъ содержателей домовъ свиданія, для прекращенія этихъ преслѣдованій, грозившихъ полнымъ разстройствомъ ихъ предпріятій, внести имъ въ пользу образованнаго при градоначальствѣ благотворительнаго фонда на пріютъ для престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей единовременно 10000 руб., съ принятиемъ на себя обязательства и впредь вносить на тотъ же предметъ по 2000 руб. ежегодно, по внесеніи каковыхъ денегъ, обращенныхъ въ означенный фондъ, всѣ предпріятія ими противъ названныхъ лицъ стѣснительныя мѣры были отменены; 2) присвоивъ себѣ, въ превышеніе предоставленной имъ власти, право во время пребыванія въ Москвѣ Генераль-Губернатора окончательнаго разрѣшенія въ административномъ порядкѣ дѣлъ о нарушеніяхъ ассенизаторами обязательныхъ постановленій Московской Городской Думы по санитарной части, по коимъ право наложенія взысканій принадлежало Генераль-Губернатору, и установивъ, по взаимному между собою соглашенію, подъ видомъ взысканія за разлитіе нечистотъ, пріятіе непредусмотрѣнной закономъ мѣры въ видѣ сбора на благотворительность, они, дѣйствуя совмѣстно, требованіями внесенія такового сбора отъ содержателей ассенизационныхъ обозовъ Леоны Чурилина, Афанасія Пахомова, Григорія Шалугина и Андрея Кухтина и опечатаніемъ ихъ обозовъ впредь до уплаты взысканія вынудили внести: Чурилина—25 руб., Пахомова—200 руб., Шалугина—10 руб. и Кухтина—25 руб., каковыя суммы были полностью обращены въ фондъ благотворительнаго общества при градоначальствѣ, за исключеніемъ денегъ, представленныхъ Пахомовымъ, которыя, по полученіи таковыхъ Короткимъ, были обращены послѣднимъ, безъ вѣдома Рейбота, въ свою личную пользу; и 3) установивъ по взаимному между собою соглашенію, въ превышеніе предоставленной имъ власти подъ видомъ наложенія взысканій за разлитіе нечистотъ и за нарушеніе обязательныхъ постановленій Московской Городской Думы по извозу, вышеозначенный сборъ, непредусмотрѣнный закономъ, они, дѣйствуя совмѣстно, требованіями внесенія такового сбора: а) отъ содержателей ассенизационныхъ обозовъ: Николая Морозова, Василія Воробьева, Николая Савина, Ивана Губанова, Степана Юрлова, Михаила Пыхова, Василія Яшина и Ивана Разсѣкина; б) содержателей извознаго промысла: Михаила Артамонова, Ивана Золотова, Никанора Воронина, Якова Фролова и Алексѣя Ечкина и в) владѣльца дровяного склада Петра Баркова и опечатаніемъ у первыхъ 8 лицъ обозовъ впредь до уплаты взысканій вынудили внести: Морозова въ два раза—150 р., Воробьева—25 р., Савина—50 р., Губанова—200 р., Юрлова—50 р., Пыхова—80 р., Яшина—30 р., Разсѣкина—25 р., Артамонова—3 р., Золотова—5 р., Воронина—10 р., Фролова—25 р., Ечкина—20 р., Баркова—10 р., при чемъ эти суммы были полностью внесены въ фондъ благотворительнаго общества при градоначальствѣ; б) бывший Московскій Градоначальникъ, нынѣ ген.-маіоръ въ отставкѣ А. А. Рейботъ: 1) не только принявъ сдѣланный ему Московскимъ нѣмецкимъ клубомъ, осенью 1906 г., въ пользу центрального пріемнаго покоя для душевно-больныхъ денежный взносъ, но и повліялъ на представителя клуба, доктора Битта, въ смыслѣ

привлечения клуба къ подобнымъ пожертвованиямъ въ будущемъ и притомъ не на опредѣленное назначеніе, а въ полное его, Рейнбота, распоряженіе. Въ послѣдующее же время неоднократно напоминалъ Битту о необходимости продолжать такіе взносы, каковыя, поступившіе къ нему въ суммѣ 13239 руб. 50 коп., въ подлежащія книги градоначальства, заведенныя для записи пожертвований, не внося, оставивъ ихъ у себя; 2) подъ видомъ наложенія штрафа за нарушение обязательныхъ постановленій объ извозѣ, потребовалъ отъ содержателя ассенизаціоннаго обоза Василія Тихомирова, подъ угрозою опечатанія принадлежащаго ему обоза, внесенія за выѣздъ на большой лошади не установленнаго въ законѣ сбора на благотворительность, вслѣдствіе каковой угрозы Тихомировъ вынужденъ былъ внести въ градоначальство 25 руб., которые и были зачислены въ пожертвование на пріютъ для престарѣлыхъ нижнихъ чиновъ полиціи и школы для ихъ дѣтей; 3) присвоивъ себѣ, въ превышеніе предоставленной ему власти, право окончательнаго разрѣшенія дѣлъ о нарушеніяхъ ассенизаторами обязательныхъ постановленій Московской Городской Думы по санитарной части, по которымъ право наложенія административныхъ взысканій принадлежало Московскому Генералъ-Губернатору, онъ, Рейнботъ, подъ видомъ наложенія штрафа за разлитіе нечистотъ, потребовалъ внесенія не установленного въ законѣ на благотворительность отъ содержателей ассенизаціонныхъ обозовъ Павла Павлюшина, Михаила Шадрова и Андрея Спиридонова, по 100 руб. съ каждаго, сдѣлавъ при этомъ распоряженіе объ опечатаніи принадлежащихъ названнымъ лицамъ обозовъ и угрожая въ случаѣ невнесенія указанного штрафа, воспретить имъ занятіе промысломъ, подъ вліяніемъ каковыхъ угрозъ Павлюшинъ и Смородиновъ внесли въ Градоначальство требуемыя съ нихъ деньги, которые и были обращены въ счетъ поступающихъ въ распоряженіе Градоначальника на благотворительность суммъ, а Шадровъ, не имѣвшій наличныхъ денегъ, представилъ квитанцію Маріинскаго пріюта братолюбиваго общества о зачетѣ заработанныхъ имъ денегъ въ пожертвование на пріютъ, послѣ чего дѣла о всѣхъ поименованныхъ лицахъ были Рейнботомъ прекращены, и печати съ обозовъ сняты; 4) присвоивъ себѣ въ ноябрѣ 1906 года, въ превышеніе предоставленной ему власти, право разрѣшенія въ административномъ порядкѣ дѣлъ о нанесеніи оскорбленій военнымъ чинамъ, онъ, подъ видомъ наложенія на личн. поч. гражд. Масленникова взысканія за нанесеніе обиды на словахъ поручику Сушинникову, потребовалъ отъ Масленникова, подъ угрозою высылки его изъ Москвы, внесенія въ 3-хъ-дневный срокъ въ его распоряженіе не установленного въ законѣ сбора на благотворительность въ суммѣ 500 руб., и такими дѣйствіями вынудилъ Масленникова внести указанную сумму денегъ, которую полностью обратилъ на благотворительную цѣль въ капиталъ имени гр. Шувалова; 5) принявъ первоначально въ отношеніи содержателя ресторана въ Москвѣ, подъ названіемъ „Золотой Якорь“, Николая Рубцова, рядъ стѣснительныхъ мѣръ, выразившихся въ заключеніи устройства въ этомъ ресторанѣ увеселеній, въ несогласіи своемъ на переводъ такового въ 1-й разрядъ и въ отклоненіи всѣхъ послѣдующихъ просьбъ Рубцова по тѣмъ же предметамъ, онъ въ сентябрѣ 1907 года согласился удовлетворить вышеозначенное ходатайство Рубцова, подъ условіемъ внесенія послѣднимъ не установленного закономъ сбора въ пользу благотворительнаго общества при градоначальствѣ въ суммѣ 2000 руб. и такими дѣйствіями вынудилъ Рубцова, изъ опасенія понести большой денежный ущербъ, въ случаѣ оставленія Градоначальникомъ въ силѣ своихъ запрещеній, внести ему указанную сумму денегъ, которую онъ, Рейнботъ, обратилъ полностью въ означенное общество; 6) распорядившись еще 14 августа 1907 года принятіемъ мѣръ къ закрытію ресторана Ивана Кучерова за бывшіе въ немъ безпорядки, по полученіи отъ послѣдняго 1000 руб. на благотворительность по своему усмотрѣнію, ресторана этого не закрылъ, сохранивъ за Кучеровымъ даже право позднѣйшей торговли, а полученныя отъ него деньги оставилъ себѣ, не записавъ въ подлежащія книги; 7) сдѣлавъ распоряженіе объ отобраніи отъ старшинъ Московскаго спортивнаго клуба подписки о недопущеніи

въ этомъ клубѣ азартныхъ карточныхъ игръ и предъявивъ явившемуся къ нему по вызову, въ качествѣ представителя означеннаго клуба, кандидату правъ Унтилову заготовленную на имя участковаго пристава телеграмму, съ изложеніемъ въ ней приказанія послѣднему о немедленномъ прекращеніи въ спортивномъ клубѣ карточной игры, онъ согласился не принимать въ отношеніи этого клуба указанныхъ мѣръ, лишь подъ условіемъ внесенія клубомъ не установленного закономъ сбора въ пользу благотворительнаго общества при московскомъ градоначальствѣ, и такимъ образомъ дѣйствій вынудилъ Унтилова изъ опасенія сопряженнаго для клуба съ значительнымъ денежнымъ ущербомъ прекращенія въ немъ карточной игры, обязаться отъ имени клуба вносить ежемѣсячно въ пользу названнаго общества по 1000 руб., во исполненіе какового обязательства спортивнымъ клубомъ въ теченіе 1907 г. было внесено въ это общество 4000 рублей, при чемъ, со стороны его, Рейнбота, до отчисленія отъ должности Градоначальника никакихъ мѣръ къ прекращенію происходившей въ означенномъ клубѣ азартной игры послѣ этого принято не было; 8) сдѣлавъ въ май 1906 г. съ разрѣшенія Московскаго Генералъ-Губернатора распоряженіе объ отобраніи отъ старшинъ Московскаго артистическаго клуба подписки о недопущеніи въ этомъ клубѣ азартныхъ карточныхъ игръ, подъ опасеніемъ закрытія клуба, при повтореніи нарушенія, и зная, изъ поступившихъ къ нему донесеній и докладовъ подвѣдомственныхъ чиновъ и сообщеній частныхъ лицъ о происходившей въ означенномъ клубѣ и послѣ данной старшинами подписки азартной игрѣ и о томъ, что этотъ клубъ по характеру своему и степени развитія въ немъ игры, представляетъ подобіе игорнаго дома, онъ, несмотря на это, не принявъ съ своей стороны никакихъ законныхъ мѣръ къ прекращенію въ немъ таковыхъ игръ и къ устраненію происшедшаго вреда отъ существованія такого клуба, вслѣдствіе чего въ послѣднемъ азартная игра происходила безпрестанно во все время пребыванія его, Рейнбота, въ должности Градоначальника, и самый клубъ былъ закрытъ лишь послѣ отчисленія его отъ означенной должности; при этомъ Рейнботъ, какъ въ 1906 г., такъ и въ 1907 г. получилъ отъ распорядителей этого клуба какъ бы на беззачетную благотворительность болѣе или менѣе значительныя суммы, размѣръ коихъ въ точности на предварительномъ слѣдствіи установить не удалось, каковыя деньги оставилъ у себя, не записавъ поступленія ихъ въ соотвѣствующія книги. Подобныя же взносы были получены отъ купческаго клуба и литературно-художественнаго кружка.

В) Полковникъ Короткій: 1) присвоивъ себѣ, въ превышеніе предоставленной ему власти, право окончательнаго разрѣшенія въ административномъ порядкѣ дѣлъ о нарушеніяхъ ассенизаторами обязательныхъ постановленій Московской Городской Думы по санитарной части, по каковымъ дѣламъ право наложенія взысканія принадлежить лишь Московскому Генералъ-Губернатору, подъ видомъ наложенія штрафа за разлитіе нечистотъ, потребовалъ внесенія не установленного закономъ сбора въ пользу благотворительнаго общества при градоначальствѣ отъ содержателей ассенизаціонныхъ обозовъ Андрея Степанова 500 руб. и Евдокія Заколюдиной—100 руб., распорядившись, выгнѣвъ съ тѣмъ, объ опечатаніи принадлежащихъ имъ обозовъ, вслѣдствіе чего Заколюдина внесла сполна требуемую сумму, а Степановъ лишь 150 руб.; а также потребовалъ внесенія такого же сбора въ ноябрѣ 1906 года въ размѣрѣ 26 руб. отъ содержателя ассенизаціоннаго обоза Константина Грина, который, однако, означенныхъ денегъ не уплатилъ; суммы же, внесенныя Заколюдинымъ и Степановымъ, были полностью сданы въ фондъ названнаго выше общества; 2) требованіемъ внести въ фондъ того же благотворительнаго общества пожертвования въ опредѣленномъ имъ самимъ размѣрѣ и угрозами примѣненія, въ случаѣ неуплаты этихъ денегъ, мѣръ административнаго взысканія за обнаруженные будто бы безпорядки въ содержимыхъ Ивановъ Васильевымъ, Николаемъ Соболевымъ, Ольгой Тихоновой, Еленой Стручковой и Ивановъ Русановымъ меблированныхъ комнатахъ вынудилъ названныхъ лицъ внести ему не установленный закономъ сборъ въ пользу означеннаго общества, а именно: Васильева въ размѣ-

рѣ 200 руб., а прочихъ лицъ по расчету 5-ти рублей съ содержимаго каждымъ изъ нихъ номера, а всего Соболева—60 руб., Тихонову—100 руб., Спирионову—50 руб., а Русанову—90 руб., по полученіи каковыхъ денегъ полностью обратилъ ихъ въ упомянутый благотворительный фондъ; 3) подѣ видомъ наложенія взыскапія за обнаруженія въ принадлежащемъ кр. Антону Иванову ресторанѣ недовольной игры на деньги въ бисекъ, въ декабрѣ 1906 г. и въ январѣ 1907 г. потребовалъ отъ названнаго содержателя ресторана, подѣ угрозой сократить дозволенное ему для производства торговли время, внесенія не установленнаго въ законѣ сбора въ пользу фонда благотворительнаго общества при градоначальствѣ, въ первый разъ въ суммѣ 100 руб., а во второй разъ—200 руб., каковыя суммы, по внесеніи ихъ Ивановымъ, обратилъ полностью въ означенный фондъ; 4) подѣ тѣмъ же указаннымъ выше предлогомъ за обнаруженіе беспорядковъ въ содержимомъ купцомъ Алексѣемъ Гладышевымъ ресторанѣ и въ принадлежащихъ цеховому Ивану Алексѣеву фотографическомъ магазинѣ и мастерской потребовалъ, взыскапія и обратилъ въ фондъ благотворительнаго общества при градоначальствѣ съ Гладышева—100 руб. и съ Алексѣева—25 руб.; 5) требованіемъ, обращеннымъ къ Предсѣдателю правленія товарищества „Эрмитажъ-Оливье“ Константину Поликарпову внести денежное пожертвованіе въ фондъ благотворительнаго общества при градоначальствѣ, а также понужденіемъ означеннаго правленія, недовольствуясь предложенною имъ суммою, внести болѣе, чѣмъ предполагалось, и угрозами притѣсненій, переданными директоромъ правленія чрезъ мѣстнаго участковаго пристава, вынудилъ представителей правленія названнаго товарищества внести ему въ ноябрѣ 1906 г. 5000 руб., которыя онъ полностью обратилъ въ указанный выше фондъ; 6) получивъ по поводу ходатайствъ нѣсколькихъ содержательницъ квартиръ свиданій мужчинъ съ женщинами, разрѣшеніе Московскаго Градоначальника продлить всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ срокъ содержанія ихъ квартиръ свиданій съ 1 января 1907 г. до весны того же года и намѣренно отдавая соответственныя распоряженія чрезъ подлежащія полицейскіе участки не одновременно, а въ отдѣльности о каждой изъ этихъ содержательницъ квартиръ свиданій, лишь по мѣрѣ того, какъ онѣ подѣ видомъ благотворительныхъ пожертвованій вносили ему денежные суммы, а также, вызывая къ себѣ осенью 1906 г. одну изъ этихъ содержательницъ Юзефу Ковальскую потребовалъ отъ нея денегъ за продленіе ей срока содержанія квартиръ, вынудивъ такими дѣйствіями нижеперечисленныхъ содер-

жательницъ квартиръ свиданій внести ему въ видѣ пожертвованій на благотворительность: Юзефу Ковальскую въ два раза—300 руб., Марію Віонцекъ—(нынѣ по мужу Федоровичъ)—200 руб., Іоганну Штейнмецъ—300 руб., Елизавету Гундорову—200 руб., Ксенію Спирионову—200 р. Агату Кубелюсъ—500 руб., Юлію Артамонову—200 руб., Александру Маторину—200 руб., Анелю Микудевичъ—100 руб., Прасковью Скворцову—200 руб., а всего отъ поименованныхъ лицъ 2400 рублей, изъ каковыхъ денегъ обратилъ въ фондъ благотворительнаго при градоначальствѣ общества 1050 руб., а остальную сумму удержалъ въ свою личную пользу; 7) зная о допускаемой въ клубѣ, подѣ названіемъ „Московское музыкальное собраніе“, азартной карточной игры и сдѣлавъ въ октябрѣ 1906 г. чрезъ мѣстнаго участковаго пристава распоряженіе о прекращеніи этой игры, онъ затѣмъ согласился разрѣшить такую въ клубѣ подѣ условіемъ внесенія дирекціей онаго подѣ видомъ пожертвованія въ пользу фонда благотворительнаго общества при градоначальствѣ ежемѣсячно 500 руб. и принявъ отъ старшины этого собранія Остафьева въ теченіе ноября и декабра 1906 г. и января 1907 г. 1000 руб., изъ коей 800 р. обратилъ въ означенный фондъ, а остальныя 200 руб. удержалъ въ свою личную пользу, причѣмъ въ нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей не только не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію въ означенномъ клубѣ азартной игры, но приказалъ помощнику пристава Ощевскому-Круглику уничтожить составленный послѣднимъ по поводу доущенія такой игры протоколъ; 8) зная о допускаемыхъ въ Московскомъ артистическомъ клубѣ и Преображенско-Семеновскомъ собраніи азартныхъ играхъ и принявъ отъ представителей этихъ клубовъ, братьевъ Николая и Ивана Макареско, подѣ видомъ пожертвованій на благотворительныя дѣла въ періодъ времени съ ноября 1906 г. и до марта 1907 г. около 4800 руб., онъ изъ этихъ денегъ внесъ въ фондъ благотворительнаго при градоначальствѣ общества всего 2400 руб., а остальную часть обратилъ въ свою личную пользу, и за это, въ нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей, не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію въ означенныхъ клубахъ азартныхъ игръ и о такомъ въ не довелъ до свѣдѣнія своего ближайшаго начальства.

Вышеописанныя преступныя дѣянія въ отношеніи обоихъ обвиняемыхъ должностныхъ лицъ предусмотрены ст.ст. 377 и 378 Улож. о Нак., а вмѣняемое отставному Гвардіи полковнику Короткому пунктомъ 1-мъ сего опредѣленія, и ст. 9 того же уложенія.

**ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.**

**КАБИНЕТЪ
УГОЛОВНОГО
3 Гос. Умѣревателя**

...и въ то же время ...
...и въ то же время ...
...и въ то же время ...

...и въ то же время ...
...и въ то же время ...
...и въ то же время ...

Въ здании московскихъ судебныхъ установлений, судебное присутствие правит. сената въ девятнадцати заседанияхъ, отъ 28-го апрѣля до 17-го мая с. г., разсматрѣло дѣло по обвиненію бывшаго московскаго градоначальника ген. майора въ отставкѣ А. А. Рейбота и бывшаго помощника московскаго градоначальника полковника гвардіи въ отставкѣ В. А. Короткаго, въ рядѣ преступныхъ дѣяній, совершенныхъ ими во время службы въ московскомъ градоначальствѣ.

Въ составѣ судебного присутствія уголовного кассационнаго департамента сената вошли: сенаторы П. К. Гераковъ (предѣлательств.), И. С. Крашенинниковъ, Н. И. Камышанскій, А. А. Глишинскій и И. П. Заринъ, и сословные представители: тульскій губернской предводитель дворянства Р. Д. Ерошкинъ, лужскій, петербург. губ., уѣздный предводитель дворянства А. А. Тираннъ, рижскій городской голова Г. И. Армитстедтъ и медушскій, петергофскаго уѣзда, волостной старшина И. Алексѣевъ. Обвиненіе поддерживалъ товарищ оберъ-прокурора В. П. Носовичъ. Защищали: ген. Рейбота—прис. повѣр. К. А. Минятовъ и Н. П. Карабчевскій, полк. Короткаго—прис. повѣр. Адамовъ.

По открытіи засѣданія и дачи подсудимыми отвѣтовъ на обычные вопросы объ имени, фамиліи и т. д., суду были предъявлены ходатайства вдовы личнаго почетнаго гражданина С. П. Маслениковой и нѣкоего Васильева о допущеніи ихъ къ участію въ процессѣ въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Масленикова ищетъ 500 руб., на каковую сумму былъ незаконно, съ превышеніемъ власти, оштрафованъ бывшимъ московскимъ градоначальникомъ ген. Рейботомъ ее мужъ, теперь покойный, за нанесеніе оскорбленія офицеру въ ресторанѣ Трехгорнаго пивовареннаго товарищества. Представитель обвиненія высказывается за допущеніе Маслениковой и противъ допущенія Васильева, такъ какъ то дѣяніе ген. Рейбота, на которомъ послѣдній основываетъ свой гражданскій искъ, не входитъ въ кругъ подлежащихъ разсмотрѣнію настоящаго судебного присутствія. Защита, въ лицѣ прис. пов. Минятова, возражаетъ противъ допущенія Маслениковой, такъ какъ согласно ст. 378 Ул. о нак. деньги, полученныя путемъ вымогательства, поступаютъ въ приказъ общественнаго призрѣнія, но не возвращаются ихъ давшему. Судъ, удалившись для короткаго совѣщанія, опредѣляетъ—допустить въ качествѣ гражданскаго истца Масленикову и не допустить Васильева. Повѣреннымъ Маслениковой явился прис. повѣр. С. И. Варшавскій.

Оглашенъ перечень неявившихся свидѣтелей (не явились 44 изъ слишкомъ 200), и обсуждены сенатомъ причины неявокъ. Въ большинствѣ случаевъ причины признаны законными, а показанія остальныхъ неявившихся свидѣтелей—мало существенными. Стороны согласно высказались за возможность слушать дѣло при данныхъ условіяхъ. Приглашаются свидѣтели—цѣлая ихъ толпа, переполнившая всю центральную часть громаднаго Екатерининскаго зала передъ судейскимъ столомъ. Свидѣтели приводятся къ присягѣ, большинство—православными священниками, нѣсколько человекъ—католическимъ шатеромъ, одинъ—еврейскимъ раввиномъ. Затѣмъ, когда эта нестроя толпа очистила залъ, сенатъ приступилъ къ чтенію вышеприведеннаго обвинительнаго акта, занимающему весь первый день процесса и половину дня второго.

Второй день. Первый допрошенный свидѣтель—бывшій бухгалтеръ градоначальства Филаретовъ, которому сторонами задаются вопросы по всемъ сей-

часъ переданнымъ обвиненіямъ. Филаретовъ между прочимъ занимался составленіемъ наградныхъ списковъ, при чемъ составлялъ ихъ еще и при ген. Треповѣ. Свидѣтель описываетъ порядокъ составленія этихъ наградныхъ списковъ. Затѣмъ, на вопросы защиты, свидѣтель показываетъ, что 115000 руб. были внесены въ Купеческій банкъ на храненіе на то время, что градоначальникъ поѣхалъ въ Петербургъ. 32 тысячи, о которыхъ упоминается въ обвинительномъ актѣ, были выребованы изъ казначейства для выдачи наградъ чинамъ полиціи въ 1907 г., но произошелъ въ это время роспускъ второй Государственной Думы, и градоначальникъ рѣшилъ отерочить выдачу наградъ, чтобы затѣмъ выдать ихъ въ усиленномъ размѣрѣ, если все пройдетъ благополучно. И деньги временно были внесены въ Купеческій банкъ. Дальнѣйшее показаніе свидѣтеля выясняетъ, что иногда кредиты правительства на различныя нужды весьма запаздывали, и по необходимости приходилось временно покрывать расходы изъ суммъ, имѣвшихъ иное назначеніе. Такъ было, для примѣра, съ содержаніемъ арестованныхъ, число которыхъ возросло приблизительно вътрое, до 3000 чел., а суммы на ихъ содержаніе все не было. Или другой случай—надлежало выслать городовыхъ на Нижегородскую ярмарку, а суммы на то своевременно отпущено не было. Обыкновенно эти суммы приходили лишь черезъ годъ.

Свидѣтель удостовѣряетъ, что такъ называемая долговая книга, по которой производились непокрытые кредитными расходами, заведена давно; свидѣтель, поступивъ въ градоначальство въ 1902 г., эту книгу уже засталъ, при ген. Треповѣ по этой книгѣ производились въ широкомъ размѣрѣ выдачи суммъ чинамъ канцеляріи. Давно практикуется и выписка фиктивныхъ наградныхъ на покрытіе разныхъ расходовъ. Между прочимъ, министръ внутреннихъ дѣлъ указалъ ген. Рейботу такимъ способомъ покрывать счета на довольствованіе полицейскихъ нарядовъ и воинскихъ командъ во время вооруженнаго возстанія и сейчасъ послѣ него. Расходъ этотъ былъ произведенъ еще при предшественникѣ ген. Рейбота, бар. Медемѣ, счета же стали поступать при Рейботѣ, и П. А. Столыпинъ приказалъ погасить эти неоплаченные счета поставщикамъ путемъ фиктивной выписки наградныхъ чинамъ полиціи и градоначальства. Отъ Столыпина же было получено, какъ знаетъ свидѣтель, разрѣшеніе по телефону—на выдачу наградныхъ почнымъ сторожамъ изъ суммъ, ассигнованныхъ на полицію. Свидѣтель былъ въ числѣ тѣхъ, которые расписывались въ полученіи такихъ „наградныхъ“, но онъ и не думалъ протестовать противъ такого порядка, онъ сочувствовалъ этимъ наградамъ сторожамъ, работавшимъ подъ дождемъ пуль, и если бы имѣлъ возможность, даже отдалъ бы на эти награды даже свои деньги. Въ прежнее время, особенно—треповское, путемъ такой выписки мнимыхъ наградныхъ покрывались нехватки по градоначальству. Свидѣтель показываетъ, что и чиновникъ ревизіи сенатора Гарина, Тимофеевъ, когда служилъ въ московскомъ оберъ-полицеймейстерствѣ, также расписывался въ такомъ фиктивномъ полученіи наградныхъ. Въ доказательство того, что никогда не соблюдаются строгаго правила о точномъ разграниченіи кредитовъ, свидѣтель предъявляетъ только что имъ, уже но дорогѣ на сегодняшнее засѣданіе полученный документъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Филаретовъ былъ привлеченъ къ суду, но, за отсутствіемъ состава преступления, дѣло о немъ прекращено, и теперь ему будетъ выдано жалованіе за все время отстраненія отъ должности. Жалованіе это будетъ выдано, какъ

указывается бумага, из сумм наружной полиции.

Дает свое первое показание ген. Рейнботъ. Онъ говоритъ прежде всего о томъ, въ какомъ жалкомъ видѣ засталъ при своемъ вступленіи московскую полицію,—она была и очень недостаточна количественно, и ниже всякой критики качественно. Всю тысячу наскоро набранныхъ новыхъ городовыхъ пришлось очень скоро разогнать. Далѣе ген. Рейнботъ рассказываетъ, что 1000 руб., о который былъ заданъ вопросъ Филаретову (какъ о суммѣ, поступившей къ градоначальнику откуда-то по переводу, но имъ нигде не записанной), была ему переведена тов. министромъ внутрен. дѣлъ Крыжановскимъ на предвыборную агитацію при выборахъ во вторую Государственную Думу. Эти деньги не подлежали никакой отчетности и никакому проведению черезъ книги. На вопросъ прокурора подсудимый объясняетъ далѣе, что еще до того, въ свою бытность въ Петербургѣ получилъ на ту же агитацію отъ тов. мин. Крыжановскаго известную сумму денегъ, доставленную ему, Рейнботу, прямо въ Европейскую гостиницу, черезъ курьера и безъ какой-либо препроводительной бумаги. И, когда тѣ деньги были исчерпаны, Рейнботъ сообщилъ о томъ Крыжановскому и получилъ еще тысячу рублей.

Допрашивается чиновникъ ревизіи сен. Гарина Дмитриевъ, которому было поручено обривозовать счетную часть. На неурядицы въ этой части указалъ ему и управляющій канцеляріею градоначальства Быковъ (теперь—душевно больной), но не официально. Отъ Быкова же свидѣтель узналъ о 115000 р., взятыхъ изъ казначейства и положенныхъ въ Купеческій банкъ, для сокрытія наличности этого остатка отъ кредитовъ на полицію, когда министерство предложило израсходовать остатки на конно-полицейскую стражу. Быковъ, въ показаніи свидѣтеля, былъ совершенно отстраненъ Рейнботомъ отъ денежной части, ею сталъ вѣдать всецѣло самъ градоначальникъ.

Ген. Рейнботъ объясняетъ по поводу упомянутыхъ 115000 р., что онъ первый поѣхалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ доложить, что у него есть 115000 р., но просить этихъ денегъ у него не брать, оставить на выдачу наградныхъ и полиціи, и ночнымъ сторожамъ, несшимъ въ тревожное послѣ революціонное время очень тяжелую службу. И получилъ на то согласіе; договорился, что лишь часть онъ истратитъ на конно-полицейскую стражу. Затѣмъ, подсудимый даетъ сенату объясненіе, что онъ самъ первый ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ о назначеніи этой ревизіи, чтобы разрушить грязныя сметы, которыя стали гулять по Москвѣ на его счетъ послѣ его ухода съ поста московскаго градоначальника. Ходатайствовалъ о томъ ген. Рейнботъ черезъ ген.-ад. Клейгельса. Предполагалась ревизія чрезъ генералъ-адъютанта. Узнавъ о томъ, П. А. Столыпинъ ходатайствовалъ, чтобы ревизія была черезъ сенатора, такъ какъ, по его словамъ, то будетъ ревизія и надъ нимъ, Столыпинымъ. По назначеніи ревизіи сенатора Гарина и по пріѣздѣ послѣдняго въ Москву, ген. Рейнботъ, какъ онъ показываетъ, самъ поѣхалъ къ нему, рассказалъ все то, что теперь составляетъ содержаніе обвиненія. А затѣмъ, чтобы закрѣпить слѣдъ своего разговора, ген. Рейнботъ 16-го января 1908 г. отправилъ сенатору Гарину письмо, въ которомъ снова излагаетъ все тѣ обстоятельства, о которыхъ говорилъ съ сенаторомъ въ личной бесѣдѣ, и которыя теперь представляютъ почти исчерпывающее содержаніе обвинительнаго акта.

Третій день. По ходатайству ген. Рейнбота оглашается письмо его къ сенатору Гарину, о которомъ подсудимый говорилъ накануне, передъ закрытіемъ засѣданія.

Въ этомъ письмѣ, говоря его подлинными словами, излагаются „тѣ дѣйствія, которыя могли бы при нормальныхъ условіяхъ и съ формальной точки зрѣнія считаться противозаконными, но получили осуществленіе въ виду глубокаго его, Рейнбота, убѣжденія, что онъ не только былъ въ правѣ, но и обязанъ это сдѣлать во имя пользы службы“. Рейнботъ рассказываетъ далѣе въ письмѣ, какую невеселую картину представляла московская полиція и даже ея высшіе чины при его вступленіи въ должность. Рассказываются многіе случаи взяточничества чиновъ полиціи, даются весьма интересные характеристики, между прочимъ—полицейстеру

Будбергу, до Рейнбота и д. помощника градоначальника. Указывается, какія мѣры приходилось принимать Рейнботу и т. д. Письмо заканчивается просьбою—при докладѣ о результатахъ ревизіи всеподданнѣе доложить Государю Императору о вышеизложенномъ, а также ходатайство его, Рейнбота, о преданіи гласности, чтобы чрезъ то разрушились грязныя клеветы.

Свидѣтель Эппингеръ, завѣдующій технической частью при градоначальствѣ, показываетъ, что онъ докладывалъ градоначальнику о необходимости разсчитаться съ приспособившимъ сарай подъ новую типографію градоначальства подрядчикомъ. Градоначальникъ отвѣтилъ, что не имѣетъ на томъ никакихъ суммъ. А затѣмъ свидѣтелю было предложено въ казначействѣ расплатиться въ полученіи наградныхъ, съ указаніемъ, что эти деньги и пойдутъ на расчетъ съ подрядчикомъ. Въ отвѣтъ на вопросъ защиты свидѣтель показываетъ, что никакихъ претензій на это, никакихъ жалобъ онъ не заявлялъ. Почти аналогичное показаніе—слѣдующаго свидѣтеля Поликарпова, которому также были выписаны наградныя и пошла на уплату тому же подрядчику. Рейнботъ, по поводу указанныхъ свидѣтелей даетъ объясненіе, что типографія, о которой идетъ рѣчь, (вторая или новая градоначальническая типографія) была имъ завведена съ цѣлью получать лишніе средства на улучшеніе положенія полиціи и своихъ служащихъ, на большія противъ прежняго имъ награды и т. п.

Свидѣтель Покровский, казначей градоначальства, показываетъ, что уже при своемъ вступленіи въ должность, очень задолго до ген. Рейнбота, засталъ такъ назыв. долговую книгу. Затѣмъ свидѣтель объясняетъ, какъ велась счетная часть, какія имѣлись книги, какъ выписывались ассигновки, ордера и т. п. Въ отвѣтъ на заданный ему вопросъ, свидѣтель показываетъ, что, когда Короткій уходилъ со службы въ градоначальствѣ, ему было дано пособіе. Въ объясненіе этого ген. Рейнботъ показываетъ, что узналъ компрометирующія свѣдѣнія о своемъ помощникѣ, убѣдился, что онъ не исполняетъ самыхъ категорическихъ его приказаній. Служба совмѣстно стала невозможной. И Короткій долженъ былъ подать въ отставку. Въ виду его бѣдственнаго положенія ему было выдано пособіе, приблизительно въ 1500 руб.

Бывшій чиновникъ Градоначальства Кандауровъ, дѣлопроизводитель хозяйственнаго отдѣленія, на вопросъ прокурора описываетъ, какъ были распределены различные предметы вѣдомства по отдѣламъ градоначальства, его канцеляріи,—кто вѣдалъ клубами, кто—трактирами, домами свиданій, ассензаторами и т. д. Отъ Быкова свидѣтель слышалъ, что тотъ былъ въ кабинетѣ градоначальника, когда ген. Рейнботъ говорилъ съ Петербургомъ, съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, по телефону, и тотъ далъ разрѣшеніе на выдачу наградъ ночнымъ сторожамъ.

Свидѣтель Комендантовъ, бывшій начальникомъ полицейскаго резерва, показываетъ, объ отношеніяхъ между ген. Рейнботомъ и Быковымъ,—отношеніяхъ холодныхъ. Рейнботъ не разъ говорилъ свидѣтелю, что Быковъ отлыниваетъ отъ работы. Чиновникъ счетнаго отдѣленія Арефьевъ показываетъ, что и при предшественникахъ Рейнбота подписывались фиктивные награды и ими покрывались различные расходы. Въ счетоводствѣ введены при ген. Рейнботѣ нѣкоторыя новшества; ассигновки не всегда отвѣчали всемъ кассовымъ правиламъ, но ничего „криминальнаго“, по выраженію свидѣтеля, онъ въ этомъ никогда не усматривалъ.

Ген. Рейнботъ проситъ огласить переписку съ Петербургомъ о конно-полицейской стражѣ, о не разъ уже упоминавшихся выше остаткахъ отъ кредитовъ, и подчеркиваетъ, что „Быковъ, писавшій проектъ отвѣта министерству, напсалъ: остатковъ и не будетъ“, онъ же, Рейнботъ, направилъ редакцію въ томъ смѣслѣ, что просилъ оставить остатки въ его распоряженіи. Этимъ доказывается, что онъ не имѣлъ въ виду ничего скрывать и вводитъ въ заблужденіе.

Несущественно показаніе вольнонаемнаго служащаго градоначальства Крылова, удостовѣряющаго, что растрата одного изъ помощниковъ пристава, была покрыта выпискою наградныхъ полицеймейстеру Будбергу и приставу Кожину. Ген. Рейнботъ заявляетъ, что факта такого покрытія растраты онъ не отрицаетъ. О томъ и *videtur* на історическомъ языкѣ—*est factum*

пристава Кожина, помощникъ котораго, Федоровъ и произвелъ растрату, проигравъ деньги, полученные на жалованіе городовымъ, въ Пѣмецкомъ клубѣ. Ген. Будбергъ доложилъ градоначальнику, что клубъ жадеетъ возмѣстить растрату, но ген. Рейнботъ нашелъ это недопустимымъ, сказалъ, что самъ покроетъ ее, и приказалъ выписать Будбергу и Кожину наградныя, которыя и пошли на покрытие растраты. Свидѣтель Кожинъ дополняетъ картину этого пополненія растраты черезъ фиктивныя наградныя указаніемъ, что онъ сначала не хотѣлъ соглашаться на такую фикцію, но побоялся протестовать, такъ какъ градоначальникъ вообще его преслѣдовалъ, подвергалъ всякимъ взысканіямъ, довелъ до нервной болѣзни. Рейнботъ объясняетъ сенату, что его преслѣдованія (какъ выражается свидѣтель) вызвались нетрезвымъ поведеніемъ этого пристава.

Вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ Шимкевичъ показываетъ по вопросу объ „остаткахъ“ и о расходѣ на конно-полицейскую стражу, который министерство предлагало сдѣлать изъ этого остатка. Свидѣтель говоритъ, что бумагу, полученную отъ ген. Рейнбота онъ понялъ такъ, что остатковъ у него нѣтъ. Свидѣтель вспоминаетъ, что ген. Рейнботъ былъ у него, имѣлъ бесѣду по этому же вопросу, и они согласились, чтобы на градоначальника легъ по этому дѣлу расходъ лишь въ 16.000 р.

Внѣ намѣченнаго порядка, соответствующаго порядку обвинительнаго акта, допрашивается свидѣтель защиты, ген. Кайгородовъ. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у ген. Рейнбота, когда тотъ велъ по телефону разговоръ съ Петербургомъ, и градоначальникъ говорилъ, что у него нѣтъ средствъ, потомъ соглашался на что-то израсходовать 22.000, но съ условіемъ, чтобы ему эта сумма была возвращена. Какъ-то Рейнботъ, глубоко возмущенный, рассказывалъ ему, что только что ему предлагали крупную взятку (кажется—дома терпимости, просившіе, чтобы они ихъ не выселяли съ насѣженныхъ мѣстъ), а когда Рейнботъ ихъ выгналъ, они выкрикнули: „можетъ быть мало?“. Далѣе свидѣтель сдѣлалъ очень лестную характеристику ген. Рейнбота, котораго знаетъ очень давно, сказалъ объ его высокихъ нравственныхъ качествахъ и о большой зажиточности, о томъ, что и первая, и вторая его жены—женщины богатыя. Столь же лестную характеристику ген. Рейнбота дѣлаетъ слѣдующій свидѣтель, также свидѣтель защиты, офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ, Лесенко, знающій Рейнбота еще съ академіи. Отмѣчаетъ и этотъ свидѣтель, что Рейнботъ никогда не былъ человѣкомъ нуждающимся. Наконецъ, третій свидѣтель защиты за этотъ день—бывшій управляющій московскою контрою Императорскихъ театровъ Фонъ-Бооль. Его показаніе—въ связи съ вопросомъ объ устройствѣ ген. Рейнботомъ новой типографіи. Фонъ-Бооль предлагалъ Рейнботу передать его новой типографіи заказъ на печатаніе афишъ Императорскихъ театровъ, говорилъ, что возможенъ авансъ въ 10000 руб. Но, затѣмъ была продолжена монополія типографіи Левенсонъ, и этотъ заказъ разстроился. (День заканчивается общирнымъ, специальнымъ показаніемъ эксперта Кутлера). Онъ, между прочимъ, показываетъ, что на предварительномъ слѣдствіи вычислилъ сумму неправильно выданныхъ ген. Рейнботомъ наградъ и пособій, съ нарушеніемъ правилъ, въ 293 тысячи руб. Но экспертъ упустилъ изъ виду одно мнѣніе Государственнаго Совѣта, согласно съ которымъ часть выдачъ надо признать законными, отчего сумма неправильно выданныхъ понижается до 210 тысячъ. Далѣе экспертъ говорилъ о неправомерности храненія денегъ въ частномъ банкѣ и о нарушеніи правилъ о единствѣ кассы государственнаго казначейства черезъ храненіе большихъ суммъ въ казначействѣ градоначальства. Защита, въ лицѣ прис. пов. Мпятава, задаетъ нѣсколько вопросовъ о казначейскихъ правилахъ, о законахъ относительно контроля, но останавливается предѣлательствующимъ, находящимъ недопустимымъ теоретическое изслѣдованіе этихъ вопросовъ, внѣ тѣснѣйшей связи съ предъявленными обвиненіями. Другой защитникъ, Карабчевскій, проситъ эксперта отвѣтить, была ли возможность удовлетворить нѣкоторыя нужды безъ нарушенія идеальныхъ требованій счетоводства, напримѣръ—въ случаѣ съ содержаніемъ арестантовъ, на которыхъ еще не отпущенъ кредитъ. Экспертъ отвѣчаетъ, что во всякомъ случаѣ правила не могутъ быть нарушаемы.

Вторая часть обвинительнаго акта говорить о случаѣхъ превышенія власти ген. Рейнботомъ, выразившихся въ высылкахъ внѣ установленныхъ закономъ нормъ и условий. Первый случай такого превышенія власти—относительно кузнецъ Савельева, съ которымъ хотѣла вступить въ бракъ дочь помѣщицы Ланской. Когда Савельевъ съ Ланской пріѣхали, для вѣнчанія, въ Москву, Савельевъ былъ арестованъ, а затѣмъ высланъ изъ Москвы на все время дѣйствія положенія объ усиленной охранѣ въ Тверскую губернію. Первымъ допрашивается самъ потерпѣвшій Савельевъ, рассказывающій, при какихъ условіяхъ онъ былъ арестованъ на вокзалѣ, препровожденъ въ сыское отдѣленіе, тамъ задержанъ въ теченіе десяти дней, подвергался долгимъ уговорамъ отказаться отъ брака, угрозамъ ссылкой въ Сибирь. Предлагали ему и денегъ, но онъ отказался. И въ результатѣ былъ высланъ.

Ген. Рейнботъ даетъ объясненіе по этому случаю, рассказываетъ, какъ къ нему явился мать дѣвушки съ карточкою отъ почетнаго опекуна Пушкина. Градоначальникъ отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать, потомъ вызвалъ начальника сыскаго отдѣленія Моисеенко, передалъ ему о просьбѣ Ланской, просилъ помочь. Затѣмъ Моисеенко ему доложилъ, что задержанный Савельевъ требуетъ освобожденія и грозить затѣмъ сдѣлать скандалъ, повидимому—Пушкину. Тогда градоначальникъ распорядился о высылкѣ Савельева, при чемъ предоставилъ ему выбрать мѣсто высылки. Когда же градоначальникъ былъ запрошенъ генералъ-губернаторомъ о причинахъ высылки, онъ, въ виду даннаго Ланской обѣщанія сохранить все дѣло въ тайнѣ, написалъ, что Савельевъ высланъ, какъ политически неблагонадежный, а затѣмъ поѣхалъ лично къ генералъ-губернатору и объяснилъ истинную причину.

Свидѣтель Моисеенко показываетъ тѣ же подробности о событіяхъ, предшествовавшихъ задержанію Савельева на вокзалѣ. Въ распоряженіи Моисеенко всегда были готовые бланки объ арестѣ лицъ, грозящихъ общественному порядку, такъ что онъ могъ арестовать Савельева. Далѣе, бывшій начальникъ сыскаго отдѣленія рассказываетъ, какъ и онъ, и Ланская уговаривали Савельева отказаться отъ брака, предлагали деньги, но Савельевъ стоялъ на своемъ и говорилъ, что бракъ ему дастъ больше выгодъ. На вопросы защиты свидѣтель говоритъ, что слышалъ, что Ланская дочь уѣхала вскорѣ за границу и тамъ вышла замужъ за челоѣка своего круга.

Второй случай превышенія власти—въ отношеніи къ Ермолаеву, у котораго градоначальство снимало помѣщеніе для конно-полицейской стражи. За отсутствіемъ потерпѣвшаго Ивана Ермолаева, его показаніе читается. Въ немъ Ермолаевъ рассказываетъ, что у него съ начальникомъ полицейской стражи Каменскимъ происходили постоянныя непріятности, и Ермолаевъ хотѣлъ какъ-нибудь освободиться отъ договора съ градоначальствомъ и воспользовался тѣмъ, что арендныя деньги не были внесены въ срокъ. Онъ поручилъ адвокату подать искъ о расторгненіи договора и о взысканіи согласно ему, всей, арендной суммы до конца срока аренды. Онъ былъ вызванъ къ градоначальнику, тотъ кричалъ на него, требовалъ отказаться отъ иска, въ противномъ случаѣ грозилъ долгимъ арестомъ. Однако угрозы въ исполненіе не привели. Но вскорѣ полицією былъ составленъ протоколъ за непрошукъ новаго жилья, офицера, хотя дворникъ Ермолаевъ докладывалъ околотоchno, что вотъ пріѣхалъ новый жилецъ, офицеръ, а вида все не даетъ. Въ результатѣ протокола Ермолаевъ и дворникъ были подвергнуты аресту на три мѣсяца каждый. На слѣдующее утро мать Ермолаева и братъ поѣхали къ градоначальнику хлопотать. И сказали, что возмуть назадъ искъ, измѣнить договоръ въ желательномъ Каменскому смыслѣ. Тогда арестъ былъ замѣненъ 500 рублевымъ штрафомъ. На слѣдующій же день искъ былъ взятъ назадъ, а у нотариуса заключено новое условіе согласно указаніямъ Каменскаго.

Въ своихъ объясненіяхъ по этому поводу ген. Рейнботъ говоритъ, что ему давно уже жаловались на Ермолаева, на безобразное содержаніе двора, на неисполненіе имъ обязательствъ, принятыхъ на себя по договору, на всякія притѣсненія, чинимыя Каменскому и т. д. Искъ, предъявленный Ермолаевымъ, не могъ его, Рейнбота, тревожить, такъ какъ было очевидно, что всякій

судь откажетъ въ немъ. Наложение ареста состоялось безъ какого-либо отношенія къ иску; замѣненъ же арестъ штрафомъ по слезной просьбѣ матери арестованнаго, ссылавшейся на болѣзнь его беременной жены, на которую вѣсть объ арестѣ мужа можетъ очень сильно повлѣять.

Свидѣтель Ермолаевъ, братъ потерпѣвшаго, рассказываетъ, какъ онъ съ матерью поѣхали въ градоначальство, какъ она упала въ ноги, молила. Градоначальникъ отвѣтилъ: „онъ меня будетъ бить по носу, а я буду ему молчать“. Но, затѣмъ, согласился замѣнить штрафомъ. Потомъ поѣхали къ нотаріусу, перемѣнили договоръ, уже безъ неустойки, повѣренному поручили взять назадъ искъ. У Каменскаго, когда они были въ канцеляріи градоначальника, былъ уже готовый проектъ перемѣнъ въ договорѣ.

День четвертый. Первый свидѣтель этого дня—бывшій помощникъ московскаго градоначальника, исполнявшій должность градоначальника послѣ ухода Рейбота, теперь и. д. Керчь-Еникальскаго градоначальства, полк. Климовичъ. Его показанія касаются отчасти раздачи пособій на пріемахъ въ градоначальствѣ. Свидѣтель въ бытность свою помощникомъ градоначальника въ Москвѣ расходовалъ на эти раздачи до 150 руб. въ мѣсяцъ. Главная часть показаній касается случая съ Ермолаевымъ. Къ свидѣтелю пришелъ пом. прис. пов. Гальберштадтъ и сказалъ, что вчинилъ искъ о расторженіи договора за нештатежъ арендныхъ денегъ. Свидѣтель отвѣтилъ, что деньги всегда готовы, что самъ Ермолаевъ не приходитъ за ними въ положенное время. Свидѣтель доложилъ о сказанномъ ему повѣреннымъ Ермолаева градоначальнику; тотъ отвѣтилъ, что для иска нѣтъ никакихъ основаній, сказалъ, что вызоветъ Ермолаева къ себѣ. При разговорѣ градоначальника свидѣтель съ Ермолаевымъ не былъ, слышалъ лишь, какъ градоначальникъ сказалъ: „идите“. На Ермолаева былъ составленъ протоколъ объ антисанитарномъ содержаніи двора. Когда свидѣтель доложилъ объ этомъ Рейботу, тотъ хотѣлъ наложить высшую мѣру взысканія, но свидѣтель отговорилъ это дѣлать, такъ какъ градоначальство—арендаторъ этого помещенія. Затѣмъ былъ представленъ протоколъ о непрошскѣ, и на Ермолаева былъ наложенъ арестъ на 3 мѣсяца. Къ свидѣтелю пріѣхали братъ и мать арестованнаго, послѣдняя становилась на колѣни, говорила, что сама никогда не допустила бы до иска, до недоразумѣній съ Каменскимъ, просила доложить градоначальнику ея просьбу, о замѣнѣ ареста штрафомъ. Свидѣтель также присоединилъ свою просьбу, тронутый горемъ матери. На вопросъ прокурора, свидѣтель отвѣчаетъ, что кажется, взялъ съ Ермолаевой расписку объ измѣненіи договора, но разговоръ объ этомъ измѣненіи и отказѣ отъ иска завела она первая. Далѣе, такъ какъ свидѣтель спѣшилъ къ мѣсту своей службы, его допрашиваютъ, забывая впередъ, и по другимъ пунктамъ обвиненія, главнымъ образомъ—о клубахъ. Свидѣтелю было поручено собрать матеріалы о клубахъ, о развитіи въ нихъ азартныхъ игръ. Онъ собралъ матеріалы о четырехъ предпринимательскихъ клубахъ, представлявшихъ замаскированные, да и то—лишь слегка, игорные дома. Въ нѣкоторыхъ было столько же старшинъ, сколько членовъ. Особенно вредными онъ признавалъ Спортивный, Артистическій клубы и Преображенско-Семеновское собраніе. Въ своемъ докладѣ о клубахъ и о необходимости ихъ ликвидировать свидѣтель прежде всего подчеркивалъ клубъ Артистическій. Ликвидацию клубовъ указанного типа свидѣтелю пришлось произвести уже самому, когда послѣ Рейбота, онъ исправлялъ должность московскаго градоначальника, о томъ, что съ клубовъ получаютъ деньги на благотворительность, свидѣтель сначала лишь догадывался. Затѣмъ однажды градоначальникъ ему сказалъ, что надо обратить особое вниманіе на два клуба, такъ какъ эти клубы вносятъ на благотворительность и потому могутъ счесть себя привилегированными. Свидѣтель въ отвѣтъ на вопросы защиты показываетъ затѣмъ о быстро охладѣвшихъ отношеніяхъ Рейбота къ Короткому, объ отчетности типографіи, о нѣкоемъ Стволовѣ, который всегда доложилъ въ пріемной градоначальника, пользовался, повидимому, расположеніемъ Рейбота. Какъ-то на вопросъ свидѣтеля о Стволовѣ Рейботъ ему сказалъ, что этотъ Стволовъ видный членъ добро-

вольной охраны высокопоставленныхъ лицъ. Потомъ пошли слухи, все болѣе утѣренные, оказавшіеся затѣмъ правдою, что Стволовъ торгуетъ своимъ влияніемъ, или призракомъ своего влияния, въ градоначальствѣ, беретъ деньги за проведеніе разныхъ дѣлъ у градоначальника. И ген. Рейботъ отдалъ приказъ болѣе не пускать Стволова въ градоначальство. Часто бывалъ въ градоначальствѣ, проводилъ тамъ всякій дѣла, трактирщиковъ и другихъ, и пом. прис. повѣр. Тарбѣевъ. Сначала Тарбѣевъ умѣлъ добиться довѣрія и сочувствія къ нему корректностью и вкрадчивостью. Но затѣмъ свидѣтель, уже будучи и. д. градоначальника, узналъ, что Тарбѣевъ также торгуетъ своимъ влияніемъ въ градоначальствѣ—что хлопоты его за разныхъ лицъ далеко не безкорыстны. И свидѣтель вывѣсилъ объявленіе, что посредники въ градоначальствѣ не допускаются. Въ этомъ объявленіи имѣлся въ виду прежде всего Тарбѣевъ. Наконецъ, въ отвѣтъ на вопросы защитника Карабчевскаго, свидѣтель показываетъ, что Москва во время градоначальствованія ген. Рейбота была еще полна откликовъ революціи, была вся въ броженіи; популенія на ген. Рейбота были отнюдь не „бутафорскія“, но отлично организованную партію социалъствовавшихъ революціонеровъ.

Свидѣтель ротмистръ Каменскій, начальникъ отдѣленія конно-полицейской стражи, показываетъ о прідиракахъ, чинившихся ему Ермолаевымъ, о невозможномъ грязномъ содержаніи двора, а также, въ отвѣтъ на вопросы прокурора, что, кажется, просилъ мать Ермолаева, когда онъ былъ арестованъ, устранить сына отъ управленія домомъ. Свидѣтель, по просьбѣ Ермолаевыхъ, ѣздилъ съ ними въ градоначальство и просилъ полк. Климовича похлопотать у градоначальника объ отмѣнѣ ареста. А когда Климовичъ отвѣтилъ, что „генералъ врядъ ли согласится“, свидѣтель, кажется, сказалъ: „они пойдутъ на все уступки“.

Свидѣтель Талыковъ, кучеръ Ермолаева, показываетъ: разъ, пріѣхавъ изъ градоначальства, Ермолаевъ сказалъ ему, что съ нимъ ѣздить не будетъ, а онъ пусть слѣдитъ за домомъ, такъ какъ къ нему, Ермолаеву, прідираются, хотя въ непремѣнно подвести подъ протоколъ. Свидѣтель трижды ходилъ въ участокъ къ околоточному и говорилъ о пріѣхавшемъ новомъ жильцѣ, который не даетъ паспорта для прописки. Свид. Апаринъ, околоточный надзиратель, показываетъ, что приставъ приказалъ ему слѣдить за домомъ Ермолаева, что необходимо составить протоколъ, такъ какъ градоначальникъ ежедневно спрашивается, не составленъ ли протоколъ. За свою долгу службу свидѣтель не знаетъ случая, чтобы за непрописку налагалось такое суровое наказаніе, обыкновенно—штрафъ въ 3—5 рублей.

По поводу этого показанія ген. Рейботъ просить задать вопросъ полк. Климовичу: не было ли случая, что за непрописку лишь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ онъ подвергъ одно лицо аресту на три мѣсяца? Климовичъ удостовѣряетъ, что такой случай былъ. Оказывается изъ дальнѣйшихъ вопросовъ, что это лицо—Лидваль, въ ту пору скрывавшійся.

Отглашается отзывъ о полк. Короткомъ командира полка, въ которомъ онъ служилъ до перехода въ градоначальство. Отзывъ очень лестный, рисующій Короткаго честнымъ человекомъ, отличнымъ товарищемъ, добросовѣстнымъ и внимательнымъ къ подчиненнымъ начальникомъ.

На очереди—обвиненіе въ поборахъ, въ вымогательствахъ съ домовъ свиданій, съ которыхъ, согласно обвинительному акту, ген. Рейботомъ было взято на дѣла благотворенія 10000 руб., и этотъ взносъ былъ поставленъ условіемъ разрѣшенія имъ дальнѣйшаго существованія. Первымъ показываетъ свидѣтель Егоровъ, содержатель одного изъ домовъ свиданія. Свидѣтель показываетъ, что „дома“ возникли при введеніи винной монополіи, при чемъ настоялъ на такомъ типѣ „домовъ“, вмѣсто прежде промышлявшихъ сдачею номеровъ подъ развратъ меблированныхъ комнатъ, ген. Треповъ. При немъ были выработаны и особые правила для „домовъ“. Съ вступленіемъ въ должность ген. Рейбота начались преслѣдованія, постоянные обходы полиціи, которая переписывала достигнутыхъ въ домъ; иногда обходы были по нѣсколько разъ въ день. Свидѣтель даже рѣшилъ временно за-

крыть свой домъ, подъ предлогомъ ремонта. Съ ходатайствомъ о защитѣ свидѣтель ъздилъ къ ген. Тропоу. Потомъ онъ, черезъ ресторатора Гладышева, познакомился съ Стволовымъ, и на совѣщаніи съ послѣднимъ было рѣшено поднести Короткому, по случаю спасенія отъ грозившей ему при покушеніи на ген. Рейнбота опасности, икону, а затѣмъ поговорить, какъ быть съ домами, какъ избавить ихъ отъ преслѣдованій. Они предложили Короткому внести въ кассу тогда затѣвавшася благотворительнаго общества при градоначальствѣ и пріюта въ память спасенія градоначальника отъ опасности крупную сумму, тотъ сказалъ, что передать градоначальнику. На слѣдующій день Егоровъ съ другими содержателями, Никитинимъ и Барашковымъ, были въ градоначальствѣ и вручили Короткому 10000 р. Короткій тогда же пошелъ съ ними въ кабинетъ къ градоначальнику и, вернувшись, передалъ, что градоначальникъ разрѣшилъ принять, выразилъ благодарность. Деньги были приняты казначеемъ, при чемъ въ книгахъ пожертвованіе было записано, съ согласія жертвователей, какъ поступившее отъ неизвестныхъ. Кромѣ того содержатели дали обѣщаніе ежегодно вносить по 2000 руб. каждый.

Полк. Короткій по поводу этого показанія даетъ объясненіе, что, живя всегда въ Петербургѣ, онъ даже не зналъ о существованіи такого рода домовъ. Когда ему поднесли икону, разговора о деньгахъ не было совсѣмъ. Когда затѣмъ трое лицъ пришли со Стволовымъ въ градоначальство и предложили пожертвовать 10000 руб. онъ не зналъ ихъ профессіи.

Ген. Рейнботъ показываетъ, что ему пришлось отказываться отъ борьбы съ домами свиданій, въ виду посылавшихся на него запросовъ изъ канцеляріи генераль-губернатора, на какомъ основаніи чинятся препятствія, этимъ домамъ. Затѣмъ ему стало извѣстно, что хозяева домовъ собираются вчинить къ нему искъ объ убыткахъ, опредѣляемыхъ ими въ очень крупной суммѣ. Онъ увидалъ, что не побѣдитъ въ поднявшейся борьбѣ, и распорядился о прекращеніи обходовъ. При томъ распоряженіе это было отдано раньше того, какъ появились въ градоначальствѣ приведенные туда Стволовымъ Егоровъ Барашковъ и Никитинъ и принесли деньги на благотворительность. Кто были эти лица,—онъ не знаетъ.

День пятый. День начинается съ вторичнаго допроса свид. Кандаурова относительно размѣровъ раздачи пособій на приемахъ въ градоначальствѣ. Свидѣтель говоритъ, что раздача производилась очень щедро, выдавались деньги почти всѣмъ, и крупными суммами. Извѣстны свидѣтелю и нѣкоторые случаи выдачи пособій градоначальникомъ не на общемъ приемѣ, а въ кабинетѣ. Какъ-то градоначальникъ ему сказалъ, что онъ, свидѣтель, и представить себѣ не можетъ, сколько на это уходитъ денегъ, иной разъ—до ста рублей въ день. Изъ какихъ именно источниковъ градоначальникъ производилъ эти выдачи, свидѣтель не знаетъ; знаетъ лишь, что къ градоначальнику поступали какія-то суммы на благотворительность. Даетъ свидѣтель и показанія о клубахъ,—объ Общественномъ собраніи, именованномъ обыкновенно Филипповскимъ, и о Спортивномъ клубѣ. Свидѣтель знаетъ, что въ сентябрѣ 1907 г. первый клубъ сдѣлалъ постановленіе вносить ежемѣсячно по 1000 руб. въ благотворительное общество. Рейнботъ на бумагѣ объ этомъ написалъ, что „клубъ закрыть“, и сказалъ свидѣтелю: „неужели они думаютъ, что такимъ путемъ добьются чего-нибудь?“. Тутъ же Рейнботъ сказалъ свидѣтелю, что теперь первая очередь закрытія—за Артистическимъ клубомъ. Далѣе свидѣтель рассказываетъ, какое недоразумѣніе произошло со Спортивнымъ клубомъ: градоначальникъ приказалъ взять подписку, что клубъ не будетъ вести азартныхъ игръ, а приставъ такой подписки не взялъ, и потому градоначальникъ не счелъ возможнымъ закрыть клубъ, хотя желалъ это сдѣлать въ виду дошедшихъ до него свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ этомъ клубѣ. Отвѣтственность за клубъ принялъ на себя старшина, американскій консулъ Смитъ. Вскорѣ клубъ сталъ платить по 1000 руб. на благотворительность. При чемъ Рейнботъ сказалъ свидѣтелю: пускай платятъ; все равно, при первомъ случаѣ закрою.

Ген. Рейнботъ даетъ объясненія по поводу нача-

той имъ борьбы съ карточнымъ азартномъ въ клубахъ и вообще съ предпринимательскими клубами. Борьба была по его словамъ, очень трудная, такъ какъ клубы имѣли сильныя протекціи, очень вліятельныхъ заступниковъ. На закрытіе Общественнаго собранія пришлось потратить годъ борьбы. Предсѣдателемъ совѣта старшинъ въ этомъ клубѣ былъ ген. отъ инфантеріи Лавровъ, который энергично защищалъ клубъ, явился хлопотать о клубѣ и чиновникъ интендантства Арнольдъ съ карточкой отъ одного очень высокопоставленнаго лица, имени котораго подсудимый не считаетъ удобнымъ назвать. И этотъ Арнольдъ прозрачно намекалъ, что Рейнботу будутъ давать ежемѣсячно 6000 руб. Относительно Спортивнаго клуба градоначальникъ долженъ былъ приостановиться своими распоряженіями о закрытіи, въ виду того, что приставъ не исполнилъ его приказанія и не взялъ подписки о прекращеніи игръ. И лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя градоначальникъ распорядился о закрытіи этого клуба, при чемъ, узнавъ, что не можетъ закрыть его черезъ присутствіе обществъ и союзовъ, такъ какъ клубъ имѣлъ уставъ, утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ, закрылъ въ порядкѣ охраны. Въ результатѣ этого закрытія генераль-губернаторомъ было назначено негласное разслѣдованіе. Потомъ градоначальнику пришлось выслушать выраженія неудовольствія по поводу этого закрытія и отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и только, когда Рейнботъ объяснилъ послѣднему положеніе дѣлъ, тотъ его вполне одобрилъ.

Далѣе ген. Рейнботъ даетъ объясненіе по поводу оштрафованія Масленикова, въ виду того, что нѣкоторые показанія и по этой части обвиненія были даны, въ общихъ чертахъ, свид. Кандауровымъ. Подсудимый говоритъ, что тутъ важѣйшимъ свидѣтелемъ былъ бы бывшій московскій генераль-губернаторъ ген. Гершельманъ, теперь покойникъ. Когда разыгралась исторія въ ресторанѣ Трехгорнаго товарищества, гдѣ Маслениковъ оскорбилъ офицера Сушильникова, и объ этомъ на утро появилась замѣтка въ одной изъ московскихъ газетъ, генераль-губернаторъ препроводилъ къ Рейнботу, вырѣзку изъ газеты и запросилъ о подробностяхъ. Собравъ всѣ свѣдѣнія, градоначальникъ поѣхалъ къ генераль-губернатору; тотъ хотѣлъ Масленикова выслать изъ Москвы. Градоначальникъ заступился, говоря, что такая кара будетъ для мелкаго служащаго слишкомъ тяжелой, предложилъ замѣнить штрафомъ, рублей въ 100; генераль-губернаторъ согласился на штрафъ, но въ размѣрѣ вышемъ, въ 500 рублей. Въ доказательство вѣрности этого своего объясненія подсудимый представляетъ суду письмо свое къ генералу Гершельману, въ которомъ просить его разрѣшенія съслаться на него, какъ на свидѣтеля по данному эпизоду, и отвѣтное письмо генеральши Гершельманъ, въ которомъ она сообщаетъ, что мужъ ея серьезно боленъ, почему она не считаетъ возможнымъ показывать ему письмо Рейнбота.

Свидѣтель Барашковъ, содержатель одного изъ домовъ свиданій, рассказываетъ исторію преслѣдованій домовъ и внесенія 10-тысячнаго пожертвованія на благотворительное общество при градоначальствѣ,—приблизительно то же, что наведеннѣй показывалъ Егоровъ. Онъ добавляетъ, что тѣ деньги, которыя содержатели домовъ обязались вносить ежегодно, съ нихъ потребовали даже раньше срока, такъ какъ обществу предстояло купить домъ. Принимавшій отъ Барашкова деньги сказалъ, что напомниманіе сдѣлано по приказанію градоначальника.

Свидѣтели пристава Евреиновъ и Прутковскій показываютъ, что по распоряженію градоначальника производили частые обходы домовъ, иногда—по нѣскольку разъ въ день, а затѣмъ получили отъ Короткаго по телефону приказаніе—обходы прекратить.

Судъ переходитъ къ разсмотрѣнію обвиненія въ вымогательствахъ и вообще поборахъ съ содержательницъ квартиръ свиданій, при чемъ это обвиненіе направлено лишь противъ помощника градоначальника Короткаго. Свидѣтельница Ковальская, когда срокъ даннаго ей разрѣшенія на квартиру, былъ близокъ къ концу, была вызвана къ Короткому, и онъ ей сказалъ, что разрѣшеніе будетъ возобновлено лишь при условіи, если она внесетъ на благотворительное общество при градоначальствѣ известную сумму. При

этомъ указать и сумму—тысяча руб. Свидѣтельница отвѣтила, что такая сумма ей не под-силу, предлагала сто руб.; сошлись на 200. Деньги при свидѣтельницѣ не было,—Короткій приказалъ принести ихъ ровно черезъ два часа. Свидѣтельница принесла сто руб., потомъ еще сто—и разрѣшеніе до мая было дано. Какъ отмѣчаетъ прокуроръ, въ книги занесены лишь сто руб., вторая сто нигдѣ не отмѣчена. Свидѣт. Штейнмецъ показываетъ, что ее вызвалъ въ участокъ приставъ и объявилъ, что долженъ закрыть ея квартиру свиданій. Затѣмъ спросилъ, была ли она у Короткаго, посоветовалъ побывать, такъ какъ всѣ другія содержательницы уже были. Свидѣтельница пошла, получила разрѣшеніе и отъ радости внесла пожертвование 300 руб. „на убѣненныхъ городовыхъ“; деньги передала прямо въ руки Короткому. Въ книгахъ помѣчено 250 руб., при чемъ они показаны, какъ поступившіе отъ обывателей такого-то участка. Свидѣт. Агата Кубелисъ внесла на благотворительность, по доброй волѣ, 500 рублей Короткому, при чемъ выясняется, вопреки утверженію Короткаго, что эти деньги она внесла ему у него на квартирѣ. Нигдѣ въ книгахъ это пожертвование Кубелисъ не значится. Короткій по поводу этого показанія заявляетъ, что оно—вымыселъ, неизвѣстно чѣмъ вызываемый. Этихъ денегъ онъ и не получалъ. Свидѣт. Артамонова вмѣстѣ съ двумя другими содержательницами квартиръ свиданій, Маториной и Скворцовой, была у Короткаго на квартирѣ и каждая изъ нихъ внесла на благотворительность по 200 руб. И ихъ прошенія о разрѣшеніи дальше имѣть квартиры были уважены. Защита спрашиваетъ, гдѣ живетъ Короткій, и свидѣтельница точно опредѣляетъ адресъ. Совершенно аналогично показаніе свид. Маториной. Всего Короткимъ принято отъ содержательницъ квартиръ свиданій, согласно ихъ показаніямъ, 2400 руб.; въ книгахъ же градоначальства показаны лишь 1050 рублей.

Читается показаніе **Малинина**, показывающаго про свой разговоръ съ Никитинымъ. Онъ спросилъ Никитина, дорого ли ему обошлось разрѣшеніе дальше содержать домъ свиданій, Никитинъ въ отвѣтъ только схватился за голову.

Далѣ судебное присутствіе переходитъ къ допросу свидѣтелей-ассенизаторовъ, для выясненія обвиненія въ вымогательствѣ съ нихъ. Первымъ показываеъ свид. **Павлютинъ**, который былъ вызванъ въ градоначальство и за разлитіе нечистотъ его рабочими оштрафованъ на 100 руб. То же показываеъ второй свидѣтель **Шатровъ**, при чемъ говоритъ, что градоначальникъ грозилъ, въ случаѣ невнесенія этихъ денегъ, выслать изъ Москвы.

Ген. **Рейнботъ** даетъ объясненіе, въ которомъ рисуетъ, какое ужасное зло наносили Москвѣ такіе ассенизаторы, загрязнявшіе городъ нечистотами, и это было особенно опасно въ виду надвигающейся эпидеміи холеры. Борьба порядкомъ судебнымъ не давала результатовъ, такъ какъ судьи ограничивались ничтожными, въ нѣсколько рублей, штрафами. По просьбѣ защитника **Минятова**, читаются выдержки изъ протоколовъ, составленныхъ на ассенизаторовъ и рп-сующихъ, какъ широко было развито умышленное разлитіе нечистотъ.

День шестой. Засѣданіе открывается заявленіемъ прокурора относительно представленныхъ обвиняемому **Рейнботомъ** суду писемъ: его—къ ген.-Гершельману и вдовы послѣдняго—къ **Рейнботу**. По полученнымъ прокуроромъ свѣдѣніямъ, сопровождавшее предъявленіе этихъ документовъ заявленіе ген. **Рейнбота** не соответствуетъ истинѣ: письмо, представленное **Рейнботомъ**, какъ посланное имъ ген. **Гершельману**, не соответствуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тому, которое въ дѣйствительности получила генеральша **Гершельманъ** и которое вернуло ему при своемъ отвѣтѣ. Для выясненія этого обстоятельства обвинитель проситъ вызвать въ качествѣ свидѣтелей генеральшу **Гершельманъ** и поручика **Каховскаго**, бывшего адъютантомъ ген. **Гершельмана**. **Рейнботъ** присоединяетъ ходатайство допросить одновременно съ ними и его бывшего секретаря **Яковлева**, который переписывалъ письмо къ ген. **Гершельману**.

Короткій даетъ объясненіе по поводу вчера допрошенныхъ свидѣтельницъ, въ томъ смыслѣ, что, можетъ

быть, заноса ихъ пожертвования въ книгу, онъ и перепуталъ имена, потому, и кажется, что эти пожертвования не записаны въ книгу.

Продолжается допросъ свидѣтелей-ассенизаторовъ, содержателей обозовъ и ихъ рабочихъ. Показываютъ: **Тихомировъ**, оштрафованный на 50 руб., при чемъ и самъ не знаетъ, за что его оштрафовали; въ книгѣ **Короткимъ**, получившимъ этотъ штрафъ на благотворительность, занесены лишь 25 руб.; **Пахомовъ**, внесшій 100 руб., **Усачевъ**, показываеъ, что раньше было еще хуже, штрафовали еще больше, и всѣ, кто хотѣлъ; **Шалугинъ**, оштрафованный на 25 р. за ѣзду на большой лошади; **Морозовъ**, **Воробьевъ**, **Савинъ**, **Юрловъ**, **Губановъ** которому **Короткій** штрафъ въ 100 руб. подиалъ до двухсотъ за то, что тотъ сталъ-было возражать, говорить, что это не его рабочіе разлили нечистоты, въ указанномъ мѣстѣ вовсе и не работаютъ. **Шаронкинъ** показываеъ, что его обозъ простоялъ опечатаннымъ двѣ недѣли, и онъ понесъ убытку 1000 руб. **Гороховъ** показываеъ, что за распечатаніе обоза **Стволцовъ** съ него требовалъ 800 руб., тогда свидѣтели надумали пойти къ чиновнику Градоначальства **Кедрову**, и тотъ за сто рублей написалъ прошеніе и обозъ распечатали.

Серія показаній ассенизаторовъ прерывается показаніями кн. **Сумбатова**, показывающаго о взносахъ Литературно-Художественнаго Кружка на полнцейскій пріемный покой. Свидѣтель говоритъ, что такіе взносы **Кружокъ**, гдѣ онъ былъ председателемъ дирекціи, всегда дѣлалъ и раньше, и въ тѣхъ же размѣрахъ. По вопросу о степени развитія азарта въ Москвѣ свидѣтель показываеъ, что и раньше азартъ процвѣталъ не въ меньшей степени, и теперь въ нѣкоторыхъ клубахъ игра идетъ не въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ при ген. **Рейнботѣ**. Свидѣтель утверждаетъ, полную корректность ген. **Рейнбота** въ денежныхъ отношеніяхъ, говоритъ, что никогда не видалъ его играющимъ въ азартныя игры и никогда не слышалъ о крупныхъ проигрышахъ **Рейнбота**. Ген. **Рейнботъ** въ своемъ объясненіи указываетъ, что никогда въ клубахъ въ азартныя игры не игралъ.

Свидѣтель **Гофштетеръ**, чиновникъ контроля министерства Императорскаго Двора показываеъ, что получилъ отъ ген. **Рейнбота** 500 руб. на помощь бѣднѣйшимъ москвичамъ, оставшимся вѣрными Государю и присягѣ. Никакой росписки **Рейнботу** въ полученіи отъ него этихъ денегъ не давалъ.

Судебное присутствіе переходитъ къ допросу извозчиковъ, штрафованныхъ безъ соблюденія условій, указанныхъ въ соответствующихъ обязательныхъ постановленіяхъ. Проходятъ передъ судомъ домовики: **Яшинъ**, **Разсыкинъ**, **Артамоновъ**, **Золотова**, **Фроловъ**, **Ечкинъ**, **Барковъ**, **Сысоевъ**, **Парашинъ** и еще ассенизаторы **Суховъ**, **Гранъ**, **Степанова**, **Заколадина**.

Свидѣтель приставъ **Языковъ** даетъ показаніе относительно оштрафованія ассенизатора **Степанова**, которому посоветовалъ не платить штрафа (въ 500 руб.) такъ какъ тутъ—какая-нибудь ошибка. Тотъ же свидѣтель даетъ показаніе о предполагавшемся лѣтомъ 1906 г. митингѣ городовыхъ. Когда онъ доложилъ объ этомъ предстоящемъ митингѣ, ген. **Рейнботъ** сказалъ ему: „разстрѣлять ихъ“. **Рейнботъ** объясняетъ, что свидѣтель не точно передалъ или плохо помнитъ его распоряженіе—градоначальникъ приказалъ прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ лишь въ случаѣ, если митингисты окажутъ сопротивленіе.

Свидѣт. **Тихонова**, содержательница мебелированныхъ комнатъ, показываеъ, что у нея былъ сдѣланъ обыскъ, забраны паспорта жильцовъ, а на слѣдующій день ее и еще двухъ содержательницъ вызвали къ **Короткому**. Тутъ имъ было объявлено, что они штрафуются по 5 руб. съ номера. Объявилъ это рѣшеніе начальникъ сыскаго отдѣленія **Моисеенко**. Для **Тихоновой** штрафъ составилъ 100 руб. Протоколовъ при обыскѣ составлено не было. Допрашивается **Моисеенко**, объясняющій, что въ указанныхъ номерахъ его агентами были обнаружены разныя нарушенія, и утверждающій, что протоколы составлены были. Прокуроръ обращаетъ вниманіе суда, что эти протоколы въ сысканомъ отдѣленіи найдены не были. Допрашивается и показываеъ совершенно то же, что **Тихонова**, другая содержательница мебелированныхъ комнатъ, **Стручкова**.

Затѣмъ судъ переходитъ къ разслѣдованію случая съ Масленниковымъ и его оштрафованіемъ. Показываетъ свидѣл. околотовный надзиратель Чернявскій, который передавалъ Масленникову о наложенномъ на него штрафѣ. Масленниковъ ему сказалъ, что деньги на штрафъ ему дастъ сынъ булочника Филипова, рассказывалъ, что дѣйствительно, обозвалъ какого-то офицера въ Трехгорномъ опричникомъ, что всѣ были сильно вынвиши. Читается показаніе умершаго (покончившаго съ собою черезъ четыре года послѣ происшествія въ Трехгорномъ) Масленникова. Онъ, пріѣхавъ съ товарищами изъ цирка, по ихъ просьбѣ сталъ читать стихотвореніе Ал. Толстого „Михайло князь Рѣшницъ“, и когда дошелъ до слова „опричники“, сидѣвшій по близости офицеръ потребовалъ, чтобы онъ прекратилъ чтеніе. Затѣмъ оглашается показаніе директора Трехгорнаго товарища Кемпе, внесшаго градоначальнику пожертвованіе въ 1000 руб. По словамъ свидѣтеля, это пожертвованіе не стояло ни въ какой связи съ Масленниковскимъ инцидентомъ и послѣдовавшимъ затѣмъ сокращеніемъ срока торговли въ ресторанахъ товарищества. Рейнботъ даетъ объясненіе, что Кемпе пріѣхалъ къ нему лишь для того, чтобы завязать отношенія, такъ какъ оба они—страстные охотники.

День седьмой. Засѣданіе открывается обширнымъ и обстоятельнымъ показаніемъ старшаго чиновника ревизіи сенатора Гарина Хлѣбникова. Свидѣтель рассказываетъ исторію содержателя „Золотого Якоря“ Рубцова (Рубцова). Послѣдній затратилъ на отремонтированіе арендованнаго имъ ресторана очень большія деньги, все свое состояніе, и только въ день самаго открытія узнать, что ему не разрѣшаютъ программу, дивертиссементъ, раньше всегда бывшаго въ „Золотомъ Якорѣ“. Отъ того торговля ресторана чрезвычайно упала. Всѣ многочисленныя ходатайства ни къ чему не привели. За Рубцова заступился рестораторъ Натрускинъ, попросилъ градоначальника, когда тотъ былъ въ его ресторанахъ, что-нибудь сдѣлать для Рубцова. Уговорились, что Рубцовъ внесетъ 2000 руб. на благотворительное общество, и дивертиссементъ будетъ разрѣшенъ. За деньгами Рубцову пришлось ѣхать въ Петербургъ къ куму, тому—чуть не красть эти деньги у жены. Деньги были внесены, и разрѣшеніе дано. Рубцовъ догадывается, что градоначальникъ такъ долго не давалъ разрѣшенія потому, что разсердился на него, Рубцова. Градоначальникъ добивался, чтобы Рубцовъ сказалъ, что онъ далъ Короткому 500 руб., какъ вятку, Рубцовъ же утверждалъ что внесъ эти деньги только какъ благотворительный взносъ. Рубцовскія двѣ тысячи ген. Рейнботъ задержалъ у себя и внесъ только тогда, когда его положеніе уже пошатнулось. Такимъ моментомъ пошатнувагося положенія свидѣтель считаетъ время мѣсяца полтора до подачи Рейнботомъ отставки, когда были назначены ревизіи по поводу прикосновенности чиновъ сыскнаго отдѣленія къ кражамъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ прокурора, свидѣтель передаетъ результаты произведеннаго имъ вопроса г-жи Легарь, съ которою былъ одно время близокъ градоначальникъ. Легарь дала о ген. Рейнботѣ отзывъ очень похвальный, но отмѣтила, что въ деньгахъ Рейнботъ былъ стѣсненъ. Только когда ихъ отношенія ликвидировались, ген. Рейнботъ далъ ей 4000 руб. на выкупъ заложенныхъ драгоценностей. Легарь еще показала, что въ Одессу къ ней пріѣзжалъ Молдавцевъ, собственникъ Артистическаго клуба, и просилъ ее зацѣпить клубъ предъ Рейнботомъ, говорилъ, что поборы полиціи, Короткаго въ томъ числѣ—стали уже невыносимы. На письмо Легарь съ рассказомъ объ этомъ вынѣтъ ген. Рейнботъ отвѣтилъ: „говни его вонъ, и такъ уже много болтаютъ“.

Защита ходатайствуетъ объ оглашеніи нѣкоторыхъ документовъ, переписки градоначальника съ генералъ-губернаторомъ, съ департаментомъ полиціи. Прокуроръ обращаетъ вниманіе на то, что тутъ есть бумаги секретныя, которыя врядъ ли возможно оглашать въ публичномъ засѣданіи. Сенатъ постановилъ такіе документы огласить въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій, въ закрытомъ засѣданіи.

Даетъ показаніе свидѣтель Рубцовъ (братъ хозяина „Золотого Якоря“), не прибавляющее ничего сколько-нибудь существеннаго и новаго. Свидѣл. Пестовъ,

чиновникъ градоначальства свидѣтельствуеетъ о результатахъ порученнаго ему разслѣдованія клубовъ Спортивнаго и Артистическаго. Послѣдній представлялся особенно безобразнымъ въ смыслѣ развитія самаго безшабашнаго азарта. Въ нижней гостиной онъ засталъ нѣсколько дамъ—въ слезахъ. На его вопросъ, въ чемъ дѣло, онѣ объяснили, что ихъ мужья наверху проигрываютъ всѣ деньги. Спортивный клубъ былъ приличнѣе, тамъ была сцена, устраивались представле-

Передъ допросомъ свид. бывшаго пристава Ползкова, по просьбѣ защиты, допрашивается Моисеенко и показываетъ, что ему было поручено собрать свѣдѣнія о Ползиковѣ. Разслѣдованіе показало, что Ползиковъ совершалъ поборы съ обывателей, съ одного ресторатора потребовалъ вятку, тотъ принесъ 500 руб., но Ползиковъ этимъ не удовольствовался, потребовалъ еще 500 р.

Свид. Ползиковъ показываетъ, что какъ-то при открытіи новаго помѣщенія участка онъ думалъ было не устраивать торжественнаго завтрака, но ему сказали, что не слѣдуетъ отступать отъ традиціи; а когда онъ спросилъ у Рейнбота, изъ какихъ суммъ покрыть расходъ на завтракъ въ 300 руб., тотъ сказалъ,—„а вы устройтесъ такъ, чтобы не платить“. Градоначальникъ скоро сталъ дурно относиться къ нему. Причиною было то, что, приводя въ порядокъ довѣренный ему участокъ, онъ открылъ случаи взяточничества, растраты и др.; пришлось удалить околотовныхъ надзирателей. Все это не понравилось полиціемейстеру Юрьеву, и онъ сталъ вліять на градоначальника. Къ свидѣтелю придрались за то, что онъ будто бы не выдалъ ночнымъ сторожамъ денегъ. Его стали вынуждать подать въ отставку. На его просьбу предать суду ген. Рейнботъ отвѣтилъ отказомъ. Вскорѣ затѣмъ свидѣтель былъ назначенъ виленскимъ исправникомъ. Все время продолжалъ получать содержаніе, но изъ какихъ суммъ—свидѣтель отказывается отвѣтить зацѣтъ.

Ген. Рейнботъ объясняетъ, что вскорѣ послѣ назначенія Ползикова въ Суцевскій участокъ стали доходить до него свѣдѣнія о поборамъ съ обывателей, о невѣдѣчѣ жалованія ночнымъ сторожамъ, о чемъ потомъ поступила и официальная жалоба. Произведеннымъ полиціемейстеромъ Юрьевымъ дознаніемъ все это подтвердилось. И Ползикову было предложено подать въ отставку. Вскорѣ послѣ случая съ Ползиковымъ генералъ-губернаторъ извѣстилъ Рейнбота, что послѣдній лишается права самостоятельно налагать взысканія на чиновъ полиціи. Ген. Рейнботъ не считая возможнымъ продолжать при такихъ условіяхъ службу, и подалъ рапортъ объ отчисленіи его отъ должности.

Свидѣл. Шереметевъ, чиновникъ особыхъ порученій при градоначальникѣ, показываетъ: однажды, когда онъ удивился пріему пожертвованій отъ домовъ свиданій, Комendanтовъ ему сказалъ: „вы еще слишкомъ молоды, чтобы разсуждать объ этомъ“. Разъ за завтракомъ у градоначальника Короткаго вызвала какая-то дама, а когда Короткій вернулся, то, похлопавъ по боковому карману, сказалъ: „естъ“, а на вопросъ Рейнбота—„сколько“ отвѣтилъ — „триста“. Потомъ свидѣтель узналъ; что приходившая была содержательница квартиры свиданія. Свидѣтель показываетъ еще, что градоначальникъ выдавалъ пособія нѣкоторымъ лицамъ, поддерживалъ одну семью, платя за дочерей въ гимназію.

Свидѣл. Михѣевъ, управляющій „Золотого Якоря“ не даетъ показаній сколько-нибудь существенныхъ. Свид. Амосовъ, секретарь об-ва трактирщиковъ, показалъ, что пом. прис. пов. Тарбѣевъ говорилъ ему, что трактирщикамъ третьяго разряда надо собрать въ пользу благотворительнаго общества при градоначальствѣ 25000 р. и тогда имъ разрѣшить навѣсить на отдѣльныхъ кабинетахъ двери. Говорилъ Тарбѣевъ, что вѣроятно удастся устроить это и за меньшую сумму; тогда разницу онъ предлагалъ подѣлить между нимъ и свидѣтелемъ.

Свид. Натрускинъ, показываетъ, что однажды, когда у него въ ресторанахъ „Стрѣльна“ былъ ген. Рейнботъ, онъ попросилъ его за Рубцова и сказалъ, что Рубцовъ можетъ внести на общество тысячи двѣ. Градоначальникъ отвѣтилъ, чтобы Рубцовъ побывалъ

у него. Затѣмъ градоначальникъ передалъ ему, что трактирщикъ третьяго разряда хлопочуть о навѣскѣ дверей. Свидѣтель отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, ходатайство это слѣдовало бы исполнить. И генералъ высказался въ томъ смыслѣ, что надо бы трактирщикамъ собрать тысячъ 25 и внести на общество. Эта послѣдняя подробность не была въ показаніи свидѣтеля на судѣ, но имѣется въ его показаніи на предварительномъ слѣдствіи и, по прочтеніи ему этого показанія, имъ подтверждена.

Свид. **Ивановъ**, содержатель ресторана втораго разряда, показываетъ, что трижды вносилъ штрафы на благотворительность за то, что у него въ трактирѣ была обнаружена игра въ биксъ, азартная игра на биллиардѣ. Свидѣт. **Гладышевъ** показываетъ, что также уплатилъ 100 руб. за ту же игру на биллиардѣ. Свидѣтель **Столовъ**, по профессіи—сапожникъ, членъ монархическихъ организацій, вхожіи ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, и Рейнботомъ удаленный изъ градоначальства за обнаруженный торгъ своимъ тамъ вліяніемъ, показываетъ, что его просили содержатели домовъ свиданій похлопотать за нихъ у градоначальника. И **Столовъ** согласился, передалъ объ ихъ желаніи внести крупное пожертвование градоначальнику, тотъ сказалъ, чтобы они пришли къ нему. Когда были въ градоначальствѣ, уже послѣ визита къ Короткому на квартиру, съ иконою, свидѣтель опять ходилъ къ градоначальнику и передавалъ о принесшихъ пожертвование въ 10000 лицахъ.

Свид. **Алексѣевъ**, содержатель фотографической мастерской показавъ, что къ нему пріѣхалъ Короткій, сталъ кричать о какихъ то въ его мастерской безпорядкахъ, грозилъ ее закрыть; а когда Алексѣевъ побывалъ затѣмъ у него въ градоначальствѣ, Короткій сказалъ, что все уладится, пусть онъ только внесетъ на благотворительныя цѣли полиціи. И свидѣтель внесъ 25 руб. Короткій въ своемъ объясненіи говоритъ, что мастерская представляла очень большую опасность въ пожарномъ отношеніи, вся была завалена стружками, онъ поѣхалъ туда по анонимному письму съ рассказомъ о состояніи мастерской. По его убѣжденію, письмо писали сами же работавшіе въ мастерской.

Свид. **Поликарповъ**, директоръ товарищества „Эрмитажъ-Оливье“, показываетъ что онъ получилъ печатное приглашеніе пожертвовать на пріютъ, открываемый благотворительнымъ обществомъ при градоначальствѣ; самъ сдѣлать пожертвование не могъ, рѣшилъ подождать общаго собранія товарищества. Вскорѣ затѣмъ былъ составленъ протоколъ, придрались къ какимъ то самымъ пустяшнымъ упущеніямъ. По совѣту пристава Эрнъ, свидѣтель отправился къ Короткому. Тотъ ему попенялъ, что „Эрмитажъ“ совсѣмъ забылъ про полицію. Свидѣтель сказалъ, что имѣетъ въ своемъ распоряженіи сумму въ 3000 руб., назначенную на непредвидѣнные расходы. Короткій нашелъ такую сумму для столь богатаго учрежденія слишкомъ малою. Свидѣтель уѣхалъ, а когда потомъ пробовалъ разузнать у пристава Эрнъ, сколько же рассчитываютъ съ нихъ получить, узналъ, что намѣчена цифра въ 15000 руб. Вооружившись отчетомъ, по которому положеніе товарищества рисовалось совсѣмъ уже не въ такихъ блестящихъ тонахъ, свидѣтель поѣхалъ къ Короткому еще разъ. Тотъ рассмотрѣлъ отчетъ и согласился удовольствоваться 5000, привезенными свидѣтелемъ. Свид. **Мочаловъ**, служащій при „Эрмитажѣ“, показавъ, что протоколъ былъ составленъ о томъ, что обивка дивановъ въ нѣкоторыхъ комнатахъ грязная. Иныхъ упущеній полиція найти не могла.

Свидѣтельница **Величина** показываетъ, что поручила **Гарбеву** выхлопотать ей разрѣшеніе на синефотографъ на тверскомъ бульварѣ; **Гарбевъ** запросилъ за это 1000 руб., а затѣмъ сообщилъ, что сторговался въ градоначальствѣ за 500 руб. Но еще немного спустя тотъ же **Гарбевъ** сказалъ ей, что все дѣло разстроилось: было покушеніе на **Гершельмана**, **Гершельманъ** винить въ этомъ **Рейнбота**, послѣднему придется такимъ образомъ уйти. Свид. **Брюковъ** показавъ, что далъ за разрѣшеніе трехъ синефотографовъ 200 руб.; свид. **Маслениковъ**, рестораторъ втораго разряда—что уплатилъ чиновнику **Фивейскому** за разрѣшеніе его ресторану дивертиссента 300 руб. Едва внесъ эти

деньги, тотчасъ же получилъ разрѣшеніе, а раньше безшодно хлопоталъ мѣсяцъ.

Обвиняемый **Короткій** въ своемъ объясненіи говоритъ, что его постоянно подводилъ **Фивейскій**, подсовывалъ ему бумаги, въ которыхъ ему, **Короткому**, было трудно разбираться; выбиралъ время особенно неудобное, всегда настаивалъ, что дѣло очень спѣшное. И, довѣряя **Фивейскому**, **Короткій** подписывалъ всякія разрѣшенія.

День восьмой. Приставъ **Эрнъ**, дающъ показанія, стоящія въ связи съ вымогательствомъ съ **Эрмитажа**. Какъ то его вызвалъ **Короткій** и спросилъ, бывалъ ли онъ въ номерахъ „Эрмитажа“. Когда свид. вышелъ изъ кабинета **Короткаго** въ общую комнату градоначальства и рассказалъ о своемъ разговорѣ, бывше тутъ чиновники сказали: „а вы забыли, что есть благотворительное общество? Протоколычкѣ, значитъ, нуженъ“. И **Эрнъ**, явившись въ „Эрмитажъ“, составилъ протоколъ о кое какихъ мелкихъ упущеніяхъ. Когда онъ сообщилъ о томъ **Короткому**, тотъ потребовалъ, чтобы протоколъ былъ немедленно доставленъ ему на квартиру. Потомъ свидѣтель видѣлся съ **Короткимъ** въ его кабинетѣ и помощникъ градоначальника ему сказалъ, что „Эрмитажъ“ хочетъ отдѣлаться какими то 3 тысячами, при чемъ прибавилъ вульгарное выраженіе и просилъ предупредить „Эрмитажъ“. „А то я имъ покажу“,—выразился помощникъ градоначальника.

Судебному присутствію предстоитъ заняться рассмотрѣніемъ обвиненій, связанныхъ съ московскими клубами. Въ виду этого защита проситъ огласить нѣкоторые документы, въ томъ числѣ протоколы пристава **Северна**, чтобы выяснитъ, что было извѣстно градоначальнику о жизни клубовъ. Оглашается также переписка съ департаментомъ полиціи о мѣрахъ борьбы съ карточнымъ азартомъ.

Первымъ изъ серіи клубскихъ свидѣтелей допрашивается **Адель**, бывшій послѣдовательно бухгалтеромъ въ **Шахматномъ**, **Спортивномъ 1**, **Аристократическомъ** и **Спортивномъ 2** клубахъ. По показанію свидѣтеля, **Аристократическій** клубъ платилъ всѣмъ, начиная съ пристава, сыскной полиціи и др., мелкими суммами, 117—200—300 руб. На ордерахъ иногда проставлялись начальныя буквы лица кому назначалась выдача. Проставлялъ литеру тотъ, кто писалъ ордеръ, т. е. или **Молдавцевъ**, или **Макареско**, которымъ фактически принадлежалъ клубъ. Въ ноябрѣ появився въ клубъ **Короткій**, остался очень недоволенъ, а велѣвъ за его посѣщеніемъ позволенія изъ **Преображенско-Семеновскаго** клуба и по телефону сказали, что необходимо внести въ градоначальство пожертвование, иначе клубу грозитъ закрытіе. Между двумя хозяевами произошелъ споръ, **Молдавцевъ** находилъ ненужнымъ платить, но **Макареско** рѣшилъ внести изъ своихъ и потомъ рассчитаться съ компаньономъ. Отвезли **Короткому** 3200 руб., такъ въ крайней мѣрѣ сказалъ **Макареско**. На ордерѣ была проставлена буква **К**. Послѣ втораго посѣщенія **Короткаго** опять возили деньги въ градоначальство, сколько именно—свидѣтель не помнитъ, но тысячи. Затѣмъ **Молдавцевъ** поѣхалъ въ **Одессу** къ **Легарю**, а вернувшись оттуда сталъ говорить, что не имѣетъ смысла раздавать по мелочамъ, нѣсколькимъ лицамъ, выгоднѣе давать одному; и со словъ казначея клуба **Маризи**, свидѣтель знаетъ, что подъ этимъ однимъ всѣ понимали именно градоначальника **Рейнбота**. Затѣмъ **Молдавцевъ** сталъ бывать у градоначальника, такъ въ крайней мѣрѣ онъ самъ говорилъ. Говорилъ и о томъ, что приобрѣлъ вліяніе на градоначальника, а когда кредиторы приставали съ просьбами о платежѣ денегъ, онъ кричалъ, что всякаго теперь можетъ выслать изъ **Москвы**. Въ **Спортивномъ клубѣ**, въ который переименовался закрытый, **Шахматный**, азартная игра началась тогда когда старшины постановили вносить ежемѣсячно по 1000 р. на благотворительность. Первый взносъ отвезъ американскій консулъ **Смитъ**. Всего возили четыре раза, по 1000 руб. Далѣе свидѣтель приводитъ цѣлую таблицу того, что этотъ клубъ платилъ разнымъ чинамъ полиціи. Платили даже начальнику полицейскаго резерва **Комендантову**, за то лишь, что съ нимъ былъ друженъ градоначальникъ. Защита своими вопросами старается установить, что между хозяевами **Артистическаго** клуба, **Молдавцевымъ** и **Макареско**, бывали частыя препирательства изъ-за выписываемыхъ будто бы для полиціи денегъ, каждый винилъ другого, что онъ деньги беретъ, но до полиціи не довозить.

Стараются защитники еще выяснить, что были в клубе лица, заинтересованные в чистом доходе (например — Маразли) и потому обоим собственникам было выгодно увеличивать искусственно цифру расхода. Свидетель указывает, что делались выдачи и некоторым московским газетным хроникерам, одну букву на ордер в 200 руб. относить именно к газетному сотруднику.

Читаются показания свидетелей кн. Урусова, одного из учредителей Шахматного клуба, и Оленина, представителя того же клуба, разсказывающего, что он с разрешения совета старшин, выдал обязательство вносить ежегодно на благотворительность при градоначальств в 2000 руб.; назначил и срок. В первый срок взнос сдан не был, за отсутствием денег, и свидетель просил у Короткого отсрочки. Короткий ответил, что просить не сбываются сроками. Допрошенный пристав Эрн показывал, что ничего не помнить о вручении ему Спортивным клубом обязательства вносить на благотворительность определенную сумму. Свидет. Унтилов, один из директоров Спортивного клуба, показывает, как поехал к градоначальнику объясняться по делам клуба. Рейнбот встрѣтил его словами, что уже собирался послать телеграмму о закрытии клуба, но один из подчиненных не исполнил раньше его приказаний, не отобрал нужной подписки, и теперь он должен отсрочить закрытие. Градоначальник при этом показал уже написанную телеграмму, только еще не подписанную. Телеграмму эту свидетель унес с собою. Затѣм свидетель предложил вносить пожертвование, градоначальник согласился принять, с условием, что это будет сделано гласно, и на слѣдующий день свидетель привез 1000 р.

Свидет. Иванов, участковый пристав, показывает о частых обходах и протоколах в дом свиданий Барашкова, которые, он делал по распоряжению градоначальства, кого именно — не помнить; затѣм о протоколѣ, им составленном относительно азартной игры в Музыкально-драматическом кружкѣ. Вскорѣ, однако, Короткий отдал ему распоряжение не преслѣдовать в этом кружкѣ игру. Но затѣм туда ночью заѣхал градоначальник, застал игру, вытребовал свидетеля для составления протокола, и кружок был закрыт. Свидетель показывает еще об объявлении Масленникову о наложенном на него штрафѣ, это показание ничего нового не вносит в ранее данные другими показания. Свидетелю секретарь градоначальника Яновлев выразил неудовольствие от имени градоначальника, что Масленников внес штраф в губернское казначейство, а не в казначейство градоначальства.

Свидетель Краузе, служивший в Артистическом клубѣ контролером при лото, передает слышанное от старшины этого клуба, артиста Малаго Театра Горева, что полиция очень дорого стоит клубу, и что он, Горев, иногда возил в градоначальство деньги. Защита спрашивает свидетеля, считался ли Горев таким человеком, которому можно было доверить деньги для передачи в градоначальство. Затѣм защита спрашивает о письмѣ, которое он получил от казначей Артистическ. клуба, Маразли и о котором сообщил гаринской ревизии. В письмѣ была фраза, что, одни ангелы в небесах знают сколько Молдавцев перевозил денег в градоначальство. Эта фраза, полагает свидетель, — выражает сомнѣние, все ли деньги, которые Молдавцев выписывал для градоначальства, он действительно туда отвозил.

День девятый. Продолжается допрос свидетелей, относящихся къ обвинению относительно Артистического клуба. Артельщик, служивший в Артистическом клубѣ, Миняев, показывает, между прочим, что при закрытии клуба Молдавцев пожертвовал очень большую сумму Русскому театальному обществу и за это получил благодарность от президента этого общества. Говорили, что пожертвование выразилось в 2 тысячах рублей. По показанию того же свидетеля, доходы клуба были в день около полутора тысяч, расходы — около 500 руб. Все эти деньги брал Молдавцев.

Читаются показания Маразли, кассира Артистического клуба. Свидетель выражает увѣренность, что и Молдавцев, и Макареско преувеличивали свои платежи

в градоначальство, и категорически заявляет, что ни тот, ни другой никогда не говорили, что дают Рейнботу. Полковник Кузьмин ссылается на полное запаматывание и просит прочитать его показания на предварительном слѣдствии. В прочитанном показании он говорил, что знает о пятах Моисеенко, Яновлеву, Короткому; потом Молдавцев стал намекать на платы градоначальнику. Свидет. Михайлов, служивший в Артистическом клубѣ, показывает, что когда служащим не дали къ праздникам наградных, и они спросили о причинѣ, старшина имъ объяснил, что пришлось очень много потратить на полицію. Свид. Гурьев, помощник бухгалтера в Артистическом клубѣ, показывает, что все в клубѣ было увѣрено: пока градоначальник — Рейнбот, клубу не грозит никакая серьезная беда, его не закроют, хотя бы другие клубы и были закрыты. Горев как то говорил свидетелю, что свеж или должен свежи деньги Короткому. Молдавцев, отказываясь выдать служащим наградные, ссылался на то, что пришлось очень много платить в градоначальство. Слышал свидетель, как Молдавцев говорил: не стоит платить низшим, когда можно платить высшему. По закрытии Артистического клуба Молдавцев выхлопотал разрешение на Театральный клуб и потом говорил, что теперь ему не страшнѣ никакой градоначальник.

Читаются показания отсутствующаго Молдавцева. Короткому, по словам этого показана, клуб стал давать по настоянию Макареско, увѣрявшему, что иначе клуб будет закрыт. Получил Макареско для передачи Короткому не меньше 4 с половиною тысяч руб., но свидетель допускает, что часть этих денег Макареско оставил себѣ. Макареско разрешил в клубѣ шулеров, покровительствовал имъ. Большая требованія предъявляли некоторые сотрудники газет, шантажировали, грозили, смѣшивали с грязью. Наконец, когда все эти требования полици, Макареско, корреспондентов стали чрезмѣрно, непосильны, — Молдавцев поѣхал в Одессу къ Легарь, просил ея защиты у градоначальника, предложил ей 6000 руб. Она от денег отказалась, но обшала поговорить с Рейнботом. Вскорѣ затѣм свидетель был вызван къ градоначальнику, тот сказал ему очень сердито, что знает о его поѣздкѣ в Одессу. С свидетелем сбѣгалась истерика. Когда он успокоился, градоначальник его выслушал и, отпуская, сказал, что при первом скандалѣ клуб закроет. Разв, быв в Рейнбота, свидетель разсказывал ему, что с него берут Короткий и другие. Рейнбот ответил, что кое что об этом до него уже дошло. Свидетель удостовѣряет, что Рейнботу не было имъ передано ни гроша ни как взяток, ни как пожертвование. Однажды свидетель был вызван къ Короткому, захватил 1000 руб. и поѣхал, но когда во время разговора сбѣгал вид, что протягивает руку къ карману за деньгами, Короткий закричал, что взяток не берет. И свидетель уѣхал. А вскорѣ къ нему прѣхал Тарбѣв и сказал, что нужно успокоить Короткого, и взял для него 1000 руб.

Полк. Короткий даетъ объяснение по послѣдней части прочитаннаго показана и говорит, что не вызвал Молдавцева, а тотъ къ нему прѣхал, все время уродствовал, когда уходил, у него выпал пакетъ съ деньгами, и Короткий предложил ему деньги убрать.

Даетъ показание свидетель защиты священ. Кедров, руководитель Сокольниковскаго кружка помощи голодающим: ген. Рейнбот часто давал пособия кружку, и лично через него, свидетеля, и присылал прямо въ кружок.

Свид. пом. прис. повѣр. Тарбѣв показывает, что был вхож в градоначальство в качествѣ сотрудника „Москов. Листка“, где вел отдѣлъ городскихъ происшествий. По этой же корреспонденциской службѣ бывал при задержаніи всякихъ экспроприаторовъ и был свидетелемъ того, какъ много раздавал градоначальникъ денегъ всѣмъ участвовавшим в задержаніи экспроприаторовъ. В качествѣ юрисконсульта общества трактирщиковъ свидетель часто ходатайствовал о всякихъ ихъ нуждахъ и дѣлахъ. Когда хотѣли закрыть ресторанъ Кучерова за то, что туда пускаютъ малолѣтнихъ, свидетель просилъ помощника градоначальника, Петрова, не закрывать, а ограничиться штрафомъ в размѣрѣ 1000 руб. на благотворительность.

Тот обещал поговорить съ Рейнботомъ, послѣдній согласился, и 1000 руб. были внесены, а ресторан пощажень. За это самъ Тарбевъ получилъ отъ Кучерова 1000 руб. По поводу разрѣшенія дверей ресторанамъ третьяго разряда Амоновъ говорилъ ему, со словъ будто бы Натрускина, что для получения такого разрѣшенія слѣдуетъ внести тысячу 25 въ благотворительное общество при градоначальствѣ. Всѣ пожертвованія, какія дѣлались, по словамъ свидѣтеля,—вполнѣ добровольныя, безъ понужденій. Какъ то Молдавцевъ обратился къ свидѣтелю съ предложеніемъ занять мѣсто юрисконсульта ихъ клуба, предлагалъ жалованіе въ 1000 руб. въ мѣсяць, но съ условіемъ, чтобы онъ добился высылки изъ Москвы Макареско. Отъ этого предложенія Тарбевъ отказался. Свидѣтель признается, что онъ, по малодушію, не возражалъ, когда говорили о его большомъ вліяніи въ градоначальствѣ, такъ какъ это было ему выгодно. Когда его спрашивали, при порученіи дѣла, о расходахъ въ градоначальствѣ, онъ отвѣчалъ уклончиво, хотя зналъ, что расходовъ нѣтъ никакихъ. Между прочимъ свидѣтель говоритъ, что слышалъ, будто чиновникъ ревизіи Хлѣбниковъ хлопоталъ за Нѣмецкій клубъ, и будто даже что то за это получилъ, но самъ свидѣтель поспѣшилъ это послѣднее назвать сплетней. Предсѣдательствующій спрашиваетъ свидѣтеля, сколько лѣтъ онъ уже помощникъ, у кого, и знали ли его патроны о родѣ его практики. Свидѣтель отвѣчаетъ, что къ сожалѣнію, уже десять лѣтъ состоитъ помощникомъ, принятіе его въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ стоить въ связи съ настоящимъ процессомъ, называетъ трехъ своихъ патроновъ и говоритъ, что они о родѣ его практики знали.

Оглашается показаніе отсутствующей **Легарь-Лейнгартъ**. Въ показаніи рассказываетъ о пріѣздѣ къ свидѣтельницѣ въ Одессу Молдавцева, о его просьбѣ, о предложеніи ей денегъ. Свидѣтельница еще показываетъ, что въ то время, когда она знала ген. Рейнбота, онъ не располагалъ большими средствами. Однажды онъ хотѣлъ сдѣлать расходовъ въ 1100 руб., и не могъ. Свидѣтель **Гридинъ** показываетъ, что сталъ выражать удивленіе, какъ это Молдавцевъ даетъ самому градоначальнику, Молдавцевъ отвѣтилъ, что это надо умѣть дѣлать, что онъ это всегда дѣлаетъ съ глазу на глазъ. Свидѣтель **Никлай Макареско**, одинъ изъ фактическихъ собственниковъ Артистическаго клуба, показываетъ: однажды Молдавцевъ ему сказалъ, что нужно дать градоначальнику 2000 руб., и прибавилъ: „теперь мы будемъ держать градоначальника на вожжахъ. Въ первый день Пасхи, вызванный Короткимъ, свидѣтель отвезъ ему 1000 руб., а еще черезъ нѣсколько дней отвезъ Короткому 1000 руб. для ген. Рейнбота и видѣлъ, какъ Короткій пошелъ съ этимъ конвертомъ въ кабин. градоначальника и передалъ ему деньги. Когда онъ сталъ спориться съ Молдавцевымъ и захотѣлъ отъ него отдѣлаться, весь Тверской участокъ вмѣшался, сталъ убѣждать не подымать ссору, потому что градоначальникъ—на сторонѣ Молдавцева, и значитъ, ничего подѣлать нельзя, можно только нажать большія неприятели. Уйдя изъ Артистическаго клуба, свидѣтель перешелъ въ Шахматный, и скоро тамъ стало много публики, а въ Артистическомъ—пусто. Это не понравилось градоначальнику, и онъ закрылъ Шахматный клубъ. То же самое повторилось и съ Спортивнымъ. По увѣренію свидѣтеля, всѣ эти клубы закрывались исключительно для того, чтобы лучше работала протежируемый Рейнботомъ Артистическій клубъ. Оглашается показаніе свидѣтеля на предварительномъ слѣдствіи, въ которомъ Макареско утверждалъ, что Рейнботу ничего не давалъ.

Свидѣт. приставъ **Севернардъ** показываетъ, что въ полици говорили, будто Молдавцевъ доставляетъ Рейнботу свѣдѣнія о другихъ клубахъ, этимъ вызывалось хорошее отношеніе градоначальника къ названному клубу.

Ген. **Рейнботъ** даетъ объясненіе по поводу клубовъ и своего отношенія къ нимъ. Подъ вліяніемъ поступившихъ къ нему жалобъ, онъ обратился къ генералъ-губернатору съ предложеніемъ о закрытіи во всѣхъ клубахъ азартныхъ игръ. Но въ отвѣтъ онъ получилъ запросъ, въ какихъ именно клубахъ сильнѣе всего развита азартная игра. Такимъ образомъ, шагъ рѣшительный былъ отклоненъ. Въ дальнѣйшемъ отношеніи къ

этому явленію была, дѣйствительно, нѣкоторая безсистемность, что вызывалось и неопредѣленностью отношенія закона къ карточному азарту, и отсутствіемъ специальныхъ органовъ надзора за клубами, и тѣмъ, что на сторонѣ клубовъ была сильная протекція. Такъ, какъ узналъ келейно Рейнботъ,—Артистическій клубъ заручился покровительствомъ такого высокопоставленнаго лица, что ему, Рейнботу, даже неудобно его назвать. Опытъ съ Общественнымъ собраніемъ, закрытіе котораго стоило года борьбы и усилій, страхъ передъ гражданскими исками—все вносило безсистемность и медлительность въ затѣянное имъ дѣло борьбъ съ карточнымъ азартомъ.

Повѣренный гражд. истца, **С. И. Варшавскій**, названный Тарбевымъ въ числѣ патроновъ, проситъ задать ему нѣсколько вопросовъ—о томъ, не на извѣстныхъ ли условіяхъ онъ его приискалъ къ себѣ помощникомъ. Свидѣтель беззвучно отвѣчаетъ. Предсѣдательствующій указываетъ прис. повѣр. Варшавскому, что онъ самъ задалъ вопросы, касающіеся лично Тарбеву, лишь потому, что сенатъ имѣетъ надзоръ и за дѣятельностью присяжныхъ повѣренныхъ, а въ сущности эти вопросы не имѣютъ прямого отношенія къ дѣлу. Возвращаясь къ своему мѣсту, свидѣтель упалъ въ истерикѣ.

Свидѣтель полк. **Иванъ Макареско**, оперировавшій въ Преображенско-Семеновскомъ собраніи, показываетъ, что возилъ въ градоначальство на благотворительность и Рейнботу, и Короткому, первому—побольше, второму—поменьше, въ двухъ отдѣльных пакетахъ. Однажды, будучи въ градоначальствѣ, услышалъ, что надвигается бѣда на Артистическій клубъ. Тогда объяснилъ Короткому, что въ этомъ клубѣ больше всего заинтересованъ его братъ, **Николай Макареско**, вложившій въ дѣло все свое состояніе, и привезъ брата къ Короткому.

День десятиый. Прокуроръ заявляетъ, что получилъ письмо, содержащее свѣдѣнія, которыя, по видимому, клонятся въ пользу подсудимаго Рейнбота и проситъ вызвать указанную въ письмѣ Мануйлову, дочь писавшей письмо Великановой. Судъ постановляетъ вызвать указанную свидѣтельницу.

Допрашивается свидѣтельница **генеральша Гершельманъ**. Она показываетъ, что на имя ея мужа получила въ Вильнѣ письмо отъ ген. Рейнбота. Такъ какъ мужъ былъ боленъ, она не сочла возможнымъ показать ему письмо, но сама письмо прочла, хорошо его запомнила, такъ какъ знала, что прійдется передать его содержаніе мужу, и вернула письмо ген. Рейнботу, написавъ о причинѣ. Много спустя, уже послѣдъ кончины ген. Гершельмана, къ ней пріѣхалъ ген. Рейнботъ, привезъ письмо и просилъ ее удостоверить, что это—то письмо, съ которымъ онъ обращался къ ея покойному мужу. Онъ объяснилъ, что это ему важно потому, что самый фактъ обращенія къ лицу такого высокаго авторитета, какъ ген. Гершельманъ, съ просьбою разрѣшить указать его свидѣтельмъ относительно извѣстныхъ фактовъ, уже достаточно свидѣтельствуешь о подлинности этихъ фактовъ. Ген. Гершельманъ согласилась удостоверить, но когда, въ отсутствіе ген. Рейнбота, прочитала письмо, увидала, что это—не то письмо и въ содержаніи отъ него отличается, именно—введенъ эпизодъ съ Масленниковымъ, котораго въ первомъ письмѣ не было. Ген. Гершельманъ тогда же написала объ этомъ ген. Рейнботу и отказалась засвидѣтельствовать. Ген. Рейнботъ отвѣтилъ ей, что она бросаетъ ему въ лицо тяжкое оскорбленіе. На просьбу защитника **Карабчевскаго** сказать, какъ велико приблизительно было первое письмо, свидѣтельница отказывается отвѣтить, такъ какъ разбѣра не помнитъ. Свид. поручикъ **Наховскій** показываетъ приблизительно то же, что ген. Гершельманъ и прибавляетъ, что ему съ самаго начала казалось невѣроятнымъ, чтобы ген. Гершельманъ согласился на такую мѣру, какъ взносъ на благотворительность, въ случаѣ оскорбленія офицера.

Защита проситъ приобщить къ дѣлу фотографію съ рескрипта президента Русскаго театральнаго общества, даннаго Молдавцеву съ выраженіемъ благодарности за пожертвованіе 11 тысячъ руб. и за обещаніе впредъ вносить по 20 тысячъ въ годъ. Противъ такого хода

тайства протестуетъ прокуроръ, видя въ этомъ чрезмерное расширение защитниками своей системы защиты. Въ данномъ случаѣ лицо, принявшее пожертвование, не находилось ни въ какихъ должностныхъ отношеніяхъ съ давшимъ пожертвование, а въ этомъ моментѣ—вся сущность. Сенатъ отказываетъ въ ходатайствѣ.

Свидѣтель **Овчаровъ**, бывший предсѣдатель Преображенско-Семеновскаго собранія, показываетъ, что ему былъ рекомендованъ Иванъ Макареско, помощникъ начальника московской военной тюрьмы, ея начальникомъ полк. Понятовскимъ, какъ человѣкъ, способный развить клубъ. Развитие выразилось въ томъ, что тамъ появились шулера, пошла нечистая игра.

Кассиръ собранія **Овчинниковъ**, показываетъ, что Иванъ Макареско бралъ деньги, чтобы отозвать въ градоначальство Рейнботу и его помощнику.

Ген. **Рейнботъ** даетъ объясненіе по поводу оштрафованія Масленникова и говоритъ, что еще при жизни ген. Гершельмана указывалъ производившему слѣдствію члену палаты Шадурскому на ген. Гершельмана, какъ на свидѣтеля по этому эпизоду дѣла.

Свид. сваяч. **Гербановскій** показываетъ, что ген. Рейнботъ не разъ жертвовалъ довольно крупными суммами руководимому свидѣтелемъ обществу борьбы съ улицею.

Въ концѣ засѣданія читаются нѣсколько протоколовъ осмотра и показанія нѣкоторыхъ неявившихся свидѣтелей, не вносяція ничего существеннаго или новаго.

День одиннадцатый. Судебное присутствіе продолжаетъ допрашивать свидѣтелей „клубной категоріи“. Первымъ показываетъ прис. повѣр. **Чарыховъ**, бывший старшиною Преображенско-Семеновскаго собранія. Отъ, теперь покойнаго, Калиновскаго свидѣтель слышалъ, что Иванъ Макареско беретъ много изъ кассы на взятки въ градоначальствѣ, но значительную часть этихъ денегъ туда не довозить. Въ оглашенномъ показаніи свидѣтеля на предварительномъ слѣдствіи есть указаніе, что однажды Макареско взялъ для Короткаго 900 руб., но прежде чѣмъ поѣхать въ градоначальство, эти деньги проигралъ. Свидѣт. **Александровъ**, старшина московскаго музыкальнаго собранія, показываетъ, со словъ другого старшины Астафьева, что собраніе вносило на благотворительность 500 руб., при чемъ деньги передавались Короткому. Относительно того же собранія показываетъ приставъ **Ощевскій-Кругликъ**, рассказывающій, но очень неопредѣленно, о данномъ ему Короткимъ распоряженіи составить протоколъ о допущенной въ кружокъ азартной игрѣ. Свидѣт. д. с. с. **Шрамченко**, чиновникъ канцеляріи генералъ-губернатора, бывший однимъ изъ старшинъ Общественнаго собранія, въ своемъ показаніи говоритъ лишь, что слышалъ, что надо давать на благотворительность, но самъ никогда не давалъ. Значительнѣе оглашенное показаніе другого представителя того же собранія, неразсысканнаго **М. Л. Лазарева**. Когда въ первый разъ онъ привезъ градоначальнику пожертвование, тотъ отвѣтилъ, что изъ такого источника не желаетъ получать. Когда стало извѣстно, что клубъ закрытъ, свидѣтель поѣхалъ къ Рейнботу, указавъ ему, что закрывать ихъ клубъ онъ не могъ, такъ какъ ихъ уставъ утвержденъ министромъ, градоначальникъ отвѣтилъ, что клубъ и не закрытъ. Спустя нѣкоторое время стали опять ходить слухи о скоромъ закрытіи, тогда клубъ сдѣлалъ постановленіе о ежемѣсячномъ благотворительномъ взносѣ въ 1000 руб.; но было уже поздно, клубъ былъ уже закрытъ, о чемъ градоначальникъ и сдѣлалъ помѣтку на извѣщеніи о постановленіи собранія.

Свид. прис. пов. **Раппопортъ**, юрисконсультъ того же собранія, показываетъ, что однажды Моисеенко его предупредилъ о необходимости дѣлать взносы на благотворительное общество, иначе грозитъ закрытіе. Свидѣтель передалъ о томъ старшинамъ, но никакое рѣшеніе принято не было. Потомъ пронеслась вѣсть, что клубъ закрытъ, сдѣлалъ постановленіе о ежемѣсячныхъ благотворительныхъ взносахъ, но оказалось, что уже поздно. На вопросъ Карабчевскаго, какъ свидѣтель понялъ слова Моисеенко—какъ дружескій совѣтъ, или какъ угрозу,—свидѣтель отвѣчаетъ, что для него тутъ былъ ясенъ элементъ понужденія, и у него

было такое впечатлѣніе, что Моисеенко говоритъ не отъ своего имени, а отъ имени градоначальника. Допрошенный Моисеенко говоритъ, что разговоръ, передаваемый свидѣтелемъ, у него былъ, но не онъ его завелъ, свидѣтель, спрашивавшій какъ обезопасить клубъ; Моисеенко только высказалъ свое мнѣніе.

Далѣе показываютъ представители Русскаго собранія, **Львовъ** и **Сушенковъ**—ихъ клубъ никогда никому не платилъ, потому что и платить было не изъ чего, клубъ ихъ умиралъ. Попробовали было оживить клубъ, явилась анонимная французская компанія, которая держала банкъ. Но тутъ клубъ закрыли. О Московскомъ клубѣ, иначе называвшемся Ажерниковскимъ, показываетъ первымъ приставъ **Керстичъ**, составившій протоколъ объ игрѣ тутъ въ азартныя игры, при чемъ игра, по показанію свидѣтеля, была очень скромная, шесть—десять игроковъ, одинъ всего столъ; а кругомъ, въ другихъ клубахъ игра шла во всю. Затѣмъ оглашается показаніе хозяина клуба Ажерникова. Едва клубъ открылся, его вызвалъ градоначальникъ. Изъ нѣкоторыхъ словъ послѣдняго свидѣтель понялъ, что отъ него ждутъ пожертвований. И онъ сказалъ что хочетъ внести на благотворительность. Градоначальникъ ничего не отвѣтилъ. Свидѣтель досталъ на это шесть тысячъ, но клубъ оказался уже закрытымъ. Свидѣтель убѣжденъ, что внеси онъ пораньше, и клубъ его продолжалъ бы жить.

По Нѣмецкому клубу даетъ показанія предсѣдатель совѣта старшинъ **Биттъ**. Онъ говоритъ, что въ первый разъ привезъ Рейнботу деньги на пріемный полицейскій покой по собственной инициативѣ, при чемъ ассигнованіе это было сдѣлано, вопреки уставу клуба, лишь совѣтомъ старшинъ, а не общимъ собраніемъ членовъ, которое уже позднѣе санкціонировало рѣшеніе старшинъ. Затѣмъ свидѣтель сталъ возить пожертвования ежемѣсячно, при чемъ было установлено, что оно будетъ опредѣляться 10 процентами со штрафовъ, платы за карты и т. ц. Но общее собраніе измѣнило норму и установило для образованія пожертвования особую дополнительную плату за карты въ азартныхъ играхъ. (25 коп.—при „железной дорогѣ“ и 50 коп.—при баккара). Въ квитанціи, выданной градоначальникомъ въ первый же разъ, было обозначено, что взносъ на благотворительность вообще, и въ виду этого въ дальнѣйшемъ и клубъ уже отмѣчалъ въ своихъ книгахъ взносы такимъ образомъ—просто на благотворительность по усмотрѣнію градоначальника. Свидѣтель, въ отвѣтъ на вопросъ обвинителя, рассказываетъ еще, что однажды къ нему позвонилъ **Яковлевъ**, секретарь градоначальника, и напомнилъ, что давно прошель срокъ, а свидѣтель со своими деньгами не показываетъ. Напоминаніе было сдѣлано въ полушуточной формѣ, но свидѣтель, такъ какъ дѣйствительно просрочилъ двѣ недѣли, поторопился отвезти деньги въ градоначальство. Далѣе свидѣтель показываетъ относительно проигрыша помощникомъ пристава **Федоровымъ** въ ихъ клубъ 1600 руб. казенныхъ денегъ. Клубъ постановилъ покрыть растрату **Федорова**, однако градоначальникъ отказался отъ того, сказавъ, что растрату покрылъ изъ своихъ средствъ. Тогда клубъ къ двумъ обычнымъ мѣсячнымъ взносамъ прибавилъ по 800 руб. и такимъ путемъ возвратилъ все-таки градоначальнику эти деньги. Всего Нѣмецкій клубъ черезъ свидѣтеля передалъ ген. Рейнботу около 13 тысячъ руб. По словамъ свидѣтеля, то были совершенно добровольныя пожертвования. Предсѣдатель **Герасковъ** спрашиваетъ свидѣтеля, извѣстно ли ему, что въ прежнее время его клубъ вносилъ на пріемный покой лишь 1500, 2000 руб. въ годъ? Свидѣтель отвѣчаетъ, что раньше старшиною не былъ, знаетъ лишь, что всегда вносилось на пріемный покой, но размѣры ему неизвѣстны.

Свидѣт. **Яковлевъ** передаетъ о случаѣ, когда онъ напомнилъ по телефону **Битту** о деньгахъ. Напоминаніе случилось такимъ образомъ: полк. **Климовичъ** за завтракомъ у ген. **Рейнбота** сказалъ, что у него не осталось денегъ для раздачи просителямъ на пріемахъ, **Рейнботъ** отвѣтилъ, что и у него ихъ уже нѣтъ, и тутъ добавилъ, что совсѣмъ забылъ его **Биттъ**. **Яковлевъ** въ разговорѣ съ послѣднимъ и передалъ ему, что слышалъ за завтракомъ. Свидѣтель затѣмъ показываетъ, что переписывалъ ген. **Рейн-**

боту письмо, посылавшееся ген. Гершельману, и может удостоверить тождественность обоих писем, о которых идет речь.

Свидетель **Кобрань** показывает, что по постановлению Кучевского клуба отвез градоначальнику 4000 на кареты скорой медицинской помощи, такие же пожертвования и раньше делались их клубом, в ответ на пожертвование клуб получил благодарственное письмо.

Свидет. **Колесников**, директор морозовской мануфактуры, показывает, что отвез Рейнботу 1000 руб. на городовых. На вопрос защиты свидетель определяет имуществом состояние второй жены Рейнбота, крупной пайщицы их мануфактуры.

Свидетель **Матвеев**, смотритель дома градоначальства, показывает, что на приемах градоначальник и его помощник раздавали пособий рублей 25—30 в день, что ген. Рейнбот вообще относился к деньгам пренебрежительно.

Свидет. **фон-дер-ховен** штаб-офицер при градоначальник, показывает, что просил разрешить ему не сопровождать полк. Короткаго при посещенях клуба, так как Короткий обыкновенно кричал, вообще поведение его носило комической характер, а иногда бывали в его поступках и странности—раз он велел составить протокол, цотым распоряжение свое отменил. Свидетель показывает согласно съ Яковлевым о сцене за завтраком у градоначальника, когда последний сказал, про Бита. Свид. **Кукушкина**, старообрядка, пользующаяся в раскольничьей московской среде большим авторитетом и много благотворительствующая, рассказывает, как она была вызвана Коротким по делу о благотворительном обществѣ. Во время бесѣды съ нею градоначальника помощник несколько раз спросил по следяго—„предъявить?“; наконец ген. Рейнбот отвѣтил утвердительно, и Короткий предложил ей пожертвовать на общество. Свидѣтельница не дала тут же отвѣта, поехала къ Плевако, посоветовалась съ нимъ и по его совѣту внесла Короткому 300 руб. А кстади попросила о разрешеніи ея моленной колокольного звона. И обѣщала внести еще 700 руб. Уже по уходѣ Короткаго съ должности свидѣтельница была вторично у градоначальника, отвезла 700 руб. и отъ него узнала, что „звон“ давно ей разрешенъ.

Свид. **Шибалов**, докладчик при приемной градоначальника показывает, о раздачах на приемах градоначальником рублей до 25 в день, а также о том, что у Рейнбота имѣлся особый телефон, помимо станции, съ генераль-губернаторомъ. По этому телефону и отдавались генераль-губернаторомъ различныя распоряженія, например—о конфискаціи газетъ. Свидетель показывает, на вопрос защиты, что генералъ всегда былъ на похоронахъ убитыхъ городовыхъ; сообщаетъ нѣкоторые данныя о Стволовѣ, вполне совпадающія съ показаніями прежде показывавшихъ свидетелей. Свид. **Савни**, второй „докладчик“ градоначальника, показывает, что все посѣтителы градоначальства записывались въ особую книгу. О раздачѣ денегъ на приемахъ суммами въ 10—15 руб. показываетъ свид. кн. **Козловскій**, не разъ бывшій очевидцемъ этихъ раздачъ. Свид. **Степановъ**, офицеръ, раненый во время вооруженнаго возстанія, показывает, что получилъ отъ Рейнбота на леченіе сначала 300 руб., потомъ 1000 руб.

Свидет. **Конченковъ**, содержатель бань, показывает, что банщики рѣшили организовать въ общество въ противобѣдѣ служащимъ въ баняхъ, и для ускоренія этого дѣла собрали сумму денегъ и внесли Короткому на благотворительное общество при градоначальствѣ. **Фивейскій**, дѣлопроизводитель цензурнаго отдѣла канцелярій градоначальства, показывает, какъ однажды ген. Рейнботъ на прошеніи антрепренера **Новикова** о разрешеніи ему спектаклей подписалъ свою резолюцію „свitys Его Величества генераль-майоръ“, а когда свидетель ему казалъ, что онъ еще не „свitys Его Величества“, Рейнботъ вытеръ эти слова резинкой. Когда канц. генераль-губернатора вернула протоколы о санктарныхъ нарушеніяхъ и предложила направить дѣла эти въ судъ, Рейнботъ все таки наложилъ административныя взысканія, ска-

завъ свидетелю, что теперь генераль-губернаторъ въ Москвѣ онъ, Рейнботъ. Свидетель не разъ видѣлъ въ рукахъ у Короткаго деньги послѣ того какъ у него были просители. Свидетель дѣлаетъ нѣсколько возраженій на заявленія книги Рейнбота, касающіяся его, свидетеля. На вопросъ предсѣдателя отвѣчаетъ, что книгу ему кто то прислалъ, не обозначивъ своего имени. Свид. **Кедровъ**, служащій въ канцелярій градоначальника, показывает, въ отвѣтъ на вопросы защиты, что **Фивейскій** былъ удаленъ отъ должности за взяточничество, и о немъ идетъ сейчасъ слѣдствіе. Свид. **Кучеровъ**, содержатель трактира, показывает, что внесъ въ градоначальство 1000 руб. за то, чтобы ему не запрещали поздней торговли. Послѣ этого къ свидетелю явился **Тарбевъ** и потребовалъ за хлопоты себѣ 1000 руб. Деньги были **Тарбеву** даны.

День двѣнадцатый. Снова допрашивается свидетель **Шибановъ** и въ отвѣтъ на вопросы защиты показывает, что иногда у градоначальника бывалъ **Молдавцевъ**. Особенно запомнился свидетелю первый визитъ, когда **Молдавцевъ** прѣхалъ уже послѣ 6 час. и настаивалъ, чтобы объ немъ было непременно доложено градоначальнику. Послѣ того **Молдавцевъ** бывалъ раза два.

Обширное показаніе даетъ чиновникъ градоначальства **Зубатовъ**, завѣдывавшій типографіею градоначальства. И все его показаніе касается второй или новой типографіи, заведенной по инициативѣ ген. Рейнбота. Старая типографія, показываетъ свидетель, была въ запущенномъ видѣ, были плохи машины, было мало прифта, даже визитную карточку нечѣмъ было порядочно набрать. Градоначальникъ и рѣшилъ устроить новую типографію, которая принимала бы и частныя заказы. Генераль-губернаторъ далъ 5000 руб. на первое обзаведеніе типографіи, которые затѣмъ ему были выплачены. Отчетность по этой типографіи контролю государственнаго контроля не подлежала и не подлежить. Такъ какъ новая типографія нуждалась въ заказачѣ, ихъ нужно было искать, и это вызвало „коммерческіе“ расходы. Были такіе расходы и у самаго градоначальника. Свидетель велъ книгу заказовъ, въ которой отмѣчалъ и все уплаты, и каждое утро представлялъ градоначальнику накопившіяся суммы, которыя тотъ записывалъ въ свою книгу. Въ этой же книгѣ градоначальникъ отмѣчалъ и тѣ выдачи, которыя дѣлалъ изъ своихъ средствъ на нужды типографіи. Когда ген. Рейнботъ уходилъ съ своего поста, онъ приказалъ свидетелю составить справку о его денежныхъ отношеніяхъ съ типографіей, свидетель составилъ, и ген. Рейнботъ уплатилъ ему все, что былъ долженъ по типографіи. Не оправданные документами коммерческіе расходы свидетель высчитываетъ: свои— въ 1800 руб., ген. Рейнбота—въ 1534 руб. Старшій чиновникъ ревизіи **Тимофеевъ**, которому было поручено разобрать вопросъ о новой типографіи, показывает, что отчетность по этой типографіи была очень запущена и беспорядочна; даже считая, что указаніе **Зубатова** объ его коммерческихъ расходахъ правильно, окажется не оправданный никакими документами расходъ въ 4000 руб. Свидетель могъ заключить изъ разговоровъ съ **Петровымъ** и другими, что при самомъ возникновеніи новой типографіи былъ произведенъ какой-то негласный расходъ, какъ будто—въ связи съ полученіемъ разрешенія на приспособленіе помѣщенія подъ типографію.

Экспертъ Скуратовъ показывает, что у Рейнбота должны были остаться и не возвращены имъ при окончательномъ расчетѣ четыре тысячи рублей.

Ген. **Рейнботъ** даетъ показаніе по поводу типографіи, указываетъ, что такая типографія существовала въ Москвѣ при **Власовскомъ** и давала на нужды полиціи большія суммы, такая же типографія съ приемомъ частныхъ заказовъ существуетъ и работаетъ очень успѣшно въ **Петербургѣ**. Зналъ свидетель, что такъ же успѣшно работала типографія въ **Казани**, гдѣ онъ былъ губернаторомъ. Все это и побудило его завести типографію съ приемомъ частныхъ заказовъ и въ Москвѣ. Къ тому же у него было обѣщаніе управляющаго конторою Императорскихъ театровъ **фонъ Буоля**—дать этой типографіи заказъ на печатаніе афишъ и выхлопотать у дирекціи авансъ въ 10 тысячъ. Но эти надежды не оправдались, а оборудованіе типо-

графин было уже начато. Потому подсудимому пришлось вложить в типографию свои деньги. Свидетель рѣшил попомогу выбрать свои деньги, а затѣмъ уже совершенно чистое предприятие передать градоначальству. Онъ всегда считалъ, что типографія—въ долгу у него, и былъ удивленъ, когда Зубатовъ, представляя послѣднюю справку, сказалъ, что онъ, Рейнботъ, долженъ типографіи 1187 руб. Рейнботъ тотчасъ же отдалъ эти деньги, безъ спора и разбора отдалъ бы и вдвое, втрое больше, такъ какъ въ тотъ моментъ у него и у его семьи было лишь одно желаніе—поскорѣ ликвидировать всѣ отношенія къ градоначальству, поскорѣ ухлѣть изъ градоначальческаго дома. Такъ тяжело было моральное состояніе его, Рейнбота, въ виду начавшихъ циркулировать по Москвѣ слуховъ. Относительно 4000 тысячъ неоправданнаго документами расхода ген. Рейнботъ говоритъ, что, вѣроятно, эти деньги розданы комиссіонерамъ, общавшимъ крупныхъ заказчиковъ типографіи.

Городской Голова **Н. И. Гучковъ**, вызванный въ качествѣ свидѣтеля защитой, характеризуетъ жалкое состояніе полиціи и тревожное настроеніе Москвы, когда вступилъ на постъ московскаго градоначальника ген. Рейнботъ. Съ появленіемъ Рейнбота полиція стала постепенно улучшаться, всѣ стороны ея работы—упорядочиваться. Самъ Рейнботъ держалъ себя чрезвычайно смѣло, его приходилось даже удерживать, и это особенно бросалось въ глаза при сравненіи его съ его предшественникомъ, который безвыходно оставался въ своемъ кабинетѣ. Рейнботомъ же былъ впервые введенъ контроль за расходованіемъ почти полумилліона городскихъ денегъ на пожарную часть.

Въ присутствіи объ обществахъ и союзахъ ген. Рейнботъ никогда не являлся защитникомъ какихъ либо клубовъ. Въ думскихъ сферахъ уходъ Рейнбота былъ встрѣченъ, какъ большая потеря для Москвы, и городской голова имѣлъ долгія бесѣды и съ московскимъ генералъ-губернаторомъ, и съ предсѣдателемъ совѣта министровъ, которымъ свидѣтель указывалъ на заслуги Рейнбота и просилъ имѣть ихъ въ виду при рѣшеніи вопроса объ его отставкѣ. Свидѣтель защиты, б. членъ городской думы Приклонскій даетъ характеристику ген. Рейнбота, вполне совпадающую съ предыдущей. Свидѣтель рассказываетъ, какъ однажды ген. Рейнботъ сталъ его спрашивать объ отношеніяхъ къ нему, градоначальнику, москвичей. И въ этомъ разговорѣ свидѣтель намекнулъ, что въ Москвѣ поговариваютъ о поборахъ, чинимыхъ нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ. Ген. Рейнботъ сталъ просить назвать имена, указать факты, и наконецъ свидѣтель сказалъ, что говорятъ о взяткахъ Короткаго при разрѣшеніи синемаграфовъ. Свидѣтель, быв. бригадъ-майоръ **Гартъе** показываетъ, что однажды расписался въ полученіи фиктивной награды.—деньги пошли на покушку пожарнымъ полшубковъ. Свидѣтель добавляетъ, что такое снабженіе пожарныхъ тешой одеждой считается наградой себѣ. Если бы ген. Рейнботъ не помогъ купить полшубки, свидѣтель купилъ бы ихъ на собственные деньги.

Дополнительно допрашивается свидѣтель **Хлѣбниковъ**, старшій чиновникъ гарнизонной полиціи. Онъ показываетъ, что разслѣдованіе о пристаѣ Ползиковѣ, произведенное департаментомъ полиціи, дало результаты, вполне реабилитирующіе Ползикова. Далѣе свидѣтель говоритъ о произведенномъ имъ разслѣдованіи тратъ Рейнбота на благотворительность. Этимъ разслѣдованіемъ съ ясностью устанавливается, что траты эти были очень скромны и производились по большей части изъ особыхъ, имѣвшихся на то въ распоряженіи градоначальника суммъ и кредитовъ, изъ 12-тысячнаго и 15-тысячнаго фонда.

Свидѣтель защиты **Кондратьевъ**, смотритель Хамовническаго полицейскаго дома, показываетъ, что по инициативѣ Рейнбота и на даваемыя имъ деньги былъ при этомъ домѣ устроенъ пріютъ для брошенныхъ дѣтей, нанята сидѣлка. Свидѣтель **Орловъ**, служащій на Брестской дорогѣ, „монархическій работникъ“, по его собственному опредѣленію, показываетъ, что не разъ обращался къ ген. Рейнботу за денежной поддержкой и всегда ее получалъ. Далѣе свидѣтель говоритъ о роли Рейнбота при ликвидаціи забастовочнаго движенія и о популярности, какую онъ постепенно приобрѣлъ

въ рабочей средѣ. Свидѣт. **Кипарисова** показываетъ, что получила отъ ген. Рейнбота 300 руб. на похороны мужа. Объ оказанныхъ пособіяхъ показываютъ еще свидѣтели: **Жуковъ**, **Головинъ**, **Овсянниковъ**, нѣк. др. Отъ допроса остальныхъ, вызванныхъ защитой, она отказывается. Свид. **Штанковъ**, бывшій приставъ въ участкѣ котораго находился университетъ, показываетъ, что получалъ отъ Рейнбота деньги на агентуру въ университетѣ, при чемъ разъ или два не давалъ расписки въ полученныхъ деньгахъ. Свидѣтель **Воеводинъ**, чиновникъ Охраннаго отдѣленія, показываетъ, что командировался градоначальникомъ въ клубы, при чемъ ему давалось на расходъ и было обьяснено, что его проигрыши до ста рублей будутъ возмѣщаться. На вопросъ подсудимаго Рейнбота свидѣтель показываетъ, что былъ онъ однажды командированъ и въ Артистической клубъ.

Свидѣт. **Воронцовъ**, вызванный защитой Короткаго, показываетъ, что въ Москву Короткій пріѣхалъ совсемъ безъ средствъ и у него, свидѣтеля, занялъ 300 руб., чтобы перевезти семью. И такимъ же немощнымъ ухлѣлъ, такъ что брату Короткаго пришлось дать ему денегъ на обратный переѣздъ въ Петербургъ.

День тринадцатый. Допрашивается начальникъ охраннаго отдѣленія полк. **фонъ-Котенъ**. Онъ даетъ характеристику настроеній Москвы въ пору градоначальствованія ген. Рейнбота, говоритъ о громадной работѣ, которую приходилось въ ту пору нести, въ виду не потухшей еще революціи, рассказываетъ, что въ революціонныхъ организаціяхъ не переставали обсуждать покушенія на ген. Рейнбота.

Затѣмъ сенатъ постановляетъ закрыть двери, и послѣдующее показаніе этого свидѣтеля дается при закрытыхъ дверяхъ, при закрытыхъ же дверяхъ происходитъ оглашеніе нѣкоторыхъ секретныхъ документовъ, переписки ген. Рейнбота съ департаментомъ полиціи.

По возобновленіи открытаго засѣданія, допрашивается свидѣтельница **Мануйлова**, вызванная по ходатайству прокурора. Свидѣтельница отвѣчаетъ, что ничего не знаетъ о томъ, получала ли ея мать пособія отъ ген. Рейнбота.

Прокуроръ обращаетъ вниманіе сената на то, что выдачи, о которыхъ вчера показывали свидѣтели **Кипарисова**, **Степанова** и нѣк. друг., сдѣланы на основаніи ассигновокъ изъ особыхъ кредитовъ, а не изъ суммъ, предоставленныхъ ген. Рейнботу на благотворительность по его усмотрѣнію. Затѣмъ, въ виду показанія **Гартъева** о широкой раздачѣ Рейнботомъ наградъ при задержаніи экспроприаторовъ, прокуроръ указываетъ, что въ томъ случаѣ, о которомъ въ частности говорилъ названный свидѣтель, ген. Рейнботъ, какъ видно изъ протокола, и не присутствовалъ.

По просьбѣ прокурора передопрашивается свид. ген. **Будбергъ**. Свидѣтель опровергаетъ отзывъ о немъ Рейнбота въ письмѣ къ сенатору **Гарину** и рассказываетъ о недоразумѣніяхъ, которыя вышли у него съ Рейнботомъ, о стремленіи Рейнбота выжить его. Затѣмъ свидѣтель показываетъ, что Рейнботъ совершенно напрасно приписываетъ себѣ всю честь по прекращенію забастовокъ,—очень много сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ и свидѣтель. Въ отвѣтъ ген. **Рейнботъ** сообщаетъ, что имъ были получены, вскорѣ по вступленіи въ должность, отъ вице-директора департамента полиціи **Рачковского** весьма компрометирующія свѣдѣнія о **Будбергѣ**, и потому пришлось отказаться отъ первоначальнаго намѣренія оставить ген. **Будберга** помощникомъ градоначальника, даже—оставить его на дальнѣйшей службѣ въ московской полиціи, — по **Будбергѣ**, затѣмъ, упростилъ **Рейнбота** забыть его провинности и жалобы. И **Рейнботъ** оставилъ его полицімейстеромъ. Оглашается протоколъ о самоубійствѣ **Масленникова** въ ресторанѣ **Моравія**, о чемъ ходатайствовала защита, и приобщается къ дѣлу представленное повѣреннымъ гражданскаго истца письмомъ **Масленникова**, писанное жепѣ передъ самоубійствомъ. Защита проситъ разрѣшенія семагаться на документъ при которомъ **Рейнботомъ** внесены въ депозитъ судебного присутствія до начала разбирательства дѣла 28000 руб. процентными бумагами, въ пополненіе недочетовъ, если бы таковыя были признаки судебнымъ присутствіемъ.

Ген. Рейнботъ даетъ объясненія по обвиненіямъ его въ превышеніяхъ власти. Взысканія за нарушенія санитарныхъ правилъ имъ налагались лишь въ отсутствіи генераль-губернатора. Онъ ссылается на предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ московскому градоначальнику Волкову—въ виду временнаго упраздненія московскаго генераль-губернаторства этимъ предписаніемъ градоначальнику предоставляется налагать взысканія за нарушенія санитарныхъ правилъ. Это предписаніе не отменено, и потому ген. Рейнботъ почиталъ себя управомоченнымъ на указанныя взысканія при отсутствіи генераль-губернатора. Повидимому съ этимъ былъ согласенъ и московскій генераль-губернаторъ, не разъ утверждавшій наложенныя градоначальникомъ взысканія за этого рода дѣянія. Роспоряженія свои объ извощикахъ онъ основывалъ не на обязательныхъ постановленіяхъ, но на положеніи объ охранѣ. Ограниченія относительно высылки лицъ порочнаго поведенія онъ считалъ, можетъ быть—и ошибочно,—относящимися лишь къ мѣстностямъ, объявленнымъ на положеніи усиленной охраны, но не чрезвычайной. Относительно будто бы имъ растроченной части суммъ, ассигнованныхъ на резервъ, подсудимый показываетъ, что эти деньги были имъ израсходованы на организацію специальныхъ развѣдокъ, при томъ, согласно даннымъ ему указаніямъ—помимо охраннаго отдѣленія.

По ходатайству обвинителя судъ постановляетъ потребовать подлинникъ министерскаго предписанія градоначальнику Волкову. Въ перерывѣ документъ полученъ и оглашенъ.

Оглашаются послужные списки ген. Рейнбота и полк. Короткаго. И предѣлательствующій объявляетъ судебное слѣдствіе законченнымъ.

РѢЧЬ ПРОКУРОРА.

Господа Сенаторы и г. г. Сословные представители! Вашъ приговоръ по этому дѣлу будетъ событіемъ исключительной важности для правовой жизни нашей родины. Причина не въ количествѣ или свойствѣ уголовно-наказуемыхъ правонарушеній, въ которыхъ обвиняются подсудимые, не въ высокомъ судебномъ положеніи ихъ, но въ существѣ вопросовъ, которые подлежатъ Вашему разрѣшенію. Не будетъ увлеченіемъ утверждать, что цѣль отдѣла нашего уголовного кодекса, основныя положенія нашего административнаго права призваны выдержать правовое испытаніе передъ лицомъ судебного присутствія, двухълѣтковаго хранителя началъ законности нашей родины. Споръ въ этомъ дѣлѣ сосредоточивается не на вопросѣ о доказанности того или иного дѣянія. Существо дѣла—въ тѣхъ взглядахъ, которые тутъ проводятся. Здѣсь не только нѣтъ признанія преступности дѣяній, которыя вмѣняются подсудимымъ въ вину, здѣсь утверждается, что большинство этихъ дѣйствій—ихъ право. Совершая ихъ, они осуществляли свои служебныя обязанности, они дѣйствовали на основаніи предоставленныхъ имъ въ законѣ правъ.

Съ этой точки зрѣнія особенно подчеркивались во время судебного слѣдствія особыя личныя условія, въ которыхъ находился одинъ изъ подсудимыхъ, бывшій московскій Градоначальникъ ген.-майоръ Рейнботъ. Упорно говорилось что самое обвиненіе въ этихъ преступленіяхъ противорѣчитъ условіямъ жизни ген. Рейнбота. Смыслился и на богатство его первой жены, и на крупное, почти головокружильные доходы второй жены. Не говорю о томъ, что само по себѣ семейное положеніе Рейнбота, какъ оно выяснилось на судебномъ слѣдствіи, еще не устраняетъ вопроса о томъ, насколько онъ пуждасы въ средствахъ. Я даже готовъ забыть, что между двумя идиллическими въ материальномъ отношеніи семейными періодами, о которыхъ здѣсь говорилось, имѣлся третій періодъ, связанный съ именемъ нѣкоей Ледаръ, и въ теченіе этого періода материальныя условія Рейнбота были съ материальной точки зрѣнія, не особенно блестящими. Я не могу не признать, что условія жизни ген. Рейнбота совершенно исключительныя, но это только подчеркиваетъ правовую и принципиальную сторону дѣла. Прѣзвольте неминуемо вѣдетъ къ хищеніямъ.—Вотъ въ чемъ главное положеніе этого дѣла. Резюмируя все

сказанное, я скажу, что дѣло—не въ 28 отдѣльныхъ нарушеніяхъ закона,—дѣло въ цѣлой системѣ управленія, дѣло въ отношеніи къ самому началу законности.

Позвольте начать съ тѣхъ уголовно-наказуемыхъ дѣяній, которыя, почти не признаются таковыми въ нашей жизни, которыя наша жизнь встрѣчаетъ съ улыбкой, съ обвиненія въ превышеніи власти. Сюда въ формѣ свидѣтельскихъ показаній, въ формѣ цѣлаго ряда заявленій, данныхъ на вопросы, ворвалась волна правовой анархїи. Само понятіе законности, какъ будто, не входитъ въ сознаніе не только тѣхъ, которые обвиняются, но и тѣхъ, которые давали здѣсь показанія. Вотъ почему я позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній по вопросу о значеніи этого преступленія вообще, о значеніи его въ нашей правовой системѣ—въ частности.

Что такое превышеніе власти? Это—сознательное принятіе должностнымъ лицомъ мѣръ, на которыя онъ не уполномоченъ закономъ. Бездѣйствіе же власти есть сознательное использование тѣми мѣрами, которыя предоставлены ему закономъ. И такъ, сознательная борьба съ началомъ законности. Съ этой точки зрѣнія превышеніе власти приближается къ тому ряду преступленій, которыя нашимъ законодательствомъ именуются смутой. Это должностная форма смуты.

Доказывать, что должностное лицо, сознательно борющееся съ законностью, совершаетъ самое общееопасное дѣло, я не буду. Если вы внимательно слѣдили за общей картиной этого дѣла, вы должны признать, что противозаконіе наверху было самымъ сильнымъ и опаснымъ способомъ пропаганды противозаконія внизу. Современное государство признало, что оно можетъ быть основано только на правосознаніи подданныхъ, гражданъ. Со всѣми, кто стремится внести анархїю въ это правосознаніе, борется уголовный законъ. И наиболѣе высокая форма преступности съ этой точки зрѣнія будетъ та, когда должностное лицо вообще не признаетъ закона и законности, какъ руководящаго принципа своей дѣятельности, когда оно вообще не считается съ этимъ закономъ. Такого рода дѣйствія я называю дѣйствіями възаконными, подобно тому какъ для высшаго проявленія безнравственности современныя условія создали особое понятіе вибравственности или аморальности.

Превышеніе власти есть растрата власти. Вѣдь законность, это—тотъ единственный животворящій духъ, который всякой мѣрѣ, принимаемой властью, даетъ животворящую силу. Современное государство уже не дѣйствуетъ посредствомъ насилія, его средства воздѣйствія—правовое принужденіе, оно въ силѣ физической не нуждается. Можно его представить въ видѣ полемена въ Англіи, бѣлой палочкой останавливающего цѣлую вереницу экипажей, изъ которыхъ каждый можетъ его задавить. Должностное лицо, дѣйствующее мѣрами противозаконными, несомнѣнно лишаетъ свои мѣропріятія той силы, того значенія, которыя имѣютъ мѣропріятія одухотворенныя—лишаетъ начала законности. И потому превышеніе власти, съ этой точки зрѣнія, является ничтѣмъ инымъ какъ растратой власти.

На основаніи дѣйствующихъ російскихъ законовъ, только воля верховнаго вождя народа, только воля Государя Императора обращаетъ хотя бы и одобренный законодательными учрежденіями законопроектъ въ животворящую силу новаго закона. Кто закону сопротивляется—сопротивляется власти. Того, кому, на основаніи Основныхъ законовъ, самъ Богъ не только за страхъ, но и за совѣсть повиноваться повелѣваетъ. Кто оказываетъ то довѣріе, которое растрачивается носителями власти? Сомнѣній быть не можетъ. Одинъ изъ подсудимыхъ въ настоящемъ дѣлѣ назначенъ Именнымъ Высочайшимъ указомъ, полк. Короткій назначенъ приказомъ, исходящимъ изъ того же первоисточника всякой власти въ государствѣ. Вотъ чья вѣра растрачивается. Вотъ гдѣ тотъ первоисточникъ закона и всякой власти, противъ котораго дѣйствуетъ тотъ, кто совершаетъ это преступленіе.

Если же это такъ, то, думается мнѣ, что нарушающій законъ должностныя лица являются стоящими во главѣ того противозаконнаго движенія, такъ-назыв. противоправительственнаго, революціоннаго въ своемъ

существом, противъ котораго нашъ законъ борется рядомъ сложныхъ мѣропріятій.

Но кромѣ этихъ общихъ соображеній приходится имѣть въ виду и особыя исключительныя полномочія, переданныя подсудимому въ виду того положенія, въ которомъ находилась вѣтренная его правленія Москва. Вскорѣ послѣ тягчайшей сраницы русской исторіи, послѣ позорной смуты, послѣ вооруженнаго возстанія Москва находилась на положеніи чрезвычайной охраны; въ такое время власть должна быть вооружена чрезмѣрными полномочіями. И власть, которой оказывается исключительное довѣріе, должна этими полномочіями, этимъ довѣріемъ пользоваться только въ интересахъ государственнаго дѣла.

Рѣшающимъ въ данномъ вопросѣ моментомъ является внутреннее отношеніе агента власти къ своимъ поступкамъ. Если эксцессы власти обусловлены стремленіемъ агента власти наилучшимъ образомъ осуществить свои задачи, если, допуская эксцессы, представитель власти думаетъ о дѣлѣ, если эксцессы являются слѣдствіемъ напора жизни, — онъ виноватъ меньше. Тогда для лица, занимающаго особо высокое положеніе, законодатель даже вовсе исключаетъ виновность. Но когда агентъ власти допускаетъ эксцессы не въ интересахъ вѣтреннаго ему дѣла, но въ своихъ личныхъ интересахъ, тогда къ его преступленію, судъ долженъ относиться особенно строго. При томъ не только корыстные мотивы, но и мотивы властолюбія могутъ заставлять, и часто заставляютъ, смѣшивать личные интересы съ интересами государства. Необходимо поэтому остановить вниманіе на ближайшихъ побужденіяхъ, которыя могли руководить подсудимымъ при нарушеніи вѣднѣй закона.

Прежде всего позволите обратить вниманіе на первое, въ порядкѣ хронологической послѣдовательности, изъ тѣхъ неправильныхъ дѣйствій, которыя, какъ превышеніе власти, вѣняются въ вину бывшему московскому градоначальнику.

Случай крайне не сложенъ. Онъ касается протоколовъ о нарушеніи санитарныхъ обязательныхъ постановленій, изданныхъ генераль-губернаторомъ Дурново и касающихся порядка содержанія ремесленныхъ заведеній. Мѣстный участковый приставъ предъявилъ ген. Рейнботу 19 такихъ протоколовъ. Ген. Рейнботъ, въ февралѣ 1906 г., черезъ мѣсяцъ послѣ вступленія въ должность, представилъ эти протоколы генераль-губернатору съ ходатайствомъ о наложеніи административныхъ взысканій, въ формѣ разнообразныхъ штрафовъ. Генераль-губернаторъ, не согласившись съ наложеніемъ административныхъ взысканій, возвратилъ переписку при двухъ бумагахъ. Въ первомъ, предписаніи генераль-губернатора на имя ген. Рейнбота, ген.-губернаторъ отказывается отъ наложенія въ административномъ порядкѣ взысканій, и предписываетъ градоначальнику передать протоколы мировому суду, затѣмъ канцелярія генераль-губернатора въ подробной бумагѣ на имя канцелярш градоначальника излагаетъ происхождение Высочайшаго повелѣнія 1898 г., практику, установленную, въ этомъ отношеніи, генераль-губернаторомъ и принципиально обоснованный взглядъ, которымъ ген. Рейнботъ долженъ въ будущемъ руководиться.

Здѣсь было сдѣлано заявленіе, будто чиновникъ, завѣдующій этимъ дѣлопроизводствомъ, не доложилъ градоначальнику этой переписки. Но, въ этомъ отношеніи, къ великому своему сожалѣнію, фактическія утвержденія ген. Рейнбота рѣзко расходятся не только съ документальными данными, но и съ допустимыми предположеніями. Вѣдь, Ойвейскій, который, по утвержденію ген. Рейнбота, якобы не доложилъ ему переписки, какими бы отрицательными свойствами онъ не обладалъ, не сталъ бы совершать должностное преступленіе безъ всякихъ мотивовъ. Но основаній скрывать бумаги, полученные отъ генераль-губернатора, у него конечно не было, а скрывать переписку для Ойвейскаго было болѣе чѣмъ опасно.

Какия побужденія могли заставить градоначальника отмѣнить мѣропріятіе, принятое его начальствомъ? Если вы, по этому маленькому случаю задумаетесь, надъ этимъ вопросомъ, то быть можетъ, впервые раздается то слово, которое составляетъ ключъ и се-

креть всего настоящаго дѣла. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что могло заставить не подчиняться такого рода распоряженіямъ? Если вы вспомните свидѣтельскія показанія и объясненія подсудимаго, его основное письмо къ сенатору Гарину, — вы, быть можетъ, усмотрите этотъ ключъ, этотъ секретъ въ словѣ „популярность“. Въ данномъ случаѣ были заинтересованы съ одной стороны — владѣльцы мелкихъ ремесленныхъ заведеній, съ другой — рабочіе. Обязательныя постановленія были установлены въ огражденіи интересовъ рабочихъ. Генераль-губернаторъ не нашелъ основаній для наложенія своей власти взысканіемъ, предписать передать мировому суду, а тамъ, по удостовѣренію самого ген. Рейнбота, дѣло кончалось незначительнымъ штрафомъ. Кромѣ того генераль-губернаторъ усмотрѣлъ цѣлый рядъ неправильностей въ протоколахъ, а бывший московскій градоначальникъ, который умѣлъ такъ ладить съ рабочими, который пользовался въ этой средѣ такой популярностью, однимъ взмахомъ пера наложилъ взысканія на собственниковъ ремесленныхъ заведеній. Такія распоряженія, въ особенности при наличности господъ Гарбевыхъ, отъ которыхъ ничего не скрывалось, да еще на первыхъ шагахъ дѣятельности московскаго градоначальника, не могли не создать ему извѣстной популярности въ средѣ этого рабочаго люда. Если вы съ этимъ согласитесь, вы, быть можетъ, признаете, что въ актѣ есть тотъ элементъ, о которомъ я говорилъ, — элементъ службы во имя своихъ интересовъ, своего самолюбія, понимаемыхъ такъ, какъ ихъ понималъ ген. Рейнботъ, а не въ интересахъ вѣтреннаго дѣла. И во имя этого лозунга дискредитируется власть, которая Высочайше вѣрена.

Второй, въ порядкѣ послѣдовательности обвинительнаго акта, случай представляется крайне характернымъ. Я имѣю въ виду случай съ лихачемъ въ Сокольникахъ. Въ октябрѣ 1906 г. три молодыхъ рабочихъ ѣхали на лихачѣ въ такой обстановкѣ, которая показалась мѣстной полиціи подозрительной. Ихъ пытались задержать. Одинъ убѣжалъ, двоихъ задержали. У нихъ оказались маузеры, у лихача подъ сидѣніемъ браунингъ. Въ итогѣ два молодыхъ парня, „товарищи“ въ скобкахъ, были выпущены. А у лихача, были отобраны лошадь и сбруя, которые возвращены черезъ полтора мѣсяца. Я совершенно отказываюсь понять, въ силу какихъ соображеній это лицо оказалось подвергнутымъ такого рода наказанію, при этомъ наказаніи, на которое у носителя власти полномочій не было. Тутъ — первый намекъ на то, что такъ широко въ этомъ дѣлѣ примѣняется: носитель власти руководствуется не закономъ, а своей волей. Не законъ будетъ потомъ руководить имъ въ принятіи того или иного мѣропріятія, но онъ будетъ самъ устанавливать свои собственныя мѣропріятія и пользоваться ими для достиженія цѣлей, которыя онъ самъ передъ собой поставитъ. Эти запреты производить то или иное дѣйствіе, это запрещеніе производить, опечатаніе бочекъ и т. д. — эти мѣропріятія нигдѣ въ законѣ не указаны и проникнуты той же самой мыслью.

Одна идея, красной нитью проходящая черезъ все дѣло: „вами руководить моя воля, а не законъ; взысканіе налагается до тѣхъ поръ и на того, на котораго я захочу“. Слѣдующее въ порядкѣ постепенности неправильное дѣйствіе проникнуто той же идеей. Это — запрещеніе цѣлому ряду лицъ заниматься извознымъ промысломъ. Если вы станете изучать документы, вы увидите, что распоряженія то отдавались, то отмѣнялись, у извозчиковъ, то отнималось право, то восстанавливалось. Такимъ образомъ, опять идея наказанія не на основаніи закона, а на основаніи собственнаго произволенія. Не могу не указать, что въ двухъ случаяхъ здѣсь сама полиція, составлявшая протоколы, говоритъ о томъ, что передавала ихъ мировому суду; но это не остановило ген. Рейнбота. Говорили, что это дѣлалось на основаніи словеснаго распоряженія ген. Гершельмана. Не могу не высказать удивленія, что давая свое объясненіе по этому поводу, ген. Рейнботъ рѣшился сдѣлать такое заявленіе. Я думалъ, что послѣ того, что здѣсь произошло, онъ вспомнитъ слова покойнаго генераль-губернатора, удостовѣренныя здѣсь его женой, и не осмѣлится во второй разъ прибѣгнуть къ такой защитѣ.

Остановившись, затѣмъ, цѣсколько на отобраніи у извозчиковъ значковъ, обвинитель перешелъ къ мѣрамъ, принимавшимся относительно ассенизаторовъ.

На этой почвѣ ген. Рейботомъ допущенъ рядъ нарушеній закона. Здѣсь обращали вниманіе на то, дѣйствительно—громадное зло съ которымъ пришлось встрѣтиться Московской администраціи; проливали нечистоты на улицахъ, и дѣлали это нарочно. И утверждали, что законныхъ способовъ борьбы со зломъ не было, а потому пришлось прибѣгать къ лишенію права содержать ассенизаціонные дворы и ко взыскацію принудительныхъ штрафовъ. Ген. Рейботъ утверждаетъ, что лично онъ наложилъ штрафъ только въ двухъ случаяхъ—въ случаѣ съ Смородинымъ и Шадровскимъ, все остальные были оштрафованы полк. Короткимъ безъ его вѣдома. Самъ градоначальникъ вызывалъ ихъ только для соотвѣствующаго внушенія. Но если открыты имѣющіеся въ дѣлѣ подлинникъ обязательнаго постановленія, изданнаго еще въ Бозѣ почившимъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, продолжавшаго дѣйствовать и въ то время когда ген. Рейботъ былъ градоначальникомъ,—мы найдемъ въ немъ двѣ мѣры, дающія возможность бороться съ указанными явленіями: штрафъ до 500 руб. и арестъ до одного мѣсяца, т. е. мѣры, до высоты которыхъ никогда не доходили тѣ, которыхъ налагали какъ ген. Рейботъ, такъ и полк. Короткій. Правда, это законное средство страдаетъ крупнымъ недостаткомъ,— оно можетъ быть наложено только властью генераль-губернатора, но во всякомъ случаѣ утверждаютъ, что не было законныхъ средствъ бороться представляется и несогласнымъ, и противорѣчимъ специальному обязательному постановленію.

Далѣе идетъ рядъ аналогичныхъ по своему значенію мѣръ—опечатаніе бочекъ. Слѣдуетъ вспомнить имѣющіеся въ дѣлѣ рапорты полк. Комендантова. Подковникъ Комендантовъ, который примѣнял это мѣропріятіе, считалъ невозможнымъ дѣйствовать такъ и далѣе и спросилъ ген. Рейбота—на какой же срокъ примѣнять все эти воспрещенія, всѣ эти опечатанія обозовъ, бочекъ и т. д. И онъ обратился съ соотвѣствующимъ рапортомъ къ бывшему градоначальнику. Для снятія ареста съ бочекъ полк. Комендантовъ предполагалъ, если не ошибаюсь, мѣсячный срокъ. Ген. Рейботъ съ этимъ не согласился и отвѣтилъ, что ходатайство полковника Комендантова оставляется безъ послѣдствій. Съ точки зрѣнія ген. Рейбота бумага, направленная къ введенію противозаконной мѣры хоть въ какія-нибудь рамки, представлялась ходатайствомъ, которое должно остаться безъ послѣдствій. Далѣе идутъ случаи самовольной высылки ген. Рейботомъ цѣлаго ряда лицъ. Здѣсь заявлялось, что ген. Рейботъ въ этомъ отношеніи руководился своеобразнымъ толкованіемъ положенія о чрезвычайной и усиленной охранѣ. Не знаю, на сколько вы повѣрите въ возможность такого добросовѣстнаго заблужденія со стороны Московскаго градоначальника, бывшаго Казанскаго губернатора. „Заблужденіе“ имѣло мѣсто въ сентябрѣ и въ декабрѣ 1906 г. и въ теченіе 1907 г., т. е. уже послѣ многихъ мѣсяцевъ пребыванія его въ должности, когда казалось бы, такія азбучныя положенія должны быть ему ясны. Къ этому присоединялось неисполненіе прямого предписанія генераль-губернатора—въ отношеніи Савова и другихъ. Генераль-губернаторъ не согласился выслать цѣлый рядъ лицъ по представленію градоначальника и возвратилъ ему списокъ съ предписаніемъ,—буде онъ, московскій градоначальникъ, находитъ необходимымъ освободить отъ этихъ лицъ Москву, представить дополнителныя свѣдѣнія объ ихъ порочномъ поведеніи, чтобы тогда войти съ представленіемъ о высылкѣ ихъ черезъ особое совѣщаніе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а ген. Рейботъ, черезъ нѣсколько дней послѣ кратковременнаго отъѣзда генерала-губернатора и за 2 дня до его возвращенія, собственною властью этихъ лицъ выслать.

Передъ нами грандіозный въ своей принципиальной важности вопросъ о предѣлахъ правъ должностнаго лица, временно заступающаго въ должность своего начальника. Позвольте сослаться на слѣдующія правовыя положенія установленныя нашимъ закономъ. Прежде всего установленъ принципъ неперевѣренности дѣла. Затѣмъ, и въ законѣ, и въ нашей кассационной практикѣ твердо установлено, что власть, которая въ правѣ, въ предѣлахъ своего усмотрѣнія, пред-

ставить или отказать лицу въ предоставленіи того или иного права, не можетъ этого права, разъ пріобрѣтеннаго, лишитъ виѣ, закономъ установленнаго, порядка. Переписка объ этихъ лицахъ, направленная отъ Генераль-Губернатора подчиненному ему Градоначальнику уже вступила въ стадію исполненія. Градоначальникъ, какъ таковой, долженъ былъ собрать все свѣдѣнія, собрать которыхъ пришлосьло ему его начальство. Въ этотъ моментъ соотвѣствующія заинтересованныя лица пріобрѣли право на то, чтобы не быть высланными въ томъ порядкѣ, о которомъ ходатайствовалъ ген. Рейботъ. Поэтому, даже если считать, что временно заступающій мѣсто своего непосредственнаго начальника ничѣмъ съ формальной стороны закономъ не ограниченъ въ своихъ правахъ,—въ настоящемъ случаѣ даже сама власть, принявшая эту мѣру, была лишена права отменить ее виѣ новаго законнаго повода или законнаго основанія къ пересмотру уже состоявшагося рѣшенія.

При принятіи этихъ мѣръ уже проявляются признаки того, что такъ широко разовьется въ послѣдующей дѣятельности. Штрафовъ еще не берутъ. Но лишенный права содержать ассенизаціонный дворъ Гороховъ, перепродавшій принудительно свой обозъ другому лицу, за снятіе печати уплачивается, не на благотворительность, не въ Градоначальство, но по его утвержденію, Кедрову, 100 руб. Появляется уже посредничество Свободова, который помогаетъ свидѣтелю Горохову добиться распечатанія обоза. Произволъ, беззаконіе уже приближается къ лишенію, уже рождаетъ неправильныя дѣйствія подчиненныхъ чиновъ, словомъ уже начинается то, что скоро расцвѣтетъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ.

Въ отдѣлѣ превышенія власти имѣются два нарушенія закона, которыя по своей правовой принципиальности имѣютъ громадное значеніе. Я говорю о случаѣ Ермолаева и о случаѣ Савельева. Ермолаевъ, это—типичная форма злоупотребленія, въ самомъ тяжеломъ смыслѣ этого слова, вастью. Но прежде всего не могу не остановиться на вопросѣ о томъ, не правъ ли поедуимый и тѣ, кто проводятъ его взгляды, утверждая, будто судъ вообще не можетъ разсматривать этотъ вопросъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ судъ вошелъ въ его обсужденіе. Говорятъ намъ о томъ, что по закону ген. Рейботу была предоставлена власть, равная судебной, по наложенію въ административномъ порядкѣ наказаній за нарушеніе обязательнаго постановленія; онъ дѣйствовалъ какъ судья въ совѣщательной комнатѣ, свободно, руководясь лишь внутреннимъ убѣжденіемъ; никто не въ правѣ разбирать,—почему онъ наложилъ ту или иную мѣру взыскація, разъ нарушеніе имѣло дѣйствительное мѣсто.

Если даже стать на эту точку зрѣнія, признать, что въ предѣлахъ наложенія имъ отвѣтственности на Ермолаева за непроиску офицера, званіе котораго было удостовѣрено,—онъ недосигаемъ для суда, то все-таки вслѣдствіе угрозъ, предшествовавшихъ наложенію взыскація, дѣйствія его заключаютъ признаки превышенія власти. Но и относительно самаго наложенія этого высшаго взыскація ген. Рейботъ приписываетъ себѣ какой-то актъ психической ненормальности. Потому что, какой же нормальный администраторъ использовалъ бы свои исключительныя полномочія, данныя ему лишь для борьбы съ кралою, на то, чтобы наложить 3-х-мѣсячный арестъ на домовладѣльца, по небрежности не замѣтившаго въ теченіе 12 дней о вѣхавшемъ въ его домъ рускомъ офицерѣ съ женой и прислугой. Хотѣли защищаться свидѣтельскимъ показаніемъ полк. Климовича, который называлъ этотъ актъ актомъ воздѣйствія. Но такая квалификация исполненія судейскихъ функций— квалификация тяжкая. Дѣйствительно, все современныя законодательства предоставляютъ широкую власть суду. Судѣ принадлежитъ право свободной оцѣнки доказательствъ, и нѣтъ власти, которая проверяла бы эту его функцию. Самъ законъ принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы проверка была фактически невозможной. Въ алтарь храма правосудія, въ совѣщательную комнату, гдѣ рождается приговоръ, никто проникнуть не можетъ, дверь туда ограждается. Но пред-

ставите себя человека, который стал бы утверждать, что этот принцип свободной оценки доказательств есть, в существе своем, право судьи осуждать виновного,—такого человека следовало бы назвать революционером по возвращению. Такой человек не исполнит основного судебного принципа. Не могу не сказать, что, благодаря одному из последних разъяснений прав. сената, и власть судьи в этом отношении все-таки ограничена. Если оказывается, что в алтаре храма правосудия занимаются недобросовестно, это дело разбирается на основании посторонних побуждений,—и туда может явиться иной судья и сказать роковые слова: „станьте, другой судья идет“.

Самая нежность принятой относительно Ермолаева меры может быть объяснена только тем, что она принята для достижения каких-то целей. Говорят, иск Ермолаева был ген. Рейнботу безопасен: в нем бы отказали. Я и сам думаю, что если иск и не был безнадежным, то имел очень мало шансов быть удовлетворенным, но знал ли тогда это ген. Рейнбот? Принял ли меры, чтобы в этом убедиться?

Оказалось, никакого юриста не спрашивали. И потом тут была другая, нежелательная для ген. Рейнбота сторона. Если бы иск был рассмотрен в гласном суде, договор прочли бы, об этом сдѣлалось бы известным, а договор—унизительный для казны: представитель градоначальства соглашался, в случае невнесения денег в срок, выехать и уплатить арендные деньги за весь 10-летний срок контракта. Такой договор не соответствует достоинству правительственного установления. И печаль, и часты подвиги бы этот неприятный вопрос. Зато, этот иск мог обнаружить кое-что в отношении к Комендантову, к ротмистру Каменскому. Ген. Рейнбот, когда к нему явился брат Ивана Ермолаева, категорически и резко заявил, в совершенно определенной выясняющей возвращении градоначальника на этот случай форм: „Он будет бить меня по носу, а я буду молчать“. Вот понимание этого случая генерал-майором Рейнботом. И так, мера была принята для воздействия, но она не действовала. Я уже несколько раз в моей речи настаивал на психологическом единстве, которое соединяет революционера и должностное лицо, сознательно нарушающее закон. Вдумайтесь в сцену, которую удостоверяет свидетель Иван Ермолаев. Он приходит к ген. Рейнботу, тот резко с ним говорит, в заключение этого разговора И. Ермолаев почти плачет. Ген. Рейнбот говорит: „Приму меры, посажу—выпущу, опять посажу. Предлог всегда найдется“. Но Ермолаев ему не верить, не верить, чтобы представитель власти мог так ею злоупотреблять. Сопоставьте взгляд на власть, идеологию власти этого носителя власти и крестьянина-домовладельца. Кто из них больше уважает власть? Для кого самая мысль о возможности подобного рода злоупотреблений власти представляется чем-то чудовищным? Для Ивана Ермолаева!

Потом наступает принятие самой меры, осуществление угрозы. Засаживают человека на три месяца, потом выпускают, выпускают после того, когда победа по всей линии. Возможен ли более типичный случай злоупотребления полномочиями, данными исключительно для борьбы с крамолой, в видах достижения своих личных, противозаконных целей? В этом случае произошло роковое недоразумение. Ген. Рейнбот произнес по отношению к потерпевшему Ивану Ермолаеву слово „шантаж“. Он назвал его шантажистом. Но когда вопрос об оценке этого действия перешел на рассмотрение 1-го департамента Прав. Сената, 1-ый департамент, квалифицируя деяния бывшего московского градоначальника, назвал это преступное деяние преступлением, предусмотренным ст.ст. 342 и 1686 Улож. о нак. А 1686 ст.—та статья нашего закона, на основании которой в течение продолжительного времени русская судебная практика карала преступление, технически именуемое шантажем. Правительствующий Сенат назвал деяние бывшего московского градоначальника должностным шантажем.

Когда посредством протокола было достигнуто то, к чему стремился бывший московский градоначальник,—была наложена краткая и ясная резолюция: „Ермолаева арестовать на три месяца за непрописку... привести в исполнение немедленно“. Но полк. Климович, заявив ген., что там был еще управляющий, что у этого управляющего Нефедова была засвидетельствованная доверенность по управлению домом, что в течение нескольких дней за непрописку ответственен не Ермолаев, а Нефедов. И была положена редкая по характерности резолюция. В ней значится: Его Превосходительство приказал, признавая домашнюю доверенности действительными лишь со дня засвидетельствования их копий, т. е. 16 августа—подвергнуть аресту каждого на три месяца. Ивана Ермолаева—за допущение непрописки трех лиц с 12 по 16 августа, а Нефедова за непрописку 3 лиц с 16 по 25 августа. Вы видите, здесь преклонялись перед принципом законности. Сдѣлав юридической анализ подобной резолюции, вы почувствуете, что это то своеобразное понимание законности, от которого мы теперь, слава Богу, избавились. Здесь прикрывали свое беззаконие хохмотьями раздранный законности.

Обвинитель переходит к случаю с Савельевым. Я думаю, что неправильное действие в отношении Савельева переводит нас в область злой сатиры. Самый злой сатирик не решился бы измыслить то, что действительно совершено. По этому предмету произошли, кстати сказать, резкие изменения в объяснениях ген. Рейнбота. В своей книге, ген. Рейнбот прямо утверждает, что он принял меры, на которых считал себя нравственно обязанным; иначе его бы обвинили в бездействии власти. На суде эту нравственную обязанность он передал в руки начальника сыскальной полиции Моисеенко. Приказав Моисеенко принять соответствующие меры, он дальнейших и прямых распоряжений о высылке Савельева не дѣлал. Для чего все это дѣлалось? Я бы мог найти объяснения этому только в одном,—в том отношении к власти, о котором я говорил. Хотели оказать любезность лицу, которое просило, и сдѣлали то, что оно просило, не думывая в то, что из этого выйдет. Ланская, потерявшая в этой семейной бурѣ, привыкла обращаться ко всякой власти, смотреть на власть, как на орган, который обязан принимать участие в ее делах, она прибѣгает к уряднику, стражнику, иногда быть может прибѣгает за содействием к высшим чинам. Она не верит в суд, ибо там что то властное, что то однообразное. Это совершенно понятно, это кругозор наших близких, родных, с которыми мы склени, но это—тот кругозор, которому не подобает подчиняться носителю власти. Ланская явилась к Градоначальнику, говорить: „Спасите, спасите мою дочь“. И вот без всякой мысли не только о законности, но и целесообразности, примыкается та мера, которая вверена во имя государственной идеи. Конечно, сказать „посадить“, „устранить“—легко; но носитель власти должен сдѣлать это на основании закона. Отсюда необходимость перейти ту грань, за которой подлог. В правовой области действует то же начало, которое действует в области основных нравственных начал, и которое выражается в божественной формуле: „Мне отмщение, и Азъ воздам“. Нельзя даром нарушать закон, для учинения этого нужно совершить подлог, т. е. солгать, совершить то, что не только дурно, но унизительно для всех народов, для всех времен. К этой лжи прибѣгли, назвали Савельева политически неблагонадежным, хотя все политическое мировоззрение Савельева выражается в формуле „верность присяге“.

Коснувшись затѣм нарушений кассовых правил, прокурор перешел далее к преступлениям с корыстным характером и прежде всего остановился на анализе вопроса о „безкорыстном вымогательстве“. Рассмотрев понятия мадонства, лихоимства и вымогательства обвинитель приходит к выводу, что вымогательство—есть похищение имущества. Поэтому даже с формальной юридической точки зрения вымогательство в пользу третьего лица, в пользу бла-

господствующего учреждения должно быть построено так: если лицо вносить в благотворительное учреждение деньги, вследствие принуждения его должностным лицом, то юридически даръ, подлежащий благотворительному учреждению, — дѣло не этого частного лица, а должностного, а частное лицо есть только рука, творящая волю посплавшаго, рука, дѣйствующая подъ вліяніемъ силы. Въ сущности, тутъ въ аналогіи съ тѣмъ вопросомъ, который рѣзко былъ поставленъ въ послѣдній періодъ жизни передъ лицомъ суда и науки права, — тѣмъ вопросомъ, который разрѣшенъ извѣстнымъ повѣмъ терминомъ, появившимся въ оборотѣ. Я говорю о такъ назыв. „экспроприаціи“. Что выражаетъ собою этотъ терминъ? родился въ эпоху смуты въ человѣческомъ правосознаніи. Что же такое экспроприаціи, какъ не похищеніе въ пользу третьяго лица? И если въ вѣдомите объясненія, при помощи которыхъ защищаются разбойники, именующіе себя экспроприаторами, несомнѣнно вы усмотрите, что они не считаютъ себя лицами, совершающими корыстныя преступленія, считаютъ эти преступленія совершенными въ пользу третьяго лица — революціонной организаціи. Но, хотя наше время и очень склонно къ тенденціозному, парадоксальному толкованію закона, однако еще никто не рѣшался утверждать, что экспроприаціи — не разбойное нападеніе.

Прокуроръ останавливается даже на характеристикѣ раздачи на пріемахъ пособій на руки, которая такъ широко производилась при ген. Рейнботѣ, объясняетъ ее желаніемъ послѣдняго расширить и упрочить свою популярность, и переходить къ тому благотворительному обществу, въ кассу котораго и шли, главнымъ образомъ, принудительные сборы. Общество возникло сейчасъ послѣ покушенія на ген. Рейнбота, оно, по первоначальному предложенію, носило его имя. Взносами на это общество Москва должна была выразить свое уваженіе къ градоначальнику, свою признательность ему за его дѣятельность и радость по случаю счастливаго избавленія его и его помощника, Короткаго, отъ грозившей опасности. Это было вродѣ нѣкоего нерукотвореннаго памятника градоначальнику. Но просмотрите списокъ лицъ, жертвовавшихъ на этотъ нерукотворный памятникъ, — вы почти не найдете тамъ лицъ, которая съ видомъ преданности или любви къ своему начальнику желали бы сдѣлать доброе дѣло. Тамъ всюду проглядываетъ испуганный обыватель. Тамъ представители различныхъ мелкихъ коммерческихъ предпріятій, лицъ, безусловно зависящихъ, особенно во время исключительныхъ положеній отъ власти Московскаго Градоначальника. Если бы я не боялся обвиненія въ предъявленіи новыхъ обвиненій, я бы назвалъ весь этотъ списокъ поддогомъ знаменитости.

Обвинитель останавливается прежде всего на полученіи съ содержателей домовъ свиданій, Баранкова, Егорова и Никитина 10.000 руб., доказываетъ несомнѣнную наличность тутъ вымогательства. По злой ироніи судьбы, общество, долженствующее славить и ублаживать ими ген. Рейнбота первымъ свой капиталъ получило отъ того самаго разврата, борьбою съ которымъ ген. Рейнботъ началъ свою дѣятельность въ Москвѣ.

Теперь очередь за квартирами свиданій. Въ этой части впервые съ яркостью выступаютъ взаимоотношенія двухъ подсудимыхъ. Непосредственности у полк. Короткаго больше, онъ не умѣетъ вести нечестную игру, сверкая бѣлизной рукъ. Онъ называетъ вещи своими именами. Онъ прямо указываетъ сумму, которую нужно внести, говорятъ, что „пахнетъ тысячами“, что квартиры будутъ существовать только до тѣхъ поръ, пока ему, полк. Короткому, это угодно. Рейнботъ центръ тяжести перенесилъ на статьи расхода, полк. Короткій не брезговалъ и статьями прихода. Отношеніе ген. Рейнбота къ полк. Короткому ярко отразилось въ разсказѣ свид. старообрядки Кокушкиной. Ген. Рейнботъ выдерживаетъ благородный тонъ, полк. Короткій, не выдерживаетъ. „Предложить“ дважды повторяетъ онъ, генераль отмалчивается и только въ третій разъ съ высоты своего положенія даетъ разрѣшеніе.

Переходя къ случаю съ Масленниковымъ, обвинитель спрашиваетъ: Говорить ли мнѣ, вспоминать ли

о ссылкѣ на распоряженія покойнаго генераль-губернатора Гершельмана? думаю, лучше объ этомъ забыть. Здѣсь пытаются опровергнуть показанія вдовы генераль-губернатора Гершельмана показаніями бывшаго секретаря ген. Рейнбота, Яковлева.

Свидѣтельница Гершельманъ дала такое показаніе, къ которому никто не осмѣлился подойти даже съ намекомъ на подозрѣніе въ сознательной неправдѣ. Есть показанія, есть лица къ которымъ не пристають подобныя предположенія. Но одинаково нелепымъ и предположеніе о добросовѣстномъ заблужденіи. Когда я случайно получивъ эти свѣдѣнія, ходатайствовалъ передъ судебнымъ присутствіемъ о вызовѣ свидѣтельницы Гершельманъ, я конечно не имѣлъ никакого права утверждать, чтобы это изслѣдованіе привело къ тому, чѣмъ оно кончилось. Но ген. Рейнботъ, выслушавъ мое заявленіе, сказалъ, что его обвиняютъ въ очень тяжеломъ преступленіи. И онъ былъ правъ. Я увѣренъ, что и ген. Гершельманъ, понимала, что она наноситъ роковой ударъ бывшему Московскому градоначальнику. И если бы у нея была хоть капля сомнѣній, она бы не рискнула сказать то, что она произнесла, и тѣмъ тономъ, которымъ она эти слова сказала. Вотъ почему я думаю, что предположеніе даже о добросовѣстномъ заблужденіи должно быть устранено. О послѣдствіяхъ вѣры въ ея показанія я говорить не буду — они ясны сами по себѣ.

Даже обвинитель говоритъ о случаяхъ вымогательства съ Кучерова и Рубцова, говоритъ, что ихъ взносы были добровольными пожертвованіями нелепымъ:

По дѣлу несомнѣнно установлено, что всѣ эти лица были увѣрены, что внѣ этихъ взносовъ имъ не будетъ дано соответствующихъ послабленій. Взносы требовались, черезъ посредство другихъ лицъ, въ мягкой, быть можетъ, формѣ, но было убѣжденіе, что только путемъ этихъ взносовъ можно получить послабленія. Красной нитью проходитъ это черезъ все дѣло.

Напомню о случаѣ съ Рубцовымъ, этимъ разорившимся челоѣкомъ, добывшимъ деньги на благотворительный взносъ, если правильно разсказалъ объ этомъ свидѣтель Хлѣбниковъ, потихоньку, почти путемъ кражи. Напомню о Натрускинѣ, который былъ посредникомъ въ случаѣ съ Рубцовымъ и который давалъ показанія, для подсудимаго совершенно благоприятныя. А онъ удостовѣрилъ, что самъ ген. Рейнботъ, когда зашла рѣчь о разрѣшеніи навѣсить двери на ресторанахъ 3-го разряда, прямо спросилъ „что они могутъ дать?“ И была установлена сумма отъ 20 до 25.000 рублей. Натрускинъ этого факта не выдумалъ. И этотъ фактъ, самъ по себѣ, служить однимъ изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ, на сколько указанное выше убѣжденіе было живо въ лицахъ, зависящихъ отъ Московскаго градоначальника, занимавшихся соответственными торговыми или промышленными предпріятіями.

Даже слѣдуютъ случаи съ довольно патріархальными пріемами принудительнаго сбора, вымогательства, въ которыхъ обвиняется полк. Короткій. Тутъ и размахиваніе руками, и крики, и даже атака на фотографическую мастерскую. Тутъ мало пріемовъ благородства. Но существо — то же самое. Но въ одномъ отношеніи я не могу не согласиться съ полк. Короткимъ. Онъ говорилъ: „для чего я сталъ бы все это дѣлать? Рейнботъ могъ украсить свое служебное прошлое нерукотвореннымъ памятникомъ въ видѣ пріюта; но полк. Короткій не изъ тѣхъ, которые дѣлать подобныя честолюбивыя мысли. О знаменитости онъ не думалъ, и если все это дѣлалъ, то совсѣмъ не для себя. Онъ не брезговалъ этими способами, оказывая содѣйствіе тому, кому было выгодно и желательно, чтобы это дѣлалось. Въ случаѣ съ меблированными кнматами уже ясно видно, какъ развращеніе идетъ вглубь. Тутъ уже настоящая облава на людей, тутъ поднята на ноги сыскная полиція. Тутъ обходы цѣлаго ряда меблированныхъ комнатъ и полное исчезновеніе протоколовъ. Тутъ прямое участіе начальника сыскной полиціи Моисеенко. Онъ конечно понималъ, что значить пропала протоколовъ, понималъ куда идутъ эти благотворительныя сборы; понималъ, что уже разъ онъ въ такое дѣло попалъ, онъ и себя вознаграждаетъ за участіе въ этихъ неправ-

вильныхъ дѣйствіяхъ и не въ формѣ исканія знаменитости. Возможно ли болѣе типичное, болѣе характерное вымогательство, чѣмъ это „вымогательство въ пользу третьихъ лицъ“?

Обвинитель говорить далѣе, не вдаваясь въ какія-либо подробности, о вымогательствахъ съ ассенизаторовъ, считаетъ доказанною наличность уговора между обоими подсудимыми и затѣмъ переходитъ къ группѣ обвиненій, связанныхъ съ клубами. Вопреки указаніямъ ген. Рейбота, старающагося кивать въ сторону, то вверхъ, то внизъ, обвинитель считаетъ, что съ самаго начала ген. Рейботъ встрѣтилъ въ своей борьбѣ съ карточнымъ азартомъ содѣйствіе генераль-губернатора. Послѣдній категорически предписалъ бывшему московскому градоначальнику принять мѣры къ запрещенію азартной игры, а это означало смерть клубовъ, въ томъ числѣ тѣхъ трехъ клубовъ, Общественнаго, Артистическаго и Циклостовъ, которые, какъ пайболѣе занимающіеся азартомъ, были указаны самимъ московскимъ градоначальникомъ. Затѣмъ въ декабрѣ 1906 г. директоръ департамента конфиденціальнымъ письмомъ увѣдомляетъ градоначальника, что въ Москвѣ увеличилось число клубовъ и что большинство изъ нихъ являются открытыми игорными притонами. Мало того, у департамента имѣлись свѣдѣнія относительно принятія чинами полиціи участія въ этого рода предпріятіи. Далѣе, въ 1907 г. московскій генераль-губернаторъ даетъ категорическое указаніе относительно принятія мѣръ для борьбы съ этимъ зломъ. Потому, при наличности такихъ документовъ, заниматься неопредѣленными кивками въ сторону врядъ ли возможно. Изъ отдѣльныхъ клубовъ обвинитель прежде всего останавливается на Нѣмецкомъ клубѣ. Я думаю, говоритъ онъ, что несмотря на категорическое утвержденіе самаго доктора Витта о томъ, что пожертвованіе этого клуба было совершенно добровольнымъ, объективныя данныя свидѣтельствуютъ о другомъ,—что это было пожертвованіе необходимое, съ точки зрѣнія самого клуба, для того, чтобы продолжать заниматься азартомъ. Первый взносъ былъ сдѣланъ на основаніи постановленій совѣщанія старшинъ, а органомъ уполномоченнымъ было общее собраніе членовъ. Взносъ произведенъ 2 октября, а постановленіе состоялось 31 октября. Повидимому, сгѣшши. Почему? Говорятъ, вносили и раньше, но взносы на полицейскій пріемный покой, (а это былъ взносъ на полицейскій пріемный покой) раньше не производились, и въ общемъ благотворительность Нѣмецкаго клуба приобрѣтала широкіе размѣры лишь въ періоды общественныхъ бѣдствій. Былъ голодъ, была война,—и тогда жертвовали много; но нужно было появиться ген. Рейботу, чтобы взносы опять увеличились до предѣловъ, которые были въ періоды общественныхъ бѣдствій. Затѣмъ по удостовѣренію свидѣтеля Витта и Нѣмцова и изъ документовъ видно, что постановленіе состоялось о пожертвованіи полицейскому пріемному покою. И ген. Рейботъ ловкимъ, спокойнымъ движениемъ руки повернулъ этотъ край жертвоприношеній въ свой карманъ. Онъ сдѣлалъ это безъ всякихъ особенныхъ пріемовъ. Онъ выдалъ раздѣльной росписку о полученіи денегъ въ пользу полицейскаго пріемнаго покоя, а далѣе пошли уже росписки въ полученіи просто для благотворительности. Въ своей книгѣ и въ своихъ заявленіяхъ ген. Рейботъ пытался утверждать, будто онъ получилъ словесное разрѣшеніе на это доктора Витта. Но докторъ Виттъ категорически опровергнулъ это показаніе. Да, я думаю, съ точки зрѣнія ген. Рейбота согласія одного доктора Витта для этого было мало. Онъ долженъ былъ бы сказать Витту, что тутъ нужно новое постановленіе Общаго Собранія клуба.

Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ въ связи съ той естественной неохотой, съ которой люди говорятъ о своемъ положеніи обязанныхъ платить, да еще за право обыгрывать своихъ ближнихъ, приводить меня къ убѣжденію, что взносы имѣли принудительный характеръ, обусловленный общимъ убѣжденіемъ, что внѣ этого азартъ допустимъ быть не можетъ. Въ дѣлѣ Нѣмецкаго кружка есть еще одна сторона, о которой я не могу не напомнить. По постановленію Общаго Собранія членовъ клуба былъ вмѣсто 10%-наго отчисленія съ доходовъ, созданъ особый налогъ на

карты, притомъ не па карты вообще, а па карты только при азартныхъ играхъ, который всецѣло шелъ въ пользу благотворительности Московскаго градоначальника. Такъ борьба съ азартомъ кончилась участіемъ въ доходахъ съ азарта.

Наконецъ, съ Нѣмецкимъ клубомъ связанъ случай съ растратою пом. пристава Федоровымъ. Опять ту-пой уголь, изъ котораго нѣтъ выхода. Нѣмецкій клубъ готовъ внести эти деньги, по бывшій Московскій Градоначальникъ не можетъ опуститься до покрытій этой растраты изъ такого источника и говорить Витту, что этого не допустить, что уже пополнилъ растрату изъ своихъ собственныхъ средствъ. И клубъ эти деньги возвращаетъ градоначальнику. Если бы докторъ Виттъ думалъ, что растрата пополнена изъ казенныхъ средствъ, конечно, у него не было бы никакого основанія пополнить растрату.

Нѣмецкій клубъ возвращалъ, несомнѣнно деньги градоначальнику. Но здѣсь пробуютъ утверждать, что ген. Рейботъ могъ и не замѣтить сдѣланныхъ клубомъ прибавокъ къ обычнымъ благотворительнымъ взносамъ. Но замѣтите,—доходы съ азарта зависятъ отъ сезона. Съ начала въ октябрѣ они—1100 руб., въ декабрѣ—1400 руб., въ январѣ падаютъ до—1200 р., въ февралѣ еще больше падаютъ—1100 руб., великимъ постомъ сезонъ идетъ на убыль. И вдругъ въ мартѣ, вмѣсто 1100 руб.—1610 руб., въ апрѣлѣ—1628 р., а въ маѣ сразу паденіе до 900 руб!

Въ виду всего этого обвинитель по отношенію къ Нѣмецкому клубу поддерживаетъ противъ подсудимаго обвиненіе въ вымогательствѣ и заявляетъ, что если бы судебное присутствіе не раздѣлило бы его соображеній, тогда, по этому вопросу, необходимо было бы поставить, дополнительное обвиненіе относительно растраты.

Относительно спортивнаго клуба ген. Рейботъ, утверждаетъ, что рѣшеніе помиловать клубъ, приостановить репрессивныя мѣры было имъ принято еще до внесенія денегъ или, точнѣе, до появленія свидѣтеля Унтилова. Свидѣтель на судѣ показалъ, будто въ разговорѣ съ нимъ градоначальникъ сказалъ, что не считаетъ возможнымъ принимать теперь къ клубу репрессивныя мѣры. Но, если это такъ, почему же на столѣ у бывшаго градоначальника оказалась телеграмма на имя пристава, съ предписаніемъ немедленно закрыть. Что же; уже принявъ рѣшеніе все-таки инсценируютъ телеграмму? Затѣмъ постановленіе совѣта старшинъ о взносахъ принято 8 августа 1907 г. Именно въ этотъ же день приостановлены дальнѣйшія распоряженія о преслѣдованіи клуба. Это устраняетъ всякій споръ.

Прокуроръ анализируетъ далѣе „клубскую“ дѣятельность полк. Короткаго прежде всего относительно того музыкальнаго собранія, которое, по заявленію полк. Короткаго, и не могло ничего вносить, такъ какъ было близко къ полной нищетѣ. Однако рядомъ свидѣтелей удостовѣрено, что взносы клубомъ дѣлались трижды; и изъ внесенныхъ денегъ полк. Короткій, меньше мечтавшій о славѣ, чѣмъ о реальныхъ благахъ, 200 руб. обратилъ въ свою пользу. Такимъ же образомъ изъ денегъ, внесенныхъ Преображенско-Семеновскимъ собраніемъ, полк. Короткій обратилъ въ свою пользу 400 руб.

Теперь объ Артистическомъ клубѣ, который среди противниковъ ген. Рейбота даже назывался—„Рейботовскимъ“. Артистическій Клубъ внесъ, что подтверждается и записью книгъ, 1000 руб. на благотворительность. Кромѣ того, были выписаны въ расходъ еще 3000 руб. Свидѣтель же Макаresco и здѣсь, и на предварительномъ слѣдствіи говорилъ объ этомъ крайне сбиваясь, но утверждалъ, что передалъ полк. Короткому 2000 руб. Лицо, получившее 3000 руб. утверждаетъ, что передало по принадлежности 2000 руб. и уклончиво говоритъ объ остальной 1000. Можно было бы съ одинаковымъ чувствомъ собственного достоинства и съ одинаковою правоспособностью говорить и о передачѣ всѣхъ денегъ. И это заставляетъ меня повѣрить свидѣтелю Макаresco и признать, что онъ передалъ полк. Короткому—2000, изъ которыхъ 1000 была доставлена по принадлежности, а остальныя деньги обращены въ свою пользу.

По отношенію къ ген. Рейботу я считаю не установленнымъ по дѣлу, чтобы какія бы то ни было

суммы были имъ получены отъ Артистическаго Клуба. Поэтому я отъ обвинения ген. Рейнбота в этой части отказываюсь. Но я поддерживаю обвинение въ бездѣйствіи власти, выразившейся въ непріятіи мѣръ къ прекращенію азартной игры въ названномъ клубѣ.

Съ несомнѣнностью установлено, что Артистическій клубъ вносилъ большія суммы чинамъ полиціи. И самое яркое тому доказательство—поѣздка Молдавцева къ г-жѣ Легарь. Молдавцевъ изъ Москвы отправился въ Одессу, взявъ съ собою пачку денегъ и предлагалъ ихъ Легарь, за то, чтобы она заступилась за клубъ передъ градоначальникомъ. Если этотъ клубъ ничего не платилъ, если Молдавцевъ и Макареско эти деньги проигрывали, то зачѣмъ же ѣздилъ Молдавцевъ къ Легарь, отъ какихъ поборовъ просить освободить клубъ? Молдавцевъ рассказалъ ей про всю тяжесть своего положенія, про все крупныя суммы, которыя приходилось ему платить, рассказалъ ей и о полковникѣ Короткомъ, а она обо всемъ написала градоначальнику. Неужели же у него послѣ такого письма могла не явиться мысль, что въ этомъ клубѣ не благополучно? Что надо разузнать, надо принять мѣры?

Что же онъ дѣлаетъ, получивъ это письмо? Вызываетъ Молдавцева, грозно заявляетъ, что онъ, ген. Рейнботъ, все знаетъ, что напрасно Молдавцевъ розыскиваетъ его любовницъ,—и только. Дальнѣйшее не интересуетъ московскаго градоначальника. Клубъ продолжаетъ существовать, азартныя игры происходить, доходы растутъ, и растутъ ужасающе. За годъ взято по удостовѣренію свидѣтеля Аделя 140000 р.

Я позволю себѣ напомнить ту эволюцію во взглядахъ ген. Рейнбота, которая произошла въ отношеніи къ этому Артистическому клубу. Въ первой бумагѣ, отъѣзжавшей, на запросъ генералъ-губернатора въ мѣя 1906 г., Артистическій клубъ былъ обрисованъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, а когда былъ закрытъ такъ назыв. Филипповскій клубъ, и грозный генералъ Лавровъ подалъ жалобу на дѣйствія ген. Рейнбота, Рейнботъ удостовѣрилъ передъ своимъ начальствомъ, что Артистическій клубъ „не имѣетъ ничего общаго“ съ закрытымъ Филипповскимъ клубомъ, а имѣетъ своею цѣлью вспомоществованіе артистамъ. Это подлинное выраженіе „не имѣетъ ничего общаго“ представляется вѣнцомъ той эволюціи, которая произошла во взглядахъ Московскаго Градоначальника по отношенію къ клубамъ.

Обвинитель говорить далѣе объ умысленной незаписи благотворительныхъ суммъ, полученныхъ отъ Окопишниковъ, Пейца, Колесникова, Дерюжинскаго, кн. Голицына, двухъ жертвователей, пожелавшихъ остаться неизвѣстными и доказываетъ, что это дѣяніе—вполнѣ въ характерѣ всей дѣятельности ген. Рейнбота обычнаго его отношенія къ чужимъ деньгамъ. Съ самаго возникновенія дѣла ген. Рейнботъ утверждалъ, что ни одна копейка изъ пожертвованныхъ денегъ не попала къ нему въ карманъ. Но вѣдь до того, какъ предварительное слѣдствіе опредѣляло сумму поступившихъ къ нему пожертвованій, ген. Рейнботъ самъ этого никогда не зналъ, а потому онъ даже и не въ правѣ утверждать, будто ни одна копейка не попала въ его карманъ, онъ можетъ лишь сказать, что случай спасъ его отъ употребленія чужихъ денегъ въ свою пользу. Путемъ ряда вычисленій обвинитель приходитъ къ непреклонному въ его глазахъ выводу, что отъ поступающихъ къ ген. Рейнботу суммъ получался непремѣнно остатокъ, и онъ шелъ въ личную его, ген. Рейнбота, пользу. Обвинитель касается вопроса о растратѣ суммъ типографіи и ассигнованнаго на инвентаръ полиціи, говоритъ, что все возраженія обвиняемаго тутъ—только голословныя, не могутъ быть положены въ основу судебного приговора. Говорятъ, обвинение въ растратѣ такихъ суммъ невѣроятно: ген. Рейнботъ слишкомъ для того состоятельный человѣкъ. Но, во-первыхъ, присвоеніе этихъ денегъ предшествовало измѣненію въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. А главное это присвоеніе является результатомъ той принципиальности, съ которой генералъ-майоръ Рейнботъ не различалъ вѣрренныхъ ему казенныхъ денегъ отъ своихъ. И развѣ терминъ „присвоеніе“, не приложимъ ко всемъ дѣйствіямъ ген. Рейнбота прежде всего—къ этимъ благотворительнымъ пособіямъ? Вѣдь если имущество вѣряется для передачи въ видѣ

дара, кому-либо третьему, то порученіе будетъ исполнено только тогда, когда оно совершается отъ имени передавшаго эту сумму. Иначе мы имѣли бы дѣло съ обращеніемъ съ чужимъ имуществомъ, какъ съ своимъ собственнымъ. Такъ именно поступалъ ген. Рейнботъ, раздавая отъ своего имени, отъ добраго сердца Московскаго Градоначальника, все вѣрренныя ему суммы. При пониманіи дѣла государственнаго служенія только съ точки зрѣнія личныхъ усѣховъ, нужно было неизбѣжно дойти до взгляда на вѣрренный капиталъ, на вѣрренное чужое имущество, какъ на свои собственные. Отъ обвиненій ген. Рейнбота въ вымогательствѣ отъ Кунеческаго клуба и Литературно-Художественнаго прокуроръ отказался.

Здѣсь много говорили,—заканчиваетъ обвинитель,—о служебныхъ заслугахъ ген. Рейнбота. Я думаю, для того, чтобы оцѣнить вполнѣ дѣятельность администратора, и въ такое тяжелое время, нужно предпринять изслѣдованіе, гораздо болѣе серьезное, чѣмъ какое доступно намъ при разсмотрѣніи настоящаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, я далекъ отъ мысли умалить тѣ достоинства ген. Рейнбота, которыя были тутъ удостовѣрены цѣлымъ рядомъ свидѣтелей. Но я думаю, что съ точки зрѣнія судебной, съ точки зрѣнія правовой этотъ вопросъ даже и не подлежитъ нашему обсужденію. Мнѣ приходится въ голову такой примѣръ. Представьте себѣ, что человѣкъ совершилъ акты геройства на войнѣ, сталъ народнымъ героемъ. А потомъ оказалось, что онъ учинилъ рядъ уголовно наказуемыхъ дѣяній, да еще корыстныхъ. Есть власть, которая можетъ простить все это, но это—внѣ предѣловъ обсужденія суда.

Больно развѣнчивать героя, больно развѣнчивать людей, которые принесли пользу родинѣ, больно и за родину, и за тѣхъ людей. Но люди талантливыя, люди способныя къ блестящей дѣятельности, способныя совершать геройство, пробиваться впередъ честными путями, имѣютъ особенно мало оснований идти путями отрицательными. Невольно обращаешь этотъ упрекъ къ тому, кто, будучи такъ богатъ одаренъ, не удержался отъ того, чтобы такъ низко пасть.

На этомъ я могъ бы кончить, но я хочу сказать еще два слова относительно заявленій, которыя здѣсь не разъ дѣлалъ ген. Рейнботъ. Онъ указываетъ, что ревизіи надъ собою потребовалъ онъ самъ. Это, съ его точки зрѣнія, доводъ сильный. Я съ нимъ въ этомъ отношеніи не согласенъ. Этотъ способъ самозащиты довольно ordinarily. Тотъ, кто хорошо припряталъ концы смѣло требуетъ разслѣдованія. Ген. Рейнботъ имѣлъ много оснований требовать разслѣдованія, ибо разслѣдованіе, которое кончилось только здѣсь, на судѣ, стоило такихъ усилій, такой громадной, исключительной работы, на которую расчитывать было трудно. А внѣ этой исключительной работы цѣлаго ряда лицъ, вѣровавшихъ въ то, что наша родина способна справиться съ злоупотребленіями, внѣ свѣтлой вѣры въ русскую законность,—такая работа была бы немислима. Она произведена, и только благодаря этой работѣ, мы и разсматриваемъ это дѣло, продолжаемъ эту ревизію, и нашли подтвержденіе всехъ тѣхъ фактовъ, которые путемъ упорнаго труда эта ревизія установила, а предварительное слѣдствіе провѣрило. Да, можно было требовать ревизіи, шансовъ на такое ея выполненіе было мало. Ген. Рейнботу въ этомъ отношеніи не повезло.

Кончая мое обвиненіе, я поддерживаю обвинительный актъ, за исключеніемъ тѣхъ обвиненій, отъ которыхъ я имѣлъ честь отказаться, и квалифицирую тѣ дѣянія, которыя поддерживаю, равнымъ образомъ согласно того же обвинительнаго акта. Размѣры отвѣтственности г.г. сенаторы и г.г. сословные представители всецѣло предоставляю вашему усмотрѣнію. Я кончилъ.

День четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый заняты судебными преніями сторонъ—рѣчами обвинителя, г. Носовича, вѣрренняго гражданскаго истца, г. Варшавскаго, защитниковъ ген. Рейнбота—г.г. Минятова и Карабачева и полк. Короткаго,—г. Адамова.

По окончаніи преній, предоставлено послѣднее слово подсудимымъ.

Ген. Рейнботъ въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ:

— Четыре года надо мной тяготѣютъ тѣ обвиненія, которыя прошли сейчасъ передъ правительствующимъ сенатомъ. Четвертый годъ я подвергаюсь этимъ униженіямъ, о которыхъ говорила моя защита. Здѣсь же, въ залѣ этого присутствія мнѣ было брошено тяжелое оскорбленіе уже личнаго свойства г. представителемъ государственнаго обвиненія. Г. представитель обвиненія бросилъ мнѣ обвиненіе въ томъ, что я скрылъ концы, прося ревизіи сенатора. Я здѣсь доказалъ документально—и это было подтверждено свидѣтельскими показаніями, что когда я ушелъ изъ стѣнъ градоначальства, я оставилъ открытыми книги въ моемъ столѣ, я оставилъ градоначальство такимъ, какимъ оно было въ минуту подачи мною рапорта объ отставкѣ. Эти концы я передалъ сенатору Гарину, чтобы онъ могъ по нимъ дойти до правды. Я жду справедливаго приговора правительствующаго сената. Моя же совѣсть спокойна.

Полк. Короткій въ своемъ послѣднемъ словѣ сказалъ:

— Ваше высокопресвходительство,—говорить Короткій,—правительствующій сенатъ и господа сословные представители. Если я дѣлалъ служебные ошибки, то могу васъ увѣрить, что дѣлалъ ихъ безъ злого умысла, а только по невѣднію или по незнанію. Къ моимъ рукамъ не прилипли никакія чужія деньги. Какимъ я пришелъ на службу, такимъ и ушелъ—неимущимъ. Если я день и ночь становился лицомъ къ лицу со смертью,—я это въ заслугу себѣ не ставлю. Я зналъ, на что шелъ. Но позволяте напомнить объ одномъ взрывѣ бомбы, который произошелъ около дома, гдѣ я жилъ. Окна моей квартиры были разбиты. Въ квартирѣ этой находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности моя жена. Взрывъ этотъ навсегда отразился на ея здоровьи. Благодаря этому и сейчасъ она отсутствуетъ. Прошу васъ оставить мнѣ мундиръ, который я въ продолженіи 27 лѣтъ заслужилъ честной и безупречной службой, и оставить мнѣ пенсію, потому что это единственное подспорье для обезпеченія моихъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей.

День семнадцатый. Лишь около восьми часовъ вечера открылось засѣданіе судебного присутствія. Сенаторомъ Гераковымъ оглашены вопросы пункты, поставленные сенатомъ на свое рѣшеніе. Всѣхъ вопросовъ пунктовъ 55. Согласно указаніямъ защиты въ ея рѣчахъ, во всѣхъ случаяхъ обвиненія вымогательства, какъ относительно подсудимаго Рейнбота, такъ и относительно полк. Короткаго поставлены параллельные вопросы о превышеніи власти. Въ отличіе отъ обвинительнаго акта относительно Артистическаго клуба поставленъ, согласно рѣчи обвинителя вопросъ о бездѣйствіи власти.

Обвинитель заявляетъ ходатайство о постановкѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ вопросовъ. По подробное изложеніе его ходатайства и обсужденіе послѣдняго судебнымъ присутствіемъ откладывается до слѣдующаго дня.

День восемнадцатый. Обвинитель ходатайствуетъ о дополнительныхъ вопросахъ—о присвоеніи денегъ, внесенныхъ Кучеровымъ, и о должностной растратѣ тѣмъ же подсудимымъ суммъ, полученныхъ отъ Нѣмецкаго клуба, и о нѣсколькихъ должностныхъ растратахъ полученныхъ на благотворительность суммъ—относительно полк. Короткаго. Вопросы эти добавлены къ вопросному листу. Сенаторы около трехъ часовъ дня удалились для совѣщанія о приговорѣ. Около одиннадцати часовъ вечера сенатъ извѣстилъ, что свое совѣщаніе переноситъ на слѣдующій день.

День девятнадцатый. По открытіи засѣданія, председательствующій оглашаетъ приговоръ сената.

Приговоръ гласитъ:

1911 года мая 17-го дня, по указу Его Императорскаго Величества судебное присутствіе опредѣлило:

„Выслушавъ дѣло по обвиненію бывшаго московскаго градоначальника, отставнаго генераль-маіора А. А. Рейнбота и помощника московскаго градоначальника гвардіи полковника В. Короткаго, первого по 338, 341, 348, 362, 354, 358; 377; 378 ст. ст. уложенія о наказаніи, а второго—по 377, 378, 9.

I. Подсудимыхъ, отставнаго генераль-маіора А. А. Рейнбота, 40 лѣтъ, на основаніи статей 341, п. 1, 343, 348, п. 2; 1,540, п. 3; 345 п. 2; 377, 378, 411, 417, 134, 135, 149, 65; 39 п. 2; 31 ш. 3 и 5 и 152-ой уложенія о наказаніяхъ—по лишеніи всѣхъ особыхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ заключить въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ съ послѣдствіями по ст. 58 ш. 1 и 2-й, и съ замѣной по 77-й ст., и отставнаго гвардіи полковника В. А. Короткаго, 45 лѣтъ, на основаніи статей 341, п. 1; 373 п. 1; 374, 377, 378, 134, 135, 149, 65; 31 п. 3, 4, 5; и 152 уложенія о наказаніяхъ—по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ заключить въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ съ послѣдствіями по 58 ст. п. 1 и 2 съ замѣной по 77 ст.

II. На основаніи статей 973 п. 3, 378 п. 3 уложенія о наказаніяхъ, взыскать съ подсудимаго Рейнбота 27,329 руб. 50 коп. и съ Короткаго—7,900 руб. и отчислить эти деньги въ московскую губернскую земскую управу.

III. Настоящій приговоръ по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, представить, на основаніи ст. 945 уст. уг. суд., черезъ министра юстиціи, на усмотрѣніе Императорскаго Величества и ходатайствовать о смягченіи участи осужденныхъ Рейнбота и Короткаго, съ замѣной опредѣленнаго каждому изъ нихъ наказанія,—заключенія въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ—исключеніемъ изъ службы по п. 1 ст. 65 уложенія о наказаніи.

IV. Судебныя по дѣлу издержки возложить на осужденныхъ поровну съ круговой другъ за друга поручкой, а въ случаѣ ихъ несостоятельности, принять на счетъ казны.

V. Изъ внесенныхъ въ депозитъ, правительствующаго сената ген. Рейнботомъ на пополненіе произведенныхъ имъ растратъ денегъ 4,739 руб. 85 коп. обратитъ въ казну.

VI. Въ удовлетвореніе гражданскаго иска вдовы личнаго почетнаго гражданина С. П. Масленникова, взыскать въ ея пользу, съ отставнаго генераль-маіора А. Рейнбота 500 руб.

VII. Подсудимыхъ Рейнбота и Короткаго по обвиненію ихъ: первого—въ превышеніи власти, выразившемся въ распоряженіи о высылкѣ изъ Москвы Промохова и Черныгина, въ присвоеніи 5,000 р., внесенныхъ Вирюковымъ, въ вымогательствахъ съ Чурилина, Пахомова, Шалугина, Кухтина, Морозова, Воронова, Савина, Кубанова; Юрлова, Пыхова, Яшина, Распекина, Артамонова, Золотова, Воронова, Фролова, Вечкина, Баркова, Тихомірова, Павлютова, Шадрова, Морозова, Масленникова, Рубцова; (Рубцова), Кучерова, московскаго артистическаго клуба, московскаго купеческаго собранія и литературно-художественнаго кружка, а второго—въ вымогательствѣ съ Никитина, Егорова, Барашкова, Чурилина, Пахомова, Шалугина, Кухтина, Морозова, Воронова, Савельева, Чубанова, Юрлова, Пыхова, Яшина, Распекина, Артамонова, Золотова, Воронова, Фролова, Вечкина, Баркова, Заколотной, Степанова, Грана, Васильева, Соболева, Тихоміровой, Стручкова, Русанова, Иванова, Гольдышева, Алексѣева, Кубелика, московскаго артистическаго клуба, московскаго преображенско-семеновскаго собранія; въ присвоеніи денегъ, полученныхъ съ г. Пахомова, изъ московскаго артистическаго клуба, изъ московскаго преображенско-семеновскаго собранія—признать

невиновными и на основании ст. 771 уст. уг. суд. по суду оправданными“.

Председательствующий, сообщивъ, что мѣрою пресѣченія до момента произнесения приговора былъ: для Рейбота—залогъ въ 5000 руб., для Короткаго—залогъ въ 1000 руб., предлагаетъ обвинителю высказаться относительно мѣры пресѣченія, которая теперь должна быть принята относительно осужденныхъ.

Прокуроръ находитъ прежнюю мѣру достаточной и ходатайствуетъ о ея сохраненіи. Защита, въ лицѣ прис. пов. Минятова, присоединяетъ свое ходатайство о томъ же. Сенатъ постановилъ сохранить прежнюю мѣру пресѣченія.

Председательствующій объявилъ засѣданіе судебного присутствія сената по настоящему дѣлу законченнымъ.

СПБГУ